

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

**BIOETHICS AND HUMANITARIAN
EXPERTISE**

Volume 6

Moscow
2012

Российская Академия Наук
Институт философии

БИОЭТИКА И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Выпуск 6

Москва
2012

УДК 171
ББК 87.7
Б 63

Ответственный редактор

доктор филос. наук *Ф.Г. Майленова*

Рецензенты

доктор филос. наук *В.И. Аришинов*
доктор филос. наук *А.Я. Иванюшкин*

Б 63

Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2012. – 239 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0219-5.

Шестой ежегодный выпуск сборника посвящен анализу актуальных аспектов истории и методологии гуманитарной экспертизы, также большое внимание уделяется проблемам биоэтики и виртуальности. Этические вопросы, возникающие в пространстве применения био- и психотехнологий – традиционно в центре внимания авторов сборника. Особое внимание авторы уделяют проблемам соотношения рационального и иррационального в различных аспектах человеческой жизни: телесности, социуме, властных структурах, обучении, творчестве. Комплексный подход к изучению проблем человека находит свое воплощение также в материалах, посвященных модификации человеческой природы .

ISBN 978-5-9540-0219-5

© Коллектив авторов, 2012
© ИФ РАН, 2012

Содержание

Введение	7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

<i>Юдин Б.Г.</i> Новые итоги давнего исследования	12
<i>П.Д. Тищенко</i> Экология человека и проблема «отходов» социальных технологий.....	27
<i>Беляетдинов Р.Р.</i> Ценностный конфликт в развитии нанотехнологий.....	38
<i>В.И. Моисеев</i> Конкретная универсальность и биоэтика.....	54
<i>Ф.Г. Майленова</i> Риски и соблазны психолога-консультанта	82
<i>Я.В. Чеснов</i> Нуминозное тело и одежда	102

ВИРТУАЛИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИКЕ

<i>О.В. Попова</i> Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего	130
<i>О.А. Скоркин</i> Биологос в системе образования	152
<i>Г.П. Юрьев</i> Мультипликатор субличного доверия УллаДа и глубинная педагогика	179
<i>М.А. Пронин</i> Виртуал команды – феноменология и теоретическая модель командообразования	194

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков</i> Из истории формирования проблематики комплексного исследования человека (Дейчландсбергские симпозиумы)	211
Аннотации	229
Summary	234
Авторы выпуска	238

Contents

Preface.....	7

THEORETICAL PROBLEMS OF BIOETHICS

<i>Yudin B.G.</i> New results of the olden research.....	12
<i>Tishchenko P.D.</i> Human Ecology and the problem of waste in social technologies.....	27
<i>Belyaletdinov R.R.</i> Conflict of values in the development of nanotechnologies.....	38
<i>Moiseev V.I.</i> Concrete universality and Bioethics.....	54
<i>Mailenova F.G.</i> Risks and temptations of consulting psychologist.....	82
<i>Chesnov Ya. V.</i> Numinous Body And Dress.....	102

VIRTUALISTICS OF EDUCATION AND PEDAGOGY

<i>Popova O.V.</i> Child as an object of socio-cultural design: in search of the man of the future.....	130
<i>Skorkin O.A.</i> Biologos in the educational system.....	152
<i>Yuryev G.P.</i> The multiplier of subpersonal confidence UllaDa and depth pedagogy.....	179
<i>Pronin M.A.</i> Virual teams – theoretical model of team building: brief report.....	194

SCIENTIFIC LIFE

<i>Belkina G.L., Korsakov S.N.</i> From the History of Formation of the Problematics of Complex Research of the Human Being (Deutschlandsberg Symposia).....	211
Summary.....	234
Authors.....	238

Введение

1. Теоретические проблемы биоэтики

Шестой выпуск ежегодника сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики состоит из трех разделов: 1) теоретические проблемы биоэтики, 2) виртуалистика в образовании и педагогике, 3) научная жизнь. Первый раздел сборника открывается статьей руководителя отдела Б.Г.Юдина «Новые итоги давнего исследования». В статье анализируется этическая сторона медицинских исследований, проводившихся в Гватемале в 1946–1948 гг. при поддержке правительственных ведомств США. В ходе этих экспериментов проводилось инфицирование испытуемых (в том числе заключенных, военнослужащих и т. п.) сифилисом, гонореей и твердым шанкром. Возможно, на сегодняшний день проведение столь бесчеловечных опытов над другими людьми и не практикуется, однако новые технологии продолжают порождать этические конфликты, снятие которых лежит в плоскости междисциплинарного диалога и является предметом гуманитарной экспертизы. Статья Р.Р.Белялетдинова «Ценностный конфликт в развитии нанотехнологий» посвящена поиску возможностей решения этих конфликтов, нахождения компромисса между требованиями науки и гуманистическими ценностями. Обычно этот процесс начинается с моделирования рисков, алармизма, чтобы в итоге прийти к приемлемому решению, в рамках которого технология может развиваться, не угрожая жизни и здоровью людей. Как правило, этот компромисс оформляется в виде этических кодексов, норм и т. п., регулирующих ту или иную сферу исследовательской и производственной деятельности. Между тем интересно отметить, что нанотехнологии выделяются в ряду новых технологий, поскольку меняют уже сложившиеся траектории экспертизы как допуска рисков в обмен на блага. Непредсказуемость свойств наноматериалов, созданных при помощи нанотехнологий, является проблемой, которая подрывает саму идею этической экспертизы, так как не позволяет в достаточной мере четко дать оценку возможных рисков. В связи с этим происходит столкновение ценностей технического развития и необходимости обеспечить безопасность, установки на предсказуемость действий и фактической их неконтролируемости, ставшей одной из основных биоэтических проблем развития нано-

технологий. Рефлексия биоэтического и социального контекста нанотехнологий не столько изменила этическую методологию оценки новых технологий, сколько вывела саму идею риска на новый уровень как неотъемлемого элемента развития.

Идею эту, но уже в более широкой рамке осмысления – риска самого существования человека – затрагивает и П.Д.Тищенко. В его статье «Экология человека и проблема “отходов” социальных технологий» утверждается, что человек и человечество все в большей степени соизмеряют свое существование с глобальной машинерией техногенной цивилизации. Этим оправдано широкое использование термина «социальные технологии». Семантическое сближение политического действия с инженерной практикой, осуществляемое в понятии социальной технологии, позволяет поставить вопрос об отходах политической деятельности, не менее, если не более опасных, чем промышленные. У экологической проблемы существует специфический социально-политический план.

Осмысление единства теоретического и практического, универсального знания и частного в применении к биоэтическому дискурсу лежит в основе работы В.И.Моисеева. В статье «Конкретная универсальность и биоэтика» автор исследует феномен так называемой «конкретной универсальности» – универсального знания, способного в результате определенной процедуры систематически прилагаться к частным ситуациям. Наиболее известным примером этого выступают естественнонаучные законы, которые формулируются в виде универсальных суждений, где фигурируют переменные, на места которых можно подставлять частные значения, получая конкретное знание. В статье обсуждается тема границ подобного вида универсальности и возможностей её использования в биоэтическом дискурсе. Частным случаем такого применения является проблема кодифицирования гуманитарной деятельности и о чем идет речь в статье Ф.Г.Майленовой «Риски и соблазны психолога-консультанта». В профессиональной деятельности последнего нередки ситуации, когда сталкиваются различные интересы и ценности, и очень важно уметь решить проблемы, не причиняя вреда ни клиенту, ни себе, ни кому бы то ни было еще. Для того чтобы помочь психологам разобраться в наиболее часто встречающихся нравственных коллизиях, с одной стороны, и защитить клиента от возможных злоупотреблений, с другой, раз-

рабатываются различные этические кодексы. Главная цель единых этических стандартов – способствовать решению проблемы профессиональной некомпетентности, установить основополагающие права и обязанности, вытекающие из особенностей профессиональной деятельности психолога. Кодекс должен служить психологу ориентиром при планировании и построении работы с клиентом, в том числе при разрешении проблемных и конфликтных ситуаций, возникающих в процессе его профессиональной деятельности. Однако даже максимально подробный и тщательно разработанный кодекс не способен дать ответы на все вопросы и тем более заменить личную компетентность – не только психологическую, но и нравственную.

Человек – это загадка. Удивительна не только его духовная, нравственная жизнь, но и то, что мы привыкли не замечать за налетом повседневности, что воспринимаем как нечто понятное и обыденное, – человеческая телесность. Между тем тело человека таит в себе чудес не меньше. Я.В.Чеснов в статье «Нуминозное тело и одежда» пишет, что нуминозное нас удивляет своей чуждой неантропоморфностью. Оно еще сингулярно. Оно вне реальности, а потому является метафизической силой. Эта сила при сосредоточении в теле становится личностной энергетикой. Растительные волокна, шкуры и украшения через инверсии превращаются в одежду, которая наращивает нуминозность тела и соответственно энергетiku личности. Ян Вениаминович еще раз нам доказывает, сколь неисчерпаем человек во все своих проявлениях.

2. Виртуалистика в образовании и педагогике

Второй раздел начинается статьей О.В.Поповой «Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего». В статье рассматриваются риски модификации телесности человека в контексте развития современных технологий. На примере российского антропотехнического проекта «Детство-2030» проанализированы этические проблемы конструирования человека и радикального подхода к его модификации. О.А.Скоркин в статье «Биологос в системе образования» предлагает многоаспектный взгляд на современное состояние системы

образования, сложности перехода от техногенной к антропогенной цивилизации, связанные с этим пересмотр привычных представлений о человеке, о мире и смену ценностных ориентаций. Сложности гуманитаризации образования охватывают сферы как не надо средней школы и вузов, так и педагогических коллективов. Особое внимание уделено созданию среды, и в первую очередь информационной, для обучающихся и обучаемых. В статье Г.П.Юрьева «Мультипликатор субличностного доверия и глубинная педагогика» обосновывается концепт «мультипликатор субличностного доверия», который позволяет унифицировать и стандартизировать результаты психологических и психофизиологических исследований человека, сохраняя при этом строго индивидуализированный подход к эмоционально-волевой структуре его личности. Теоретической базой нового концепта является фундаментально-прикладное мультидисциплинарное направление науки: «трилемматический материализм биоэтических методов диагностики, профилактики и лечения» (Г.П.Юрьев) в соединении с мультипликатором доверия Дж. Акерлофа и Кейнсианской моделью экономики в мультиагентной парадигме техноэтических систем «человек – техника – человек». Это позволяет объединить социальные, профессиональные, психологические, психосоматические и другие реальности в как бы «живом» электронном паспорте человека. Завершает тему формирования личности статья М.А.Пронина «Виртуал команды – теоретическая модель командообразования: краткое сообщение», в которой представлена теоретическая модель командообразования философско-антропологической степени общности, основанная на конструкте «виртуальный человек», созданном в рамках виртуалистики. Системная модель охватывает статический и динамический модусы бытия команды, ее онтологическую структуру (элементы, порождающую и порожденную реальности, роторную и дивергентную компоненты), инвариантную траекторию становления в пространстве физически реализуемых состояний с иерархией. Порожденный феномен актуального существования команды на уровне целостности определен через понятие «виртуал команды» с выделением обыденного (конусетального) состояния и регистров развала деятельности (инграгуала) и сверхэффективного ее функционирования (гратуала). Формализована нормальная и патологическая онтология в пирамиде командного виртуала, включая его

телеономическую (целевую) и деятельностьную составляющие, а так же массу и оболочку виртуала команды. Представлены феноменологические примеры (видовые проявления) – казусы, нормы и патологии при синомичном и аномичном способе формирования виртуса – в обыденном понимании духа команды.

3. Научная жизнь

Раздел представлен статьей Г.Л.Белкиной и С.Н.Корсакова «Из истории формирования проблематики комплексного исследования человека (Дойчландсбергские симпозиумы)». Рассказывается об одном из эпизодов научной жизни 1980-х гг. – о международных симпозиумах, проводимых в Дойчландсберге университетами Граца и Эрлангена под общим названием «Наука и гуманизм». На симпозиумах обсуждались такие вопросы, как: структуры, регулятивы и закономерности развития науки, значение естественнонаучных концепций для изучения культуры, место и роль человека в философских концепциях природы, гуманистическое содержание наук и изменение ценностей. От нашей страны в симпозиумах участвовали известные философы, в том числе академик И.Т.Фролов.

Чрезвычайно важно помнить, что важнейшие проблемы, над которыми бьются современные ученые и философы, имеют свои истоки, и порой незнание этого не просто тормозит дальнейшее движение вперед, но и приводит к повтору и усугублению старых ошибок. Между тем ответы нередко уже существуют, и одна из наших задач состоит в том, чтобы не потерять наработанный потенциал.

Ф.Г.Майленова, ответственный редактор

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

Б.Г. Юдин

Новые итоги давнего исследования

Этическое сопровождение биомедицинских исследований (БМИ) с участием человека – это, пожалуй, самый разработанный раздел биоэтики. Ему посвящено множество нормативных документов как национального, так и международного масштаба.

Характерно, что развитие такого регулирования в последние 70 лет во многом стимулируется критическим осмыслением существующей практики БМИ. При этом объектом особого внимания становились прежде всего те исследования, которые проводились с грубыми нарушениями требований морали, причем не только и не столько профессиональной, сколько общечеловеческой.

Так, первый в новейшей истории документ международного права, в котором были изложены этические нормы проведения БМИ, – Нюрнбергский кодекс (1947 г.) – появился в результате судебного расследования тех бесчеловечных экспериментов над узниками концлагерей, которые проводились нацистскими медиками в годы Второй мировой войны. Принципы Нюрнбергского кодекса впоследствии были детализированы в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации (первая редакция – 1964 г.).

В 1966 г. американский анестезиолог Генри Бичер опубликовал статью «Этика и клинические исследования»¹. В ней было представлено 22 примера неэтичных исследований, проводившихся с риском для здоровья и даже жизни пациентов. Статья породила острые дискуссии, одним из результатов которых стало создание при Национальных институтах здоровья США Бюро по защите

участников исследований (Office for protection of research subjects). Бюро разработало правила проведения этической экспертизы исследовательских проектов, для осуществления которой рекомендовалось создание исследовательских этических комитетов.

В 1979 г. в США был опубликован так называемый «Бельмонтский доклад». Он был подготовлен Национальной комиссией по защите человека при проведении биомедицинских и поведенческих исследований, действовавшей под эгидой Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения в 1974–1978 гг., и носил заглавие «Этические принципы и рекомендации по защите человека при проведении исследований»². Одной из причин как создания этой комиссии, так и подготовки «Бельмонтского доклада» явилось то, что в 1972 г. общественности стало известно о так называемом «эксперименте в Таскеги». С 1932 по 1972 гг. в этом городе штата Алабама проводилось лонгитюдное (т. е. долгосрочное) исследование, в ходе которого изучалось естественное, т. е. происходящее при отсутствии какой-либо терапии, развитие у испытуемых такого заболевания, как сифилис. В исследовании участвовало 399 чернокожих мужчин, 201 из которых составляли контрольную группу. Начиная с 1947 г. стало стандартным весьма эффективное лечение сифилиса пенициллином, но испытуемым его не назначали и скрывали от них, что появилась такая терапия. В 1972 г., после того, как произошла утечка информации об этом исследовании в прессу, оно было прекращено. За 40 лет его проведения 28 испытуемых умерло от сифилиса, еще 100 – от осложнений; было инфицировано 40 жен испытуемых, и родилось 19 детей, зараженных сифилисом.

История исследования, начавшегося в городе Таскеги (штат Алабама) в 1932 г., оказала такое влияние на политику проведения экспериментов с участием человека, как никакая другая. Когда в 1972 г. это исследование приобрело широкую известность, произошел взрыв негодования, который привел к политическим изменениям в сфере медицинских исследований.

Впрочем, как отмечает историк медицины профессор колледжа Уэллсли (Массачусетс, США) Сьюзен Ревербай³, автор серии публикаций по истории экспериментов в Таскеги, с течением времени эти события все больше мифологизировались. В действительности доктора Службы общественного здравоохранения (СОЗ)

США, проводившие исследование, просто-напросто наблюдали за ходом уже приобретенного и нелеченного заболевания сотен мужчин-афроамериканцев на поздней скрытой стадии в округе Макон (Алабама), в который входит и город Таскеги. В первые месяцы 1932 г. было проведено некоторое лечение, а затем не проводилось ни лечения тяжелыми металлами, ни лечения пенициллином даже после того, как оно доказало свою эффективность.

Между тем в фольклоре, который сложился вокруг этих исследований, утверждается, что доктора скрыто инфицировали мужчин бактериями, вызывающими сифилис. Это до сих пор постоянно воспроизводится в тех или иных формах во множестве книг, статей, писем и т. д., нередко этот миф сопровождается фотографиями, на которых шприц, находящийся в белой руке, вонзается в черную.

Историки этого исследования сделали многое для того, чтобы исправить ошибочные толкования, распространенные как среди широкой общественности, так и в научной среде. Ведь само по себе происходившее в Алабаме возмутительно даже без этих неверных деталей⁴.

Впрочем, миф по поводу умышленного заражения в исследовании Таскеги в определенном смысле отражает реальные обстоятельства. «В расово разделенной стране, – отмечает С.Ревербай, – мысль о том, что правительственные ученые, упиваясь своей властью над доверчивыми издолщниками, которые отчаянно нуждаются в медицинской помощи, могут намеренно и тайно заразить чернокожих мужчин изнурительной и даже смертельной болезнью, кажется вполне возможной»⁵. Подозрение в том, что мужчин намеренно инфицировали, близко к укорененным в коллективном культурном сознании страхам перед экспериментами. Допустить, что испытуемых в Таскеги заражали, а не просто наблюдали за ними, – значит представить расизм в наихудшем свете, хотя более отталкивает сама обыденность того, что им не предлагалось лечения.

«Впрочем, – продолжает С.Ревербай, – горькая ирония заключается в том, что мифологизированная версия исследования в Таскеги может оказаться более точным изображением этики СОЗ середины XX в., чем по видимости самый строгий анализ. Ведь исследователи из СОЗ действительно проводили умышленное инфицирование сифилисом бедных и уязвимых мужчин и жен-

щин с тем, чтобы изучать эту болезнь. Только происходило это не в Алабаме, а еще южнее, в Гватемале»⁶. Об этом, впрочем, несколько позже.

В Бельмонтском докладе были сформулированы три основополагающих этических принципа проведения БМИ:

уважение личности, ее автономии;

благодеяние: «не причиняй вреда» и «сделай максимальной возможную пользу и минимальным возможным вред»;

справедливость – необходимость использовать рациональные процедуры, позволяющие избегать эксплуатации испытуемых и обеспечивать справедливое распределение рисков и благ, происходящих от исследования.

Очевидно, каждый из этих принципов, в особенности третий, нарушался при проведении экспериментов в Таскеги, так что Бельмонтский доклад можно рассматривать как результат критического осмысления этих экспериментов.

В последние десятилетия все более широкий размах приобретают так называемые многоцентровые БМИ, которые проводятся одновременно в целом ряде исследовательских центров разных стран мира. Многоцентровые исследования позволяют обеспечить существенную экономию как времени, так и финансовых затрат на пути медицинских новаций к рынку. В то же время, однако, они порождают серьезные этические проблемы. Среди них то, что такие исследования, когда проводятся в развивающихся странах, могут вести к эксплуатации испытуемых, на долю которых при этом выпадают риски, связанные с испытанием нового препарата или метода, тогда как польза от этого новшества достается пациентам из развитых стран. Это может быть связано с высокой стоимостью препарата либо с его недоступностью для пациентов из бедных стран.

Такого рода этические проблемы многоцентровых исследований в последние десятилетия все чаще оказываются в фокусе критической рефлексии. Попытки найти приемлемые решения этих проблем нашли отражение в частности в двух последних (2000 и 2008 гг.) редакциях Хельсинкской декларации, в ряде других международных юридических и этических документов. А совсем недавно повышенное внимание к ним было привлечено событиями почти семидесятилетней давности.

* * *

В октябре 2010 г. высшему руководству США стало известно о том, что в период с 1946 по 1948 г. соответствующими ведомствами поддерживалось исследование в Гватемале, связанное с изучением заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП). В ходе него осуществлялось преднамеренное инфицирование испытуемых.

Материалы этого исследования были обнаружены С.Ревербай в архивах Питтсбургского университета. Её уже упоминавшаяся статья в «Журнале политической истории» о жестоких медицинских исследованиях в Гватемале, проводившихся вскоре после Второй мировой войны, породила целую цепь событий.

Так, 1 октября 2010 г. госсекретарь Х.Клинтон и министр здравоохранения и социального обеспечения К.Себелиус принесли Гватемале официальные извинения за эти исследования, назвав их «мерзкими», «неэтичными» и «достойными осуждения». В свою очередь, президент США Б.Обама позвонил президенту Гватемалы А.Колому, выразив «свое глубокое сожаление». По требованию Б.Обамы Комиссией по изучению биоэтических проблем при президенте США было проведено расследование научно-медицинской и этической стороны гватемальских экспериментов.

Комиссии было предложено изучить существующие меры защиты участников исследований для определения того, насколько регулирующие документы федеральных органов США и международные стандарты обеспечивают должную охрану здоровья и благополучия участников научных исследований, поддерживаемых федеральным правительством. Президент Обама предписал Комиссии запросить мнение международных экспертов и проконсультироваться по этим вопросам с зарубежными коллегами.

В свою очередь, Комиссия созвала международную рабочую группу, в которую вошли эксперты по биоэтике и клиническим исследованиям из десяти стран. В ходе своих консультаций рабочая группа должна была провести консультации по таким вопросам:

- а) каковы доминирующие нормы и конкурирующие альтернативы в этике медицинских исследований в различных регионах мира;
- б) имеются ли конфликты между нормами, действующими в США, и международными стандартами;

в) с какими проблемами сталкиваются исследователи, проводящие международные исследования, финансируемые США;

г) каковы возможные стратегии учета различий в региональных нормах проведения медицинских исследований.

Международная рабочая группа провела три заседания, в ходе которых был выявлен ряд критически важных проблем, имеющих фундаментальное значение для обеспечения здоровья и благополучия участников исследований. К числу ключевых были отнесены такие проблемы, как информированное согласие испытуемых, снижение риска, соотношение риска и пользы, участие изучаемой популяции в принятии решений о проведении исследования и использовании проистекающих из ??? и особенности этической экспертизы в многоцентровых исследованиях. Эксперты согласились с тем, что сегодня важно не столько создание новых регулирующих норм, сколько гармонизация и четкая интерпретация уже существующих. Члены рабочей группы пришли к выводу о том, что, учитывая рост количества и расширение проблематики международных исследований, обсуждение этических проблем, возникающих в связи с их проведением, следует продолжать и в будущем, для чего было рекомендовано создание соответствующего форума.

* * *

Целью исследования в Гватемале было выяснение того, может ли пенициллин, открытый за несколько лет до этого и тогда еще бывший довольно-таки дефицитным, предотвращать развитие сифилиса.

Исследование проводилось под руководством доктора Джона Катлера (**John C. Cutler**) из **Службы общественного здравоохранения (СОЗ) США**. Международно признанный исследователь и администратор, эксперт по заболеваниям, передающимся половым путем, и репродуктивному здоровью, Катлер был помощником главного хирурга СОЗ и заместителем директора Панамериканского санитарного бюро, предшественника Панамериканской организации здравоохранения. Он работал в Гватемале, Индии, на Гаити и, как отмечалось в его некрологе (2003 г.), закончил свою карьеру «горячо любимым профессором магистратуры по общественному

здоровью и магистратуры по общественной и международной деятельности»⁷ в Питтсбурге. Катлер опубликовал свыше 50 статей по различным венерическим заболеваниям, профилактике болезней с помощью химических контрацептивов и т. д. Впрочем, современные исследования позволяют увидеть Катлера в совсем ином свете.

Позднее, в 1960-е гг., Катлер оказался среди участников исследования, происходившего в Таскеги. А почти за 20 лет до этого СОЗ назначила его руководителем продлившегося около двух с половиной лет эксперимента в Гватемале. От проекта в Таскеги это исследование, по словам С.Ревербай, отличалось в двух главных моментах: «правительственные врачи *действительно заражали* людей сифилисом (а также гонореей и шанкром), а затем *действительно их лечили* пенициллином. В этой исследовательской программе, включавшей ряд тщательно подготовленных экспериментов, доктора подвергали испытуемых воздействию с помощью инфицированных проституток или непосредственно, вводя им инокуляты из тканей, полученных из сифилитических гумм и шанкров животного или человеческого происхождения, либо вводя гной гонореи или шанкра. Затем, изучив, что происходит с испытуемым, коль скоро его удавалось заразить, ему назначали пенициллин и смотрели, излечивается ли у него инфекция»⁸. Гватемальскую историю раскрывают рабочие записи, сделанные Дж. Катлером между 1946 и 1948 гг., которые хранятся в архивах Питтсбургского университета.

К концу Второй мировой войны пенициллин стал сравнительно доступным и продемонстрировал свою эффективность в лечении разных фаз сифилиса и многих других болезней. Но при этом недостаточно изученными оставались немало вопросов относительно дозировки и противопоказаний. Успехи в лечении были столь стремительны, что, как сокрушался д-р Дж. Мур (Joseph Earle Moore), возглавлявший подкомитет по венерическим болезням при Национальном исследовательском совете, «биологически мыслящий клиницист жалеет ... что сифилис, видимо, исчезает, тогда как многие из его пленительных и более фундаментальных загадок остаются нерешенными»⁹.

В 1944 г. СОЗ проводила эксперименты по профилактике гонореи в федеральной тюрьме Тере-Хот (штат Индиана). «Добровольцев» из числа заключенных умышленно заражали гонореей,

но исследователям было очень трудно добиться инфицирования испытуемых, так что исследование пришлось прекратить. Для продолжения этих изысканий и распространения их на сифилис, отмечает С.Ревербай, взоры СОЗ обратились дальше на юг, за границы США¹⁰.

Еще в XIX в. СОЗ активно участвовала в деятельности за рубежом США, что выражалось в ее участии в международных конференциях и конференциях, фокусирующихся на борьбе с инфекционными заболеваниями. Международное сотрудничество было направлено прежде всего на страны Центральной и Южной Америки. В свою очередь многие из них искали помощи от СОЗ и фонда Рокфеллера, которая направлялась на развитие инфраструктуры общественного здравоохранения. В первой половине XX в. Гватемала в значительной мере контролировалась United Fruit Company и была типичнейшей «банановой республикой».

Когда СОЗ обратила свой взор на Гватемалу, в стране был период относительной свободы, закончившийся в 1954 г. после того, как ЦРУ организовало заговор с целью свержения выбранных властей. Проект СОЗ предполагал, что после завершения исследований лабораторные материалы, полученные умения и знания будут переданы в распоряжение местных специалистов по общественному здоровью.

По целому ряду причин Гватемала представлялась отличным местом для проведения исследований. Получивший подготовку в СОЗ д-р Хуан Фунес (Juan Funes), ведущий гватемальский специалист по венерическим болезням, немало сделал для обеспечения тесной кооперации американских и гватемальских исследователей и правительственных учреждений с тем, чтобы способствовать созданию в стране инфраструктуры общественного здоровья.

В отличие от Алабамы, где СОЗ находила множество субъектов на поздней скрытой фазе заболевания, Гватемала предлагала возможность использовать испытуемых, еще не заболевших сифилисом. Проведенные ранее в этой стране исследования позволяли считать, что сифилис в Гватемале распространен незначительно и чаще встречается у лиц испанского или европейского происхождения, чем у индейцев, у которых он если и бывает, то в мягких формах. А это значит, что в социальном отношении проводившиеся в Гватемале исследования были значимы не столько для гватемаль-

цев, сколько для североамериканцев, прежде всего для вооруженных сил США. Расовые допущения, столь характерные для исследований в Алабаме, давали о себе знать и в Гватемале, в частности, при выборе испытуемых.

Грант на исследование был выдан Национальными институтами здоровья Панамериканскому санитарному бюро для исследовательской лаборатории венерических болезней СОЗ. СОЗ сотрудничала в исследовании с министерством здравоохранения Гватемалы, национальной революционной армией, национальной больницей психического здоровья и министерством юстиции в проведении того, что было осторожно названо «серией экспериментальных исследований сифилиса у человека». В ходе экспериментов важно было понять, могут ли различные препараты помимо тех, что уже были доступны, использоваться для профилактики сифилиса при его передаче половым путем, почему серологические тесты часто дают ложнопозитивные результаты, а также определить дозировку пенициллина для различных форм болезни.

Руководство проектом было возложено на Катлера, а Фунес стал его заместителем. Перед ними стояло две цели: во-первых, использовать то, что они называли «сифилизацией» (т. е. провоцирование заболевания сифилисом), для проверки реакции человека на «свежий инфицирующий материал с тем, чтобы усилить реакцию на болезнь»; во-вторых, найти средства, позволяющие предотвратить передачу инфекции сразу после экспозиции.

Исследователи из СОЗ хотели провести эксперименты, в которых было бы достаточно того, что они аккуратно именовали «нормальной экспозицией», т. е. инфицированием такой степени, которая обычно вызывает заболевание у людей. В качестве испытуемых, пишет Ревербай, «был выбран обычный квартет тех, кого сегодня принято относить к “уязвимым категориям”, кого легко привлечь к участию в исследовании и кто ограничен в возможностях отказаться от него. Это были заключенные из национальной тюрьмы, пациенты единственной в стране психиатрической больницы, дети из национального приюта и солдаты из столичных казарм»¹¹.

Проституция в стране была легализована, а проституткам было разрешено регулярно посещать мужчин, находящихся в карательных учреждениях. В данном случае тем из них, которые, как

показывали результаты анализов, были заражены сифилисом или гонореей, было разрешено предлагать свои услуги заключенным центральной столичной тюрьмы. Эти услуги оплачивались налогоплательщиками США через фонды СОЗ.

В другой серии экспериментов неинфицированным проституткам перед их визитом в тюрьму на шейку матки прикреплялся болезнетворный инокулят. Заключенных подвергали серологическим тестам перед и после контактов с проститутками с тем, чтобы определить, произошло ли заражение. После этого на них проверялись различные методы профилактики. Если результат оказывался позитивным, они получали лечение пенициллином.

Хотя испытуемые находились в тюрьме и не было никаких упоминаний об информированном согласии, исследователи зачастую встречали сопротивление. Заключенные были по большей части неграмотными и суеверными. Большинство из них считало, что частый забор крови ослабляет их. И хотя им обещали пенициллин и железосодержащие пилюли, «в их умах не было связи между потерей большой пробирки крови и возможной пользой от маленькой пилюли»¹².

С помощью правительства Гватемалы исследователи привлекли из национального приюта 438 детей в возрасте от 6 до 16 лет, которых, правда, использовали для изучения анализов крови, а не для инфицирования. Троицким детям, у которых обнаружился врожденный сифилис, после повторной проверки назначили пенициллин.

Всего в исследовании участвовало около 1500 испытуемых, некоторые – неоднократно. 696 из них были подвергнуты заражению сифилисом, 722 – гонореей, 142 – шанкром. 14 % участников исследования по сифилису, видимо, не получили адекватного лечения, тогда как из зараженных гонореей было вылечено 99,5 %, а шанкром – 93 %¹³.

* * *

На обширном фактическом материале исследования, проводившиеся в Гватемале, анализируются в книге¹⁴, подготовленной Комиссией президента США по изучению биоэтических проблем по запросу Б.Обамы.

Комиссия поставила перед собой четыре взаимосвязанных вопроса:

– что именно происходило в Гватемале в период 1946–48 гг., когда состоялась серия экспериментов по заражению ЗППП, финансировавшихся СОЗ?

– в какой мере правительственные чиновники и представители медицинского руководства США были осведомлены о протоколах этих исследований и активно способствовали их проведению?

– каким был исторический контекст этих исследований?

– как эти исследования согласовывались или расходились с принятыми тогда медицинскими и этическими стандартами и правилами?

Интересен такой приводимый в книге факт. В апреле 1947 г. научный редактор газеты «Нью-Йорк Таймс» Вальдемар Кемпферт (Waldemar Kaempffert) опубликовал заметку, в которой описывались эксперименты по профилактике сифилиса, проводившиеся на кроликах. В ходе экспериментов животные намеренно инфицировались этим заболеванием. Эксперименты оказались успешными: если через несколько дней после экспозиции кроликам вводился пенициллин, то заражение можно было предотвратить. Это обещало снизить распространение сифилиса среди людей, но для подтверждения такого предположения были необходимы исследования на людях. Кемпферт считал, что проведение таких экспериментов «этически невозможно», поскольку оно предполагало бы инъекцию в тело человека живых бактерий сифилиса. Но, как оказалось, в то же самое время исследователи уже были готовы к проведению таких «этически невозможных» экспериментов в Гватемале.

С началом Второй мировой войны медики США стали искать меры для борьбы с распространением ЗППП среди военнослужащих. По оценке Дж. Мура, «приблизительно 350 тыс. случаев заражения гонореей военнослужащих будут приводить к потере 7 млн. человеко-часов в год, что эквивалентно выводу из боевых действий на весь год двух полностью вооруженных дивизий или десяти авианосцев»¹⁵. Мур оценивал стоимость лечения ожидаемых инфекций в 34 млн. долл., что эквивалентно нынешним 440 млн¹⁶.

В этом контексте были начаты разнообразные исследования по профилактике венерических заболеваний. Одно из них, как мы уже отмечали, проводилось в 1943–1944 гг. в тюрьме Тере-Хот. В нем

принял участие 241 заключенный¹⁷. В ходе этого исследования испытуемые намеренно заражались гонореей. Однако исследователи столкнулись с необходимостью получения добровольного и информированного согласия испытуемых. Практика получения такового была принята в самих США в отличие от того, как проводились исследования в Гватемале, и получение согласия оказалось довольно сложным, что и стало одной из причин как довольно быстрого завершения эксперимента в Тере-Хот, так и поиска новой площадки для исследований, которая и была найдена в Гватемале.

Сами эксперименты в этой стране проводились с июля 1946 по декабрь 1948 г. В столице страны, городе Гватемала, была построена и оборудована исследовательская лаборатория по венерическим заболеваниям. Были заключены соглашения, которые позволяли руководителям исследования получать поддержку со стороны официальных лиц и правительственных структур Гватемалы, включая центры лечения венерических заболеваний, правительственные больницы, медицинские учреждения для военнослужащих, заведения пенитенциарной системы, а также приюты для сирот и психически больных.

Комиссия уточнила данные, приведенные в статье С.Ревербай (см. выше), и обнаружила, что всего в ходе исследования было проведено намеренное заражение ЗППП 1308 испытуемых – заключенных, солдат и психически больных пациентов. Из них, как явствует из исследовательской документации, те или иные формы лечения получили 678 испытуемых¹⁸. Для передачи заболеваний использовались проститутки, которых во многих случаях также намеренно заражали.

Руководители СОЗ, Национального исследовательского совета, Национальных институтов здоровья, директор и заместитель директора лаборатории по изучению венерических заболеваний, как и ведущие ученые США, поддерживали этот проект. В число исследователей входили руководители и ведущие ученые из медицинских учреждений Гватемалы. В книге приведены имена и должности 26 официальных лиц и ученых из США и Гватемалы, так или иначе связанных с проведением исследования¹⁹.

Хранящиеся в архивах записи демонстрируют применявшиеся иногда недобросовестные методы. Такие, к примеру, как обман испытуемых, которые рассматривались всего лишь в качестве

средств для прогресса того, что Катлер в одном из писем называл «чистой наукой». 17 сентября 1947 г. он писал: «Учитывая открывающуюся здесь (в Гватемале – Б.Ю.) возможность изучать сифилис с точки зрения чистой науки... проект был бы оправдан и в случае невозможности решения задач, поставленных в программе профилактики»²⁰.

Эксперименты в Гватемале со всей очевидностью показывают, что, несмотря на знание и осознание правительственными чиновниками и независимыми экспертами-медиками существовавших основополагающих этических стандартов, призванных защищать испытуемых, эти стандарты нарушались. Так, описывая свои эксперименты в тюрьме Тере-Хот, д-р Катлер и его коллеги отмечали, что со стороны испытуемых предполагалось «основательное понимание целей исследования и возможных рисков от участия в нем»²¹. Однако в Гватемале исследователи не проявляли какой-либо озабоченности таким пониманием.

Период с 1946 по 1948 гг. был особенно важным в развитии этики исследований на человеке. Именно в это время Нюрнбергский трибунал рассматривал обвинения в соучастии в экспериментах над узниками концлагерей, выдвинутые против 23 немецких врачей и чиновников. Многие из этих экспериментов были предназначены для поддержки военных усилий Третьего рейха. Ключевым свидетелем обвинения был д-р Э.Иви (Andrew C. Ivy), ведущий американский исследователь-медик. На Нюрнбергском процессе он выступал в качестве консультанта, назначенного Американской медицинской ассоциацией (АМА) в помощь обвинению. Когда процесс начинался в 1946 г., д-р Иви подготовил доклад по этическим и правовым конвенциям, или «правилам», экспериментирования на человеке²². АМА одобрила доклад Иви и его коллеги Л.Александера (Leo Alexander), и в декабре 1946 г. он был утвержден палатой делегатов АМА. В правилах подчеркивалась необходимость получать добровольное и информированное согласие и избегать неприемлемого риска. В мае 1947 г. Иви, характеризуя в информационном бюллетене Федерации государственных медицинских органов (Federation of State Medical Boards) свою оценку медицинских экспериментов нацистских докторов, заключил, что эти деяния «были преступлениями, поскольку они проводились на заключенных без их согласия и в полном пренебрежении их права-

ми человека. При их проведении не предусматривалось избегание излишней боли и страдания, а в ряде экспериментов изначально предполагалась смерть испытуемых»²³. Очевидно, многие из этих упреков могут быть адресованы и Катлеру и его коллегам по исследованиям в Гватемале. Фактически, впрочем, на судебном процессе нацистские врачи были признаны виновными в участии в массовых убийствах, а не в отступлениях от медицинской этики²⁴.

Д-р Катлер был знаком с упоминавшейся ранее статьей Кемпферта в «Нью-Йорк Таймс». Прочтя ее, он привлек к ней внимание своего начальника, д-ра Махони (John F. Mahoney). В своем письме последнему он высказывал опасение, что в свете «безграмотного этического суждения», высказанного Кемпфертом, публичное упоминание экспериментов в Гватемале может вызвать нежелательную критику. Катлер подчеркивал также необходимость повысить секретность и информировать о программе исследований только тех, «о ком с уверенностью можно утверждать, что они не проболтаются»²⁵.

Как показывает анализ экспериментов, проводившихся в Гватемале в 1946–1948 гг., стремление к научным знаниям, если оно не сдерживается принципами и нормами этики, может ослеплять исследователей, перекрывая для них возможность гуманного отношения к тем, кого они вовлекают в свои эксперименты.

Примечания

- ¹ Beecher H.K. Ethics and Clinical Research // *New England Journal of Medicine*. June 1966. Vol. 274, № 24. P. 1354–1360.
- ² См.: Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / Под ред. Б.Г.Юдина. М., 2007. С. 271–288.
- ³ Reverby S. “Normal Exposure” and Inoculation Syphilis: A PHS “Tuskegee” Doctor in Guatemala, 1946–148 // *Journal of Policy History*. 23 (Winter 2011). P. 6–28.
- ⁴ Детальную информацию об этом исследовании можно найти на сайте: <http://www.examiningtuskegee.com>.
- ⁵ Reverby S. Op. cit. P. 7.
- ⁶ Ibid. P. 9.
- ⁷ Ackerman J. Obituary: John Charles Cutler/Pioneer in Preventing Sexual Diseases // *Pittsburgh Post-Gazette*. 12 February 2003. www.post-gazette.com.

- 8 *Reverby S.* Op. cit. P. 9.
9 Ibid. P. 10.
10 Ibidem.
11 Ibid. P. 12.
12 Ibid. P. 13.
13 Ibid. P. 16.
14 “Ethically impossible”. STD research in Guatemala from 1946 to 1948. Presidential commission *for the study of bioethical issues*. Wash. (D.C.), Sept. 2011.
15 Цит. по: “Ethically impossible”. P. 12.
16 Ibid..
17 Ibid. P. 21.
18 См.: Ibid. P. 6, 41.
19 См.: Ibid. P. 112–115.
20 Ibid. P. 63.
21 *Mahoney J.E.* et al. Experimental gonococccic urethritis in human volunteers // *Am. J. of Syphilis, Gonorrhea, and Venereal Diseases*. 1946. 30:3.
22 См.: “Ethically impossible”. P. 99.
23 *Ivy A.C.* Nazi war crimes of a medical nature // *Federation Bulletin* 33:133. May, 1947.
24 “Ethically impossible”. P. 100.
25 Ibid.

П.Д. Тищенко

Экология человека и проблема «отходов» социальных технологий

Человек и человечество все в большей степени соизмеряют свое существование с глобальной машинерией техногенной цивилизации¹. Этим оправдано широкое использование термина «социальные технологии». Семантическое сближение политического действия с инженерной практикой, осуществляемое в понятии социальной технологии, позволяет поставить вопрос об **отходах** политической деятельности. Отходах не менее, если не более опасных, чем промышленные отходы. У экологической проблемы существует специфический социально-политический план.

Дом и одомашнивание. В философии и науке существует множество определений понятия «экология человека». В общий смысловой пучок это многообразие определений стягивает значение древнегреческого слова **οἶκος (обиталище, дом, имущество)**. В этом отношении взаимодействие человека с природой, самим собой и себе подобными представляется как процесс включения за счет преобразования дикого в особый человеческий мир – его дом. Процесс одомашнивания (доместикации). Причем «дом» человеческий не дан ему заранее. Одомашнивание – это одновременно домостроительство. Разграничение мира на внутреннее («человеческое») и внешнее ему («природное»). На чужое (дикое) и свое (домашнее). Различение и разграничение, источником которого на заре человеческой истории выступали соперничество внутри семьи, война, охота и собирательство. Собственно говоря, война сама имела всегда два аспекта – охоту на ближнего и «собирательство» (грабёж) его имущества.

Подчеркну: одомашнивая природу и свои отношения с другими, человек одомашнивает себя. Одомашнивая, к примеру, вепря и превращая его в свинью, человек в том же процессе одомашнивает себя как «дикое» существо, превращаясь в цивилизованного свинопаса. Жизнь животного задает пространственные, временные и смысловые параметры коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека. Кормить, поить, выгуливать, поддерживать чистоту, размножать, ухаживать за приплодом, резать, обрабатывать мясо и шкуру, и т. д. и т. п. ...Осуществление всех этих простых действий представляет собой не просто контроль над животными, но и контроль человека над самим собой, над своим поведением. Предполагает формирование из дикого природного материала человека одомашненного, умелого в том двойном смысле, который отмечен выше.

Одомашнивая в процессе внутригруппового соперничества и войны других представителей *homo sapiens*, человек одомашнивал свое животное существо в формах воина, властелина. Современные исследования в области биополитики показывают, насколько глубоко на генетическом уровне укоренено в человеке стремление к доминированию. Не ввязываясь в спор о проблемах происхождения власти и государства, все-таки полезно обратить внимание на редко оспариваемый факт связи власти и насилия. Французский писатель Бертран де Жувенель выражал достаточно распространенную точку зрения, согласно которой «государство возникает, в сущности, благодаря успехам “разбойничьей шайки”, которая ставит себя выше отдельных маленьких сообществ... Эта власть не может ссылаться ни на какую законность. Она не преследует никакой справедливой цели; ее единственная забота – эксплуатировать ради своей пользы завоеванных, покоренных, подвластных»². По всей Европе распространены легенды (типа легенды о Рюрике в России), где возникновение государства связывается с завоеванием власти на трон предводителей разбойничьей шайки.

Но завоевание или иная форма насильственного подчинения – лишь первый, хотя и необходимый шаг в создании элементарной социальной ячейки «повелитель – повелеваемый», в процессе политического «одомашнивания». Охотнику, к примеру, недостаточно поймать дикую лошадь и силой привести ее в свой дом. Нужно еще подчинить себя заботе о ее выживании,

размножении и хорошем физическом состоянии. Жувеналь отмечает, что естественный эгоизм рождающейся власти только в том случае обеспечит ей выживание, если обнаружит в себе еще и необходимость социальной заботы о подданных. Он называет эту установку «социо-лизмом» власти. Поэтому претензия власти на выражение общего блага, которая кажется критикам лицемерной, на самом деле оказывается прямым следствием ее алчности и эгоизма. За столетия эта двувекторность государственной власти окультурируется и наделяется идеологическим сопровождением, необходимым для исторического выживания возникающих и гибнущих государственных образований.

И так же, как одомашнивая диких животных, человек осуществлял отбор, формируя различные породы, в том же самом процессе формировались «породы» человека. Животные, растения и другие люди, которых человек вводил в свой дом, «отбирали» в борьбе за выживание тех индивидов и те формы их социальной жизни, которые обеспечивали расширенное воспроизводство конкретных одомашниваемых представителей дикой природы. До сих пор повсеместно врагов называют «зверьями», подчеркивая их звериную сущность в зверствах, которые возможны лишь для одного известного зверя – самого человека. В процессе политического «одомашнивания» (установления отношений власти и подчинения) формировались определенные типы индивидуальной жизнедеятельности и уклады совместной жизни: властитель, воин, земледelec, скотовод, ремесленник и т. д.

Одомашнивая отношения с другими (например, в формах рода, семьи, племени, государства или общества), человек в этом процессе одомашнивает свое «дикое существо», превращаясь в родственника, соплеменника, подданного, гражданина и т. д., человека общественного, человека политического в широком значении этого слова. Одомашнивание – это исполнение исторического предназначения человека, реализация его сущности, свободы.

В эпоху Нового времени, в рамках которой мы все еще живем, этот процесс выражается в трех мощных тенденциях: научно-техническом прогрессе (покорение природы), политическом прогрессе преобразования общества и государства (формирование своих отношений с другими) и комплексе воспитательных и образовательных технологий, включая самообразование. Эти три тен-

денции неразрывно связаны, поэтому постановка в моей статье в центр внимания лишь второй тенденции отвечает не сути дела, а сопутствующим ее написанию обстоятельствам.

Рис. 1. Огюст Роден.
Рука Господа. Ок. 1898.
Мрамор. Высота 92,9 см.
Музей Родена. Париж.

Суть экологической проблемы.

Скульптура Огюста Родена «Рука Господа» выражает христианскую точку зрения на событие творения человека по образу и подобию Бога. На процесс domestikации. Правда, выражая известную идею, дополняет ее другим смысловым планом. Рука Господа изваяна скульптором по образу и подобию своей руки. Руки мастера. Движение руки подвижно (извините за тавтологию) творческой энергией формообразования. Точнее говоря, высвобождения уже присутствующей в глыбе мрамора идеальной формы от «всего лишнего». От того, что мастер выбрасывает в отходы... Так считал Микеланджело, чьи слова повторил Роден. В свою очередь Родену вторил Маяковский: «Изводишь единого слова ради сотни тонн словесной руды...» На протяжении тысячелетий социальные и культурные по своему происхождению «отходы» одомашнивания природы и самого себя человеком оставались незамеченными.

Суть экологической проблемы заключается в том, что реализация человеческой сущности в различных вариантах одомашнивания начинает обнаруживать в себе растущие угрозы его существованию. Человек покорял природу, в которой видел источник угрозы своему существованию, видя в этом исполнение своего исторического предназначения. Сегодня он все чаще и чаще сталкивается с ситуациями, в которых ему приходится распознавать угрозу именно там, где раньше грезились спасительное.

Научно-технический прогресс, создавая комфортное технологическое тело цивилизации, разрушает природную среду обитания и истощает невозобновляемые природные ресурсы, например, энергетические. Политический прогресс создает свои специфические «отходы» – непредполагаемые и неконтролируемые последствия

вполне эффективных решений и действий. Например, Аль-Каида – это политические «отходы» успешного противоборства США против СССР в Афганистане, созданные американскими спецслужбами, она стала для Америки и других стран одной из серьезнейших угроз. Так же как Хамаз – это «отходы» политики конфронтации Израиля с Организацией Освобождения Палестины Я.Арафата. Последние бунты во Франции и Великобритании, движущей силой которых оказалась растущая из года в год масса (точнее, – толпа) молодых эмигрантов из стран Азии и Африки, которые формируются как отходы социально ориентированного буржуазного общества. Совершенствование воспитательных и образовательных технологий формирует новые беспрецедентные возможности реализации новоевропейски понимаемой сущности человека, его свободы воли. Но именно в последней таится, как будет отмечено ниже, самая мощная угроза не только отдельным людям и сообществам, но и человечеству в целом.

В понимании смысла проблемы формирования «отходов» социальных технологий ограничусь пока осмыслением метафизической конечности человека. Оно призвано урезонить его амбиции, указав на фундаментальные истоки экологических проблем, с которыми ему постоянно приходится сталкиваться.

Действие и экзистенциальная конечность человека

Общим знаменателем всего многообразия практик одомашнивания выступает человеческое действие, которое проявляется в многообразии планов: индивидуальном, групповом, государственном и общественном. Я хочу показать, что в самом человеческом действии заложены некоторые фатальные проблемы, которые потом стереотипно воспроизводятся в любом конкретном действии – неважно, строит ли человек электростанцию или спасает природу, занимается ли совершенствованием государства или возводит финансовую пирамиду, создает ли новый целлюлозно-бумажный комбинат или сохраняет национальный парк. По английской поговорке – «для молотка любая проблема лишь гвоздь». Так и для человека любая проблема – лишь предмет действия, которое в любом раскладе конечно, т. е. это не действие всезнающего, всемогущего

и всеблагого Бога (как сказали бы богословы) или столь же всемогущего Злого демона (его многообразные лики представлены в конспирологических фантазмах, популярных не только у нас, но и в иных странах), а некоего особенного существа, кое-что знающего, могущего тоже не так уж много, а если речь идет об идее блага, то весьма далекого от совершенства. Человек конечен и в добре, и в зле. Причем конечен человек не просто количественно – так, что с прогрессом (ростом знаний, могущества и моральности) эта «конечность» должна была бы уменьшаться, а качественно.

По мере исторического развития прогрессивно растет объем знаний, умений и попыток сделать жизнь лучше и добрее путем совершенствования индивидуальных качеств, политических институтов, моральных норм и многообразия норм законодательных (международных, национальных, региональных, административных, ведомственных и т. д. и т. п.). Но каждое новое знание, научное направление или наука, число которых стремительно множится, увеличивает горизонт непознанного. То, чего не знала наука XIX в. (как она выстраивала горизонт предстоящих перед ней проблем), несравнимо с объемом и сложностью незнания, которые встают перед современным познанием. Если знание – это сила и власть, то незнание указывает на немощь и зависимость человека, неспособность представить мир и любой реальный предмет в его целостности и через это представление включить в свой обитаемый экос (дом).

Поэтому рост могущества оборачивается ростом осознанной и прочувствованной уязвимости, непредсказуемости и неконтролируемости последствий применения человеческих знаний. Анализ генерализации и фундаментализации цивилизационных рисков дан в книге У.Бека «Общество риска (на пути к другому модерну)»³. Степень непредсказуемости и неконтролируемости последствий, а следовательно, и фундаментальность рисков применения самых передовых технологий (ядерных, геномных, нанотехнологий и т. п.) несравнимо выше всего того, с чем сталкивались новые технологии еще первой трети двадцатого века.

По мере развития морально-этической нормативной базы существенно растет объем этических и юридических знаний, а также число «носителей» этих знаний – экспертов в этике и праве. Соответственно возрастает могущество средств государственного

и общественного контроля, что, однако, не приводит к снижению уровня девиантного поведения. Преступные сообщества конца XIX в. – весьма несовершенные подобию криминальных империй конца XX – начала XXI вв., пронизывающих государство и общество снизу доверху. Добро и зло прогрессируют, соревнуясь друг с другом. И совсем не факт, что в этой гонке побеждает добро. Более того, растет понимание, что слишком часто ужесточение законов, принимаемых с пафосом защитниками общественного блага, ни к чему, кроме криминализации и коррупции контролируемой этим законом сферы жизни, не приводит. Зло возникает как неизбежный отход от благих морально-политических намерений.

Человеком движет мощный жизненный порыв творческой эволюции (А.Бергсон), который постоянно создает новые формы отношений с природой, другими и самим собой. Они с необходимостью взламывают существующие структуры отношений, в том числе политические, требуя пересмотра законов, административных регламентов, моральных норм и т. д. Но это естественное и практически каждодневно встречающееся обстоятельство содержит в себе парадокс. Суверен, устанавливающий закон, в акте установления должен встать в позицию вне закона. Ф.Ницше обозначил ее как существование по «ту сторону добра и зла». Как подчеркивал Хайдеггер, позиция мысли «по ту сторону добра и зла» «не означает: вне всякой законности и порядка, но – внутри необходимости нового полагания другого порядка против хаоса»⁴.

Отмечу, что это бытие «внутри необходимости полагания другого порядка против хаоса» относится не только к инстанциям верховной власти, но и к каждому реальному поступку человека, в котором творится нечто новое, ранее не бывшее. «Каждое поступить, – свидетельствует Марина Цветаева, – есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». И президент Б.Н.Ельцин, устанавливая в 1993 г. танками новый конституционный порядок, и огромное число россиян, в то же время осваивавших и создававших новые отношения в политике, экономике, искусстве, образовании и всех других областях жизни, с неизбежностью вставляли себя внутрь этой опасной области реализации суверенного действия. Естественно, что если оценить акт создания (полагания) нового нормативного порядка с позиций порядка уже установленного, то ничем, кроме как преступлением, он быть не может.

Обращу еще раз внимание на то, что условием возможности преступления закона является законодательный акт, его утверждающий. Он должен быть кем-то изобретен. Богом. Человеком. С собой. В этой перспективе простое криминальное нарушение закона – акт мелкий, жульнический, весьма пошлый. Для творчества нужно поднять планку выше. Встать в позицию суверена, утверждающего «новый порядок против хаоса». Отмечу, что противоположная позиция, желающая консервативно защитить, закрепить именно то, что уже всегда было как наше общее традиционное основание, оказывается в сложном положении. Все, что учреждено человеком (конкретным сообществом, сувереном и т. п.), в момент своего учреждения с необходимостью было нарушением прежде учрежденного. В отношении законов человеческого мира цветаевская формула попросту описывает априорные условия законодательства. Крещение Руси было событием фундаментально инновационным и, естественно, воспринималось как измена вере отцов и праотцов.

«Божеские законы», утверждаемые вместе с творением мира, в подобных априорных условиях не нуждаются. Казалось бы, на них можно положиться в противостоянии скольжению «по ту сторону добра и зла». Хотя и это лишь кажимость. Достаточно попросту воздержаться от самомнения, путающего отсебятину с откровением. А если этой путаницы нет, то все сказанное в Откровении, в «моем» частном слове и понимании выступает как рискованный перевод с языка, на котором уже никто не говорит, сопровождаемый сомнительным истолкованием этого перевода. «Вечные истины» каждой эпохой заново открываются. Изобретаются. Переводятся заново на постоянно становящийся иным язык. Но каждая попытка перевести Откровение на современный язык будет актом преступления в отношении предшествующего. Именно так оценивалась Церковная реформа царя Алексея Михайловича с позиции сторонников традиционной обрядовости и традиционных переводов священных книг (старообрядцев). Каждое поступить означает преступить.

Когда из страха перед новизной, перед «дикостью» в самом себе человек надолго пытается законсервировать статус-кво, то и реальная жизнь уходит из-под нормативных порядков, как ушла из-под ног коммунистов, струсивших совершить поступок – изменить Программу партии в ситуации ее полной неадекватности реальной жизни.

Человек – существо избыточное. И эта избыточность слишком часто узнается им как «дикость» и «неодомашненность». Чтобы защитить себя от дикости в самом себе, человек строит психиатрические больницы и тюрьмы. Своеобразные «зоопарки» дикой, не соответствующей нормативному представлению о себе человеческой природы. Моя бабушка рассказывала, как в начале XX в. в московском зоопарке наряду с вольерами для зверей был выставлен чум, в котором жила семья одной из «диких» сибирских народностей: готовили традиционную пищу, зачинали и нянчили детей, шили одежды из шкур... Совершенно неслучайна синхронность в возникновении экологического движения и движения в пользу реформы пенитенциарной системы и антипсихиатрического движения, она возникает как осознание конечности человека, того обстоятельства, что идеалы истины, блага (морального и правового) и разума, прежде всего научного, сами могут оказаться не основаниями свободы, как полагали люди еще столетие назад, но источниками насилия и порабощения человека.

Основанные на истинах биологии, медицины и гуманитарных наук, дисциплинарные практики контроля жизни (биовласти, по М.Фуко) и надзора за социальным поведением человека (провоохранительная деятельность и ее антипод – правозащитная, система) постоянно умножают число людей, подвергающихся стигматизации в качестве безумных или криминальных элементов и исключению из общественной жизни в психбольницах и тюрьмах. В более широком контексте постоянно идущая в России безуспешная борьба с коррупцией основана на попытке применить нереалистичное, возвышенное представление об общественном благе к реальным социальным практикам принятия решений, распределения ресурсов и т. д. В результате реальная деятельность в политике, экономике, искусстве и т. д. криминализуется в общественном самосознании. И эта опасная своими последствиями криминализация власти является «отходами» завышенного морального самосознания политиков и общества.

Теперь о науке. Если через несколько десятилетий наука бодро отрапортует о создании средств, которые победят естественную смерть, контролируя самые интимные механизмы жизни, то, возможно, именно в этот же момент человечество поставит на кон сам факт своего существования. Ведь в тени практически каждого научного открытия, приносящего пользу человечеству, бурно

множатся разработки средств войны, средств человеческого уничтожения. И это неслучайно, поскольку, начиная с эпохи наполеоновских войн, повсеместно растет роль государства в развитии науки – главным образом для использования научных достижений в военных целях. Символично, что на фронте наиболее престижного французского университета Эколь Нормаль изображены, помимо научных приборов, ружья и пушки, а самая престижная научная премия – Нобелевская – создана на деньги производителя динамита. Сверхэффективный научный контроль процессов жизнедеятельности будет означать создание сверхэффективных видов боевого оружия. Причем скорее всего оружие создадут раньше, чем средства обеспечения безграничного существования человеческих индивидов.

Поэтому, когда, например, сегодня нас убеждают в необходимости развития нанотехнологий, которые, без всякого сомнения, принесут человечеству огромную пользу, нужно быть совершенно уверенным, что военно-промышленный комплекс уже включился в гонку разработок новых нанотехнологических средств уничтожения человеком себе подобных. Но об этом пропагандисты молчат. Это все равно, что лоббировать в конце 40-х гг. прошлого века развитие ядерных технологий, обращая внимание на их возможную пользу в энергетике и медицине, но умалчивая о начавшихся разработках ядерного оружия.

Поэтому возникает вопрос: а доверяем ли мы себе как обществу, государству и тем более «человечеству»? Вряд ли. Гражданское общество находится в лежащем положении как результат вертикализации власти. В отношении государства даже черномырдинская формула: «Хотели как лучше, а получилось как всегда», – верна лишь отчасти. Куда вернее звучало бы: «Трудно сказать, что именно хотели, но получилось, действительно, как всегда». Если главного ваучеризатора страны, оказавшегося неспособным сделать что-либо полезное с реформой энергетики, называют «эффективным менеджером» и назначают руководителем программ по развитию нанотехнологий, то государственная власть дает обществу ясно понять, что, собственно говоря, она понимает под «эффективностью».

О «человечестве» пока можно говорить лишь как о политической условности. Должны ли мы с энтузиазмом ожидать нанотехнологических прорывов, зная, что новое сверхсмертоносное

оружие окажется в руках субъектов, к которым нет доверия? Это все равно, что подарить на день рождения подростку, находящемуся на учете в полиции или психоневрологическом диспансере, красивый, безотказно действующий огнемёт или назначить его охранником в банк.

Симптоматично в этой связи, что именно США (вероятно, как лидер в борьбе с мировым злом) сорвали подписание дополнительных протоколов к договору о запрете биологического оружия, в которых предусматривались механизмы международных инспекций по аналогии с теми, что существуют в отношении распространения ядерных вооружений. На фоне истерии вокруг ядерной программы Ирана эта позиция выглядит более чем странно.

Парадокс экологии человека. Познание множит объем непознаваемого, могущество порождает уязвимость, совершенствование моральных и правовых стандартов допускает (если не провоцирует) стремительно растущее в своей силе и изощренности зло. В этом смысл экзистенциальной конечности человека. Поэтому если мы думаем о его выживании в представимой перспективе, то важно понимать: дело не в том, что мы что-то не открыли, не можем еще делать (вроде добычи термоядерной энергии), и не в том, что какие-то законы еще не приняты, а в школах не преподают светскую этику или закон божий. Этики, священники и другие эксперты в проблемах различения добра и зла – такие же грешные и порочные люди, как и все остальные. Так же, как и врачи не самые здоровые, а у педагогов, включая профессоров, совсем не самые образованные дети. Корни проблем куда глубже. Они в первоначалах того импульса, который вырвал человека из лона природы или райских кущь и бросил на путь стремительного цивилизационного развития...

Примечания

- 1 *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV. № 4. С. 5–15.
- 2 *Жувенель А. де.* Этика перераспределения. М., 1984. С. 134.
- 3 *Бек У.* Общество. Риска (на пути к другому модерну).
- 4 Там же. С. 107.

Р.Р. Беляетдинов

Ценностный конфликт в развитии нанотехнологий

Технологии меняют мир – можно сказать, что сегодня это спорное заявление, в котором между тем крайне трудно усомниться. Причем эта особенность прикладных технологий стала широко распространенной реальностью относительно недавно, буквально в последние 40–50 лет. Так произошла информационная революция с появлением первых персональных компьютеров в середине 1970-х гг., когда их распространение приобрело массовый характер; менее заметные, но не менее значительные революции произошли в производстве генетически модифицированных продуктов, в медицине – использование предимплантационной диагностики и генетическая диагностика заболеваний; при желании список научных достижений, в той или иной степени преобразивших жизнь человека за последние 20 лет, можно продолжить. В это ряду нанотехнологии находятся в статусе «серой лошадки», имеющей перспективы на вырост, чьи возможности между тем внушают одновременно и опасения, и интерес. Однако уже сейчас нанотехнологии создали ситуацию ценностного конфликта, возникшего вследствие противопоставления практических свойств нанотехнологий и проблемы многочисленных лакунов в знаниях, касающихся влияния наночастиц на человека.

В целом ситуация достаточно обычная: меняя мир, технологии порождают ценностные этические конфликты, снятие которых лежит в плоскости междисциплинарного диалога. Обычно это процесс начинается с моделирования рисков, алармизма, а заканчивается нахождением пути или, точнее, компромисса, в рамках которого технология может развиваться, не угрожая жизни и здо-

ровью людей. Как правило, этот компромисс оформляется в виде этических кодексов, норм и т. п., регулирующих ту или иную сферу исследовательской и производственной деятельности.

Так, например, некоторые технологии признаются полезными для науки, но неприемлемыми с точки зрения обращения с биологическим материалом и поэтому ограничиваются: клонирование, модификация клеток зародышевой линии. Другие технологии проходят тщательную экспертную и публичную проверку, получая тем самым широкое распространение, как это случилось с генетически модифицированными продуктами. В той или иной степени подобный компромисс всегда несет в себе известную долю технологических рисков, которые находятся в пределах, охватываемых принципом предосторожности, но вместе с тем оцениваются ниже благ, доступ к которым дает доступ та или иная технология. Подобная схема достаточно долго применялась и применяется. В целом даже такие катаклизмы, как катастрофа на атомной станции Фукусима в Японии, не меняют этот принцип, поскольку он остается наилучшим несмотря на свои недостатки – запрограммированность катастроф и негативных воздействий новых технологий, получивших зеленый свет и оказавшихся опасными.

Между тем интересно отметить, что нанотехнологии выделяются в их ряду, поскольку несколько меняют уже сложившуюся траекторию экспертизы новых технологий как допуска рисков в обмен на блага. Даже сторонники развития и внедрения нанотехнологий полагают, что существует ряд сложных вопросов, прежде всего связанных с использованием новых материалов, созданных при помощи нанотехнологий, неопределенность которых сама по себе является проблемой. Столкновение ценностей технического развития и безопасности, предсказуемости и фактической неконтролируемости – одна из особенностей нанотехнологий.

Проблема нанотехнологий

Неоднозначность восприятия нанотехнологий в обществе может быть проиллюстрирована тем, насколько извилистый путь проходит этическая рефлексия нанотехнологий от критики в 80–90 годы прошлого века, затем через процесс «социализации»

и гуманизации, который выразился в создании этических кодексов и руководств разработки и создания нанотехнологических устройств, и в конечном счете до включения нанотехнологий в концепцию «устойчивого развития», но с условием проведения мониторинга и дополнительных исследований о влиянии их на человека и окружающую среду. Параллельно этой непростой жизни нанотехнологий в обществе практически все исследователи признали проблему неопределенности субстанций, создаваемых с помощью таковых. Эта проблема в свою очередь заставила говорить о фактическом упразднении функций принципа предосторожности¹, который в общем-то является ключевым для этики новых технологий.

Таким образом, возникла ситуация, при которой признание нанотехнологий ведущим научным направлением соседствует с отсутствием знаний о том, насколько опасным или, напротив, безопасным может оказаться тот или иной вид наночастиц или новых соединений элементов, полученных с помощью нанотехнологий. Интересно отметить, что проблема неопределенности создала условия, при которых как сторонники, так и противники новой технологии оказываются в состоянии в равной степени отстаивать свои аргументы. К примеру, один автор² обосновывает свою позицию не столько аргументацией, сколько недоверием, в то же время другой автор, исследующий этические аспекты нанотехнологий, отмечает, что риск непредсказуем, но непредсказуем и риск множества других веществ, чьи риски фактически не изучены³. Таким образом, выкристаллизовывается ситуация, где субъективная оценка нанотехнологий оказывается последним аргументом, в то время как достоверные сведения представляют из себя малоизученное пространство с непредсказуемыми свойствами.

Проблема неопределенности воздействия наночастиц на человека и природу фиксируется в большинстве экспертных заключений и документов⁴, определяющих сферу нанотехнологий. Безусловно, в целом последние рассматриваются как вполне безопасное направление науки, но мало кто может поручиться, что какая-либо из наночастиц не запустит сложную цепь реакций, например, в экосистеме⁵.

Конечно, на другой чаше весов – перспективы развития и применения нанотехнологических разработок. То, насколько эффективными могут они быть, несложно увидеть не только на при-

мере создания тех или иных наночастиц или соединений, но и на фактах, обнаруженных в биологии. Сейчас стали известны и исследованы приемы использования наномеханизмов в природе, которые рассматриваются в контексте бионики. Эффект лотоса, всегда сохраняющего поверхность своих листьев чистой, возможен только при помощи особой наноструктуры их поверхностей. Эту особенность структуры можно использовать, например, для изготовления посуды. Однако, следует оговориться, что формально нанотехнологические решения, возникшие в природе, отделяют от нанотехнологий, к которым относятся в первую очередь искусственно созданные, целенаправленно или случайно, объекты наноразмера.

Проблема этических моделей, определяющих развитие нанотехнологий

Наиболее неоднозначной является не столько практика развития нанотехнологий, сколько ее оформление. С одной стороны, нет никаких оснований для введения моратория на нанотехнологические разработки или каких-либо ограничений, с другой – нет и более или менее четкой уверенности относительно потенциала вероятных рисков. Неопределенность – абсолютно нерегулируемое пространство. Возможно именно поэтому «Кодекс ответственного проведения нанонаучного исследования» особым пунктом выделяет ответственность исследователей (пункт 3.7), так как никто лучше них не может определить негативный потенциал конкретной нанотехнологической разработки. Другой важный момент развития нанотехнологий, упоминаемый в данной версии Кодекса, – прозрачность и открытость информации, многоступенчатая экспертиза и даже защита для тех ученых, которые опубликуют сведения о рискованных разработках в этой сфере (п. 4.1.5).

Однако наибольшие вопросы связываются с тем, насколько возможно согласовать нанотехнологии и те блага, которыми обычно обосновывают возможные риски. Особые свойства наночастиц – способность проникать и внедряться в наноразмерные структуры, в том числе биологические, неизвестные химические

свойства веществ в состоянии наночастиц и по сути массовое использование наночастиц в производстве – все это генерирует ситуацию, когда влияние веществ, созданных в промышленном масштабе, непредсказуемо и плохо моделируется, а потому и с трудом регулируется при помощи деонтологической и консеквенциалистской этической модели и принципа предосторожности⁶.

Вместе с тем, конечно, отказаться от нового витка науки, генерируемого нанотехнологиями, вряд ли возможно. Одно из направлений, по которому идет этика новых технологий, – создание альтернативных этических концепций, отвечающих свойствам новых технологий. Прежде всего это попытка рационализации непредсказуемых рисков в той степени, в какой это возможно. Например, группа исследователей разработала сетевой подход, с помощью которого предполагается определять возможные риски новых технологий⁷ на уровне участников нанотехнологических исследований. Его особенность заключается в признании участников инновационного процесса и разработчиков многообразием целей и интересов, образующим взаимосвязанную среду, которая становится предметом анализа (коммуникация с участниками исследований проводится с помощью интервью и коллективного обсуждения). Авторы разработки предлагают адаптировать этот метод для выявления этических проблем, сопряженных с нанотехнологическими исследованиями. По мнению авторов, сетевой подход позволяет получить представление о рассогласованности между определением проблем, стоящих перед технологией, целями, которые ставят перед собой участники исследовательского процесса, и этическими стандартами, которых придерживаются исследователи⁸. Сетевой анализ соотносится с двумя важными аспектами развития новых технологий – негативным воздействием последних на человека на стадии, когда они уже инкорпорированы в социальную и экономическую структуру общества, и признанием процесса разработки новых технологий децентрализованным⁹.

Еще одна идея – концепция «спроектированного времени»¹⁰. Эта теория отталкивается от признания метода линейного прогнозирования развития технологий несостоятельным, поскольку наблюдатель (в данном случае – экспертное сообщество) вовлечен в процесс развития объекта (технологии) и влияет на него.

Однако, как полагают авторы, то, как описывается будущее, может оказать влияние на его становление. Так, эксперт, зная, что сделанный им прогноз или деятельность, которая последует за ним, изменят мир случайным образом, должен принимать это обстоятельство во внимание для того, чтобы будущее соответствовало его представлениям о нем¹¹. Методологически авторы этой концепции предлагают теорию «непрекращающейся нормативной оценки», целью которой является формирование на уровне общественных и экспертных дискуссий желаемого образа будущего и условий его реализации. Вместе с тем эта модель подразумевает признание неопределенности будущего и постоянную оценку технологий, обладающих непредсказуемым эффектом. В целом «непрекращающаяся нормативная оценка» является практической оценочной системой и предлагается авторами в качестве замены «статичных» этических подходов, основанных на принципах.

Развитие новых технологий происходит комплексно (как в случае технологий NBIC) и инициирует быстрое изменение среды и условий жизни человека. И очень важно, чтобы динамика изменений как на физическом уровне (влияние на человека, природу), так и на социальном – соблюдение принципов ответственного развития технологий – регулировалась принципами. Между тем тенденция проблематизации таких фундаментальных принципов, как принцип предосторожности и непредсказуемость новых технологий, показывает необходимость формирования этических методов, которые если и не заменят уже существующие, то помогут заполнить лакуны, образующиеся в результате применения классических консеквенциалистских подходов к новым технологиям. Многообразие этических моделей последних является ответом на неопределенность их влияния на человека, и, как это ни парадоксально, если принимать во внимание значение социального измерения для развития науки, совершенствование исследовательской этики выступает важным условием развития новых технологий.

Другой важный аспект – это новый уровень динамики экспертизы нанотехнологий. Например, проблемы непредсказуемости свойств наночастиц фактически решаются «на лету» при помощи более сложного процесса экспертной оценки, где основной акцент делается на мониторинге и профессиональной ответственности

исследователей. Открытость информации об исследованиях в области наночастиц, многообразный мониторинг (экологический, социальный), безопасность всех, кто соприкасается с нанотехнологическими разработками, – все эти меры обозначены в «Кодексе ответственного проведения нанонаучных и нанотехнологических исследований». Кодекс, конечно, представляет из себя скорее проект, чем законченный свод принципов. В текущем году готовится принятие новой версии данного Кодекса. Но обозначенные в нем принципы мониторинга коррелируют с выводами дискуссий об этике нанотехнологий и в целом являются направлением экспертной оценки, которая призвана если не снять полностью, то во всяком случае смягчить ценностные конфликты, возникающие в ходе развития нанотехнологий.

Приложение

Кодекс ответственного проведения нанонаучных и нанотехнологических исследований*

Настоящий Кодекс предлагает государствам-членам, работодателям, спонсорам исследований, исследователям и вообще всем людям и организациям гражданского общества («всем участникам»), вовлеченным или интересующимся нанонаучными и нанотехнологическими (НиН) исследованиями, руководящие принципы, способствующие ответственному и открытому подходу к НиН исследованиям в Европейском союзе.

Настоящий Кодекс является дополнением к существующим регулятивным документам. Он не ограничивает и вообще никак не влияет на возможности государств-членов принимать более широкие меры защиты в отношении НиН исследований в сравнении с теми мерами, которые предлагаются в настоящем Кодексе.

Все участники НиН исследований, придерживающиеся настоящего Кодекса, в тех случаях, когда это уместно, также должны следовать духу принципов, установленных в Хартии фундаментальных прав Европейского союза.

Комиссия будет регулярно проводить мониторинг Кодекса обновлять его каждые два года, принимая во внимание развитие НиН в мире и интеграцию НиН в европейское общество.

* 1–100 нанометра.

1. Область применения и цель

Настоящий Кодекс приглашает всех участников действовать ответственно и взаимодействовать друг с другом в соответствии со Стратегией и Планом действия НиН Комиссии для того, чтобы гарантировать, что НиН исследования осуществляются в Европейском сообществе в соответствии с безопасной, этичной и эффективной концепцией, поддерживая устойчивое экономическое, социальное и экологическое развитие.

Кодекс охватывает всю НиН деятельность, осуществляемую в сфере европейских исследований.

Кодекс является добровольным. Он предлагает ряд общих принципов и рекомендаций для деятельности всех участников НиН. Он должен облегчать и поддерживать регулятивные и нерегулятивные подходы, предложенные в плане действий для Европы на 2005–2009 гг., способствуя выполнению существующих регулятивов и противодействию научной неопределенности.

Кодекс должен также служить европейской базой для диалога с третьими странами и международными организациями.

2. Определения

В данном Кодексе приняты следующие определения:

А. Нано-объекты: Принимая во внимание отсутствие признанной международной терминологии, общий термин «нано-объект» используется в настоящем Кодексе для обозначения продуктов, появившихся в процессе проведения исследований в НиН сфере. Данный термин включает в себя наночастицы и образования, не превышающие масштаб наноразмера **, наносистемы, наноматериалы, нано-структурированные материалы и нанопroduкцию.

Б. Сфера НиН исследований: В широком смысле НиН сфера охватывает любую исследовательскую деятельность, которая связана с наноразмерами (1–100 нм). Она включает в себя все созданные человеком нано-объекты, независимо от того, были ли они сконструированы или возникли произвольно. Нано-объекты, возникающие в природе естественным образом, исключены из предмета рассмотрения настоящего Кодекса. НиН исследования охватывают исследовательскую деятельность, начиная с уровня фундаментальных исследований и вплоть до прикладных решений, технологического развития и преднормативных и нормообразующих исследований, являющихся основой консультирования, стандартов и регулирования в сфере науки.

** The United Nations Millennium Declaration, General Assembly resolution 55/2, 8.9.2000.

С. Участники исследований в НиН сфере: Члены ЕС, работодатели, исследовательские фонды, исследователи и, в наиболее общем смысле, все люди и гражданские организации, работающие в сфере НиН исследований, вовлеченные в эту работу или проявляющие интерес к этой деятельности.

Д. Организации гражданского общества: В контексте Кодекса проведения НиН исследований, организациями гражданского общества считаются любые юридические организации, которые являются негосударственными, некоммерческими, не представляющими коммерческие интересы и преследующие общие цели, в интересах общества.

3. Общие принципы

Данный свод правил основан на совокупности принципов, объединенных для того, чтобы им следовали все участники НиН деятельности.

3.1. Значимость

НиН исследовательская деятельность должна быть понятна обществу. Она не должна противоречить фундаментальным правам, и ее следует осуществлять как с точки зрения организации исследовательского процесса, так и с точки зрения внедрения и распространения, чтобы одинаково поддерживать благополучие и отдельных людей, и общества в целом.

3.2. Устойчивость

Исследовательская деятельность в НиН области должна быть безопасной, этичной и вносить вклад в устойчивое развитие, соответствуя целям устойчивости Сообщества, а также служить целям Декларации ООН «Цели тысячелетия»^{***}. Эти исследования не должны наносить вред или способствовать созданию биологической, физической или нравственной угрозы для людей, животных, растений либо для окружающей среды как в настоящее время, так и в будущем.

3.3. Предосторожность

НиН исследовательская деятельность должна осуществляться в соответствии с принципом предосторожности, предвосхищая возможное воздействие на окружающую среду, здоровье и безопасность НиН продуктов, при условии принятия необходимых мер предосторожности, пропорциональных уровню защиты, и в то же время поддерживая прогресс для блага общества и окружающей среды.

^{***} Directive 2004/9/EC and Directive 2004/10/EC.

3.4. Всеобъемлемость

Управление в НиН сфере деятельности должно осуществляться на основе принципов открытости для всех ее участников, прозрачности и уважения законного права на доступ к информации. Это управление должно позволять всем, кто действует в этой сфере или с ней соприкасается, участвовать в процессе принятия решений.

3.5. Высокий уровень развития

НиН деятельность должна соответствовать наилучшим научным стандартам, включая стандарты, лежащие в основе добросовестной научной деятельности и стандартов, относящихся к «Надлежащей лабораторной практике»****.

3.6. Инновационность

Управление деятельностью в НиН сфере должно поощрять максимальную творческую активность, способность к адаптации и планированию для поддержки инновационности и развития.

3.7. Ответственность

Как отдельные исследователи, так и исследовательские организации должны сохранять за собой ответственность за те социальные и экологические последствия, равно как и последствия воздействия на здоровье не только современных людей, но и будущих поколений, которые могут возникнуть в результате проводимых ими исследований в НиН сфере деятельности.

4. Рекомендации в отношении необходимых действий

Рекомендации, помещенные в данном разделе, основаны на общих принципах, изложенных в разделе 3. Они рассматриваются как руководство для достижения надлежащего управления, должного отношения к предосторожности, равно как и для распространения и надлежащего наблюдения за настоящим Кодексом. Основная ответственность за действия указывается ниже, но все участники НиН деятельности должны со своей стороны вносить собственный вклад в реализацию этих принципов настолько, насколько это возможно в рамках границ их собственной компетенции.

4.1. Надлежащее управление нано наукой и нанотехнологиями

Надлежащее управление НиН должно принимать во внимание потребность и пожелание всех участников, работающих в этой сфере, ознакомиться со специфическими сложностями и возможностями, возни-

**** СОМ(2007) 62, 21.2.2007.

кающими вместе с НиН развитием. Ввиду сложностей и возможностей, которые могут возникнуть в будущем и неизвестны в настоящее время, необходимо создать общую культуру ответственности.

4.1.1. Государства-члены должны взаимодействовать с Комиссией для того, чтобы поддерживать открытый и плюралистический дискуссионный НиН форум на уровне Комиссии как средство стимулирования общественных дискуссий о НиН исследованиях, поддерживая идентификацию и обсуждение проблем и перспектив и облегчая появление возможных инициатив и решений. Соответственно государства-члены должны улучшать обмен информацией о пользе, рисках и неопределенностях, связанных с исследованиями в НиН сфере деятельности. Особое внимание следует уделять наиболее молодым и престарелым представителям населения.

4.1.2. Уважая авторские права, государства-члены, фонды, поддерживающие НиН исследования, исследовательские организации и исследователи призываются обеспечить легкодоступный и понятный для широкого круга людей и для научного сообщества доступ ко всему объему научного знания и сопутствующей НиН информации, к которой относятся, например, актуальные стандарты, библиографии, маркировки, исследования о влиянии нанотехнологий, регулирующие документы и законы.

4.1.3. Государства-члены должны призывать частные и общественные лаборатории обеспечить общий доступ к наилучшим практикам в исследованиях в НиН сфере деятельности, уважая право интеллектуальной собственности на защиту.

4.1.4. Исследовательские организации, занимающиеся НиН исследованиями, и исследователи должны гарантировать, что научные данные и полученные результаты должным образом прошли процесс рецензирования раньше широкого распространения за пределами научного сообщества, гарантируя тем самым ясное и непротиворечивое представление этих данных .

4.1.5. Принимая во внимание потенциал наноуок и нанотехнологий, государства-члены и исследовательские организации, работающие в НиН области, должны гарантировать, что НиН исследования проводятся при соблюдении самого высокого уровня научной добросовестности. НиН исследовательские практики, вызывающие вопросы (не ограниченные плагиатом, фальсификацией и фабрикацией данных), следует обнаруживать, так как они могут угрожать здоровью, безопасности и окружающей среде, вызвать недоверие в обществе и замедлить распространение благ, достигнутых в результате исследования. Лица, сообщающие о несоответ-

ствии при проведении исследования, следует предоставить защиту как со стороны работодателей, так и на основании национальных и региональных законов.

4.1.6. Государства-члены должны гарантировать, что для применения существующих законов и рекомендаций, относящихся к НиН исследованиям, выделены соответствующие кадровые и финансовые ресурсы. Организации, принимающие участие в НиН деятельности, должны ясно демонстрировать соблюдение рекомендаций, относящихся в сфере их работы.

4.1.7. Национальные и местные этические комитеты и компетентные государственные образования должны оценивать характер применения требований этической экспертизы в отношении НиН исследований двойного назначения. В особенности им следует обращать внимание на применение фундаментальных прав человека в отношении любых возможных ограничений принципа информированного согласия и публикации результатов исследования, касающегося здоровья человека.

Поощрение всеобъемлющего подхода

4.1.8. Широкие направления НиН исследования следует определять всеобъемлющим образом, предоставляя возможность всем участникам обогатить предварительное обсуждение этих направлений.

4.1.9. Государства-члены, НиН фонды, исследовательские организации и исследователи призываются оценивать последствия, которые будут связаны с исследуемыми технологиями и объектами в будущем, на самых первых стадиях совместными усилиями, направленными на их предвосхищение. Эта работа позволит находить решения потенциально негативного воздействия, причиненного использованием новых объектов или технологий на более поздних стадиях. Консультации с соответствующими этическими комитетами по необходимости должны быть частью подобных усилий, направленных на предвосхищение этих последствий.

4.1.10. НиН исследование, взятое само по себе, должно быть открытым для вклада со стороны всех участников, которые должны быть информированы и иметь поддержку, которая позволит им принимать активное участие в исследовательской деятельности в пределах тех задач, которые входят в их цели и полномочия.

Ключевые приоритеты

4.1.11. Исследовательские уполномоченные учреждения и государственные органы стандартизации должны стараться адаптировать НиН терминологию, упрощая обмен научными данными. Они должны поддерживать стандартные процедуры измерения, а также использование подходящих референтных материалов, совершенствуя сопоставление научных данных.

4.1.12. НиН фонды должны уделять адекватную часть НиН исследования развитию методов и средств оценки рисков, совершенствованию метрологии на наноуровне и деятельности по стандартизации. В этом контексте особое внимание следует уделить развитию рисков второго поколения, активным наноструктурам.

4.1.13. Государства-члены, НиН исследовательские фонды и организации должны поддерживать область НиН исследований, воздействуя по возможности наиболее позитивно. Следует отдавать приоритет исследованиям, решающим задачу защиты общества и окружающей среды, потребителей или рабочих, а также занимающимся проблемой сокращения, совершенствования или замещения экспериментов над животными.

4.1.14. НиН фонды должны выполнять и публиковать сбалансированные оценочные отчеты, основываясь на наилучших научных данных о возможной стоимости, рисках и достижениях в исследовательской области, относящейся к сфере поддержки фонда.

Запреты, ограничения или границы

4.1.15. НиН финансовые фонды не должны оказывать поддержку исследованию в тех сферах, которые могут привести к нарушению фундаментальных прав или фундаментальных этических принципов как на стадии исследования, так и на стадии разработки (например, создание искусственных вирусов, обладающих патогенным потенциалом).

4.1.16. НиН организации не должны брать на себя обязательства за исследования, направленные на нетерапевтическое совершенствование человека, приводящее к зависимости или исключительно к противоправному совершенствованию возможностей человеческого тела.

4.1.17. Поскольку исследования, посвященные оценке рисков в длительной перспективе, недоступны, следует избегать исследований, включающих в себя умышленное внедрение нано-объектов в тело человека, в еду (особенно в детскую), корма, игрушки, косметику и другие продукты, которые могут привести к воздействию на человека и окружающую среду.

4.2. Должное отношение к предосторожности

Принимая во внимание недостаток знаний о воздействии нано-объектов на окружающую среду и на здоровье человека, в процессе НиН исследовательской деятельности государства-члены должны применять принцип предосторожности, защищая тем самым не только исследователей, которые впервые подвергаются воздействию нано-объектов, но также и профессионалов, потребителей, граждан и окружающую среду.

4.2.1. Студенты, исследователи и исследовательские организации, принимающие участие в НиН исследованиях, должны предпринимать особые меры в отношении своего здоровья, безопасности и окружающей среды,

приспособленные к особенностям нано-объектов, с которыми они работают. Следует разрабатывать специальные руководства по предотвращению патологий, вызванных нано-объектами, в соответствии со «Стратегией сообщества 2007–2014 гг. в отношении здоровья и безопасности на работе»¹².

4.2.2. Исследовательские организации в сфере НиН должны применять существующие надлежащие практики, пользуясь приемами классификации и маркирования. Кроме того, поскольку нано-объекты могут проявлять особые свойства, возникающие в связи с их размерами, исследовательские организации в сфере НиН должны предпринять исследования в отношении системы (включая, например, разработку особых пиктограмм), целью которых является информировать исследователей и более широкий круг людей, вероятнее всего контактирующих с нано-объектами в исследовательских помещениях (например, персонал, отвечающий за охрану и чрезвычайные ситуации) для того, чтобы они имели возможность предпринять необходимые и подходящие меры безопасности при выполнении своих обязанностей.

4.2.3. Публичные и частные НиН исследовательские фонды должны запрашивать документы об оценке риска при подаче каждой заявки на финансирование исследовательского проекта в сфере НиН.

4.2.4. Программы НиН фондов должны включать в себя мониторинг возможного социального и экологического воздействия, а также воздействия на здоровье человека нанонауки и нанотехнологий на протяжении соответствующего периода времени.

Применение принципа предосторожности должно включать в себя устранение существующих лакун в научном знании и, следовательно, осуществление дальнейших действий, направленных на исследования и развитие, например, следующие:

4.2.5. Фонды, занимающиеся поддержкой исследований должны уделять надлежащую часть НиН исследования пониманию потенциальных рисков, в особенности рисков для окружающей среды и здоровья человека, вызванных нано-объектами, принимая во внимание весь период жизненного цикла нано-объектов – с момента создания до окончания существования, включая переработку.

4.2.6. НиН организации и исследователи должны запускать и координировать специальную исследовательскую деятельность в НиН сфере, улучшая понимание фундаментальных биологических процессов, связанных с токсикологией и экологической токсикологией нано-объектов, как созданных искусственно, так и возникших естественным образом. И следует широко распространять, предварительно проверив должным

образом, данные и открытия, касающиеся биологического воздействия нано-объектов, независимо от того, являются ли эти воздействия положительными, отрицательными или ничтожными.

4.3. Широкое распространение и мониторинг Кодекса проведения НиН исследований

4.3.1. Государства-члены должны поддерживать широкое распространение настоящего Кодекса главным образом через национальные и региональные фонды для финансовой поддержки исследований.

4.3.2. В дополнении к существующему Кодексу проведения НиН исследований исследовательские фонды должны гарантировать, что исследователи, работающие в НиН области, ознакомлены с соответствующей сферой законодательства, а также с этическими и социальными рамочными программами.

4.3.3. Поскольку в границах Европейского союза необходимо наблюдать за выполнением настоящего Кодекса, государства-члены должны объединить свои усилия с Европейской комиссией, чтобы выработать адекватные меры для осуществления мониторинга на национальном уровне и гарантировать совместную деятельность с другими государствами-членами.

Примечания

- ¹ *Ferrari A.* Developments in the Debate on Nanoethics: Traditional Approaches and the Need for New Kinds of Analysis // *Nanoethics*. 4/2010.
- ² *Sparrow R.* The Slippery Nature of Nano-Enthusiasm Nano meets macro. *Social Perspectives on Nanoscale Sciences and Technologies*. Pan Stanford Publ., 2010
- ³ *Invisible Revolution*. Seuil, 2008. P. 85
- ⁴ *Nanoscience and nanotechnologies: opportunities and uncertainties / The Royal Society Science, Policy Section. The Royal Society, 2004. (<http://www.nanowerk.com/nanotechnology/reports/reportpdf/report68.pdf>); The European Group on Ethics in Science and New Technologies to the European Commission, Opinion on the ethical aspects of nanomedicine. Opinion № 21. 2007.*
- ⁵ *E.Kadar a, *, F. Simmance a, b, O. Martin b, N. Voulvoulis b, S. Widdicombe a, S. Mitov c, J.R. Lead c, J.W. Readman* The influence of engineered Fe₂O₃ nanoparticles and soluble (FeCl₃) iron on the developmental toxicity caused by CO₂-induced / *Environmental Pollution* 158, 2010.
- ⁶ *Ferrari A.* A. Ferrari, Developments in the Debate on Nanoethics: Traditional Approaches and the Need for New Kinds of Analysis / *Nanoethics*, 4/2010.
- ⁷ *Zwart SD, Van de Poel I, van Mil H, Brummen M.* (2006) A network approach for distinguishing ethical issues in research and development. *Sci Eng Ethics* 12:663–684; *Ibo van de Poel.* How Should We Do Nanoethics? A Network Approach for Discerning Ethical Issues in Nanotechnology // *NanoEthics*. 2008. № 2. P. 25–38.

-
- ⁸ *Ibo van de Poel*. How Should We Do Nanoethics? A Network Approach for Discerning Ethical Issues in Nanotechnology. P. 34.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ *Dupuy J.-P.* Alexei Grinbaum, Living with Uncertainty: Toward the Ongoing Normative Assessment of Nanotechnology (<http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/SPT/v8n2/grinbaum.html>).
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Перевод на русский язык осуществлен Р.Р.Белялетдиновым Code of conduct for responsible nanosciences and nanotechnologies research (<ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/fp7/docs/nanocode-recommendation.pdf>).

В.И. Моисеев

Конкретная универсальность и биоэтика

В своей статье я хотел бы коснуться темы, которая так или иначе затрагивает существующую до сих пор заметную дихотомию, разделяющую естественнонаучное и гуманитарное знание. Конечно, в этой теме много возможных направлений и проблем, и здесь мне хотелось бы затронуть важную, как представляется, тему разных видов универсальности, которые до сих пор продолжают существовать в естественнонаучном и гуманитарном знании.

Понятно, что знание может быть более или менее универсальным, общим. С одной стороны, есть суждения о единичном факте, максимально конкретизированные относительно времени и места, обстоятельств и участников некоторого события. Таковы, например, знаменитые «протокольные предложения» неопозитивистов, посредством которых исследователь-экспериментатор выражает в языке единичный факт. Допустим, имеем суждение: «15 мая 2011 г. в 16 ч. стрелка амперметра находилась на отметке 12 при измерении силы тока аспирантом И.К.Петровым в лаборатории биофизики МГУ». Такое суждение вполне конкретно и привязано к ряду частных обстоятельств времени, места и т. д. С другой стороны, в науке присутствует более или менее общее знание, выражаемое в универсальных суждениях. Таковы законы физики, допустим, всем известные законы Ньютона или законы электродинамики Максвелла. Для их формулировки в логике используются формулы с квантором всеобщности, имеющие вид $\forall xP(x)$ – «для любого x верно P », где P – некоторое свойство (одноместный предикат), x – объектная переменная. Например,

формулировка первого закона Ньютона имеет вид: «Если на любое материальное тело действует нулевая сила, то это тело движется равномерно и прямолинейно».

Вспомнив известные представления о существовании частного и общего знания, я предлагаю посмотреть с учетом этой темы на различие естественнонаучного и гуманитарного знания, в частности, знания в биоэтике. Главная проблема, которую я попытаюсь исследовать в этой статье, – проблема того, не связаны ли сложности формулировки биоэтических проблем с некоторой спецификой тех видов общего и частного знания, которые используются до сих пор в биоэтике.

Проблема различия гуманитарного (идиографического) и естественнонаучного (номотетического) знания, как известно, достаточно подробно и многоаспектно исследовалась в неокантианстве, и в частности в рамках баденской школы было провозглашено, что гуманитарное знание вообще не содержит и не может содержать универсальных законов, всегда являясь чисто описательным, констатирующим только те или иные частные факты. Особенно ярко, по мнению баденцев, такого рода идиографичность проявляется в исторических дисциплинах, где конец исторического исследования – лишь установление конкретного исторического факта.

Подобную же тему мы наблюдаем в философии жизни XIX – начала XX в., особенно в идее описательной психологии Вильгельма Дильтея, но здесь всё же ракурс трактовки проблемы несколько изменяется. Речь идет уже не столько о частном, сколько об интроспективном – непосредственно самонаблюдаемом в потоке внутренней жизни личности. События и состояния внутреннего бытия субъекта даны ему непосредственно и должны лишь аккуратно удостоверяться. Подобные феномены (если использовать терминологию Гуссерля, позиция которого была достаточно близка дильтеевской «описательной психологии») могут быть как частными, так и общими. Из плоскости частного-общего специфика гуманитарности переходит в несколько иное измерение «объяснения–описания».

Наконец, у Карла Поппера мы находим вполне господствующую до сих пор оценку логической структуры гуманитарного знания. Он вновь возвращается к теме частного и общего, и в рамках его подхода слабость гуманитарного знания можно связать с недо-

статочной его фальсифицируемостью, что в свою очередь выражает ситуацию преобладания в этом виде знания экзистенциальных суждений вида $\exists xP(x)$ – «существует (найдётся) такой x , что P ». С этой точки зрения гуманитарное знание, в частности этика, ближе к метафизике, которая, по мнению Поппера, не является фальсифицируемым видом знания.

Если посмотреть на ситуацию в современном биоэтическом дискурсе, то здесь мы находим особенную сложность, связанную с повышенной антиномичностью биоэтических проблем, господством в этой области того, что можно было бы обозначить как «антиномический биоэтический дискурс»¹. Если же проанализировать эту сферу исследования и практики с точки зрения частного и общего знания, мы сталкиваемся с дополнительной трудностью, которую можно было бы обозначить как проблему *конкретной универсальности*.

Заводя разговор о главной теме нашего исследования – конкретной универсальности, следует в первую очередь привести её определение. *Под конкретной универсальностью можно понимать такой вид универсальности, для которого существует некоторая систематическая процедура применения этого вида универсальности к той или иной частной ситуации, так что частное знание может быть закономерно получено из общего на основе этой процедуры*. Подобную процедуру приложения общего к частному можно обозначить некоторым специальным термином, например, как *процедуру конкретизации*. Она как бы связывает общее и частное, выстраивает мост между ними и позволяет некоторым закономерным образом перейти от одного к другому.

Предполагается, что данность универсальности самой по себе ещё не гарантирует её конкретный характер, т. е. её заданности как конкретной универсальности. В общем случае универсальность может быть как конкретной, так и *абстрактной*, не имеющей процедуры конкретизации.

Эта тема, конечно же, у философа сразу вызывает ассоциации с идеями абстрактно- и конкретно-всеобщего в философии Гегеля. И это в самом деле та же тема, апеллирующая к идеям более оторванной (абстрактной) от частного всеобщности и некоторой особой всеобщности, которая постоянно была в центре внимания немецкого диалектика и могла, как он полагал, проникать собою частное и единичное, выступая как «конкретно-всеобщее».

Указание на процедуру конкретизации есть лишь попытка более операционального выражения той же идеи гегелевской конкретной всеобщности.

И здесь мне хотелось бы сразу продемонстрировать конструктивность темы конкретной универсальности и использования уже достаточно давно в точных науках определённой, весьма операциональной структуры для выражения этого вида универсальности. Я имею в виду понятие «переменной», которое исторически начинает постепенно использоваться в средневековой математике, но систематически вводится в обиход математизированной науки, начиная со времён Декарта.

Простейший пример переменной – числовая, которую уже в школе, начиная с курса алгебры, мы обычно обозначаем последними буквами латинского алфавита x , y и z , в том числе используя при необходимости те или иные индексы – x_1, x_2, y^*, z_α и т. д. Попробуем проанализировать, что такое простейшая числовая переменная x .

Во-первых, для нее определяется множество тех объектов, которые, как говорят математики, «пробегает» эта переменная. В нашем случае это числа, например, вещественные числа $-3, 0, +5, 5/7, \sqrt{2}$ и т. д. Отдельные объекты такого рода выступают как *частные значения* переменной, которые она может принимать. В случае переменной и частных значений мы имеем простейший пример общего и частного: переменная – вид общего, её частные значения – вид частного.

Во-вторых, для переменной задаётся специальная процедура закономерного перехода от общего к частному, а именно *подстановки* частных значений на ее место. Конечно, здесь речь должна идти не столько о самих частных значениях, сколько об их именах («константах»), которые и подставляются на место переменной. Обычно в логике эту процедуру так или иначе представляют, например, используя выражение $A_x[a]$, которое означает, что в формуле A делается подстановка терма (в частности, константы) « a » на места свободных вхождений переменной x . Поскольку процедура подстановки закономерно переводит переменную в её частное значение, то здесь перед нами налицо пример процедуры конкретизации.

Итак, в случае переменной мы имеем простейший пример конкретной универсальности, для которой определена своя процедура конкретизации. Вот, по-видимому, почему математике и ло-

гике, использующим понятия переменной, удалось сделать такой прорыв в построении и применении нового типа конкретно-универсального знания. Только благодаря идее переменной удалось ввести функции, уравнения, в том числе дифференциальные уравнения, построить такую мощную математическую теорию движения, как математический анализ.

Развитие понятия переменной происходило в математике и логике в нескольких направлениях.

– Осуществлялся переход от отдельных переменных к более сложным *выражениям* (уравнениям, формулам), которые содержали в себе переменные как свои составляющие. Использование процедуры подстановки в этом случае усложнялось и обобщалось – теперь речь шла о подстановках в составе более сложных выражений и о более сложных подстановках, начинали возникать более сложные правила таких подстановок² и т. д.

– Возникали разные *виды* переменных, например, кроме объектных, стали возникать переменные по функциям, предикатам, по формулам и т. д. И здесь также формулировались свои процедуры подстановки со своими правилами.

– Возникали *уровни* переменных, например, переменные по множествам, по множествам на множествах и т. д.

В итоге развитие вообще естественных наук, опирающихся на логико-математические средства теоретизации, во многом оказалось обязанным такому виду конкретной универсальности, как переменная.

В связи с такой важностью этого понятия давайте немного припомним к нему.

Переменная x , например, числовая – это, с одной стороны, нечто общее и универсальное, что есть во множестве объектов (частных значений, в данном случае отдельных чисел). С другой стороны, x – это единичный объект, который во многих случаях играет такую же роль, что и константы. Например, одноместный предикат P может заполняться как переменной x , образуя выражение $P(x)$, так и конкретной константой, например 1 , образуя выражение $P(1)$. С этой точки зрения, в конструкции уже простейшей переменной содержится некоторый специальный вид универсальности, который определенным образом продолжает оставаться единичностью, так что переменная выступает в роли своеобразной *универсальной единичности*.

Если универсальность и единичность рассмотреть как два уровня организации, так что первая будет представлять собой более высокий уровень, то подобные уровни могут находиться между собою в разных состояниях связности и взаимопроникновения. С одной стороны, общее и частное могут быть внешними друг к другу, выступая как общее-без-частного и частное-без-общего. В этом случае уровни универсального и единичного окажутся как бы внешними, внеположенными друг к другу. В случае переменной мы видим ещё одну возможность отношения частного и общего, когда, например, возникает некоторое «вертикальное общее», которое соединяет между собою разные вертикальные уровни общности. В этом случае общее и частное тем или иным образом начинают проникать друг в друга, и может возникнуть новый вид общего, который тем или иным образом содержит в себе частное. По-видимому, понятие переменной и было одним из первых видов такого *вертикального общего*, благодаря которому оказалась возможной закономерная процедура перехода от общего к частному, и такое общее одновременно оказалось видом конкретной универсальности.

Обращаясь далее к гуманитарному знанию, в частности, к этике, мы видим здесь одну типичную трудность, которая резко снижает возможный уровень теоретичности в этих областях знания. А именно *в этике если и удаётся формулировать некоторые виды общего (принципы, нормы, нравственные законы), то для них возникает систематическая проблема неокончательной их применимости к решению частных случаев*. Иными словами, виды этического общего оказываются ещё слишком абстрактными, чтобы некоторым закономерным образом можно было на их основе перейти к решению частных ситуаций. Здесь существует ощутимый «зазор» между общим и частным, который в каждом конкретном случае приходится заполнять интуицией и опытностью.

Но это как раз и означает, что *в этике, а во многом и вообще в гуманитарном знании нет своего релевантного вида конкретной универсальности*. Здесь существует лишь абстрактная универсальность, оторванная от уровня частного и единичного.

Та же проблема верна и для биоэтики, и здесь она особенно остро себя проявляет в силу повышенной напряжённости и порою драматичности основных проблем биоэтики – трансплантации, эвтаназии, абортов и т. д.

В связи с этим тема конкретной универсальности, как представляется, имеет важнейшее значение для биоэтических исследований.

И здесь в принципе исследование могло бы развиваться по двум не исключаящим друг друга путям.

Во-первых, можно было бы пытаться исследовать, насколько в биоэтике и вообще в гуманитарном знании применимы те виды конкретной универсальности, которые уже наработаны в естественнонаучном знании. Как мы видели, здесь центральную роль играет понятие переменной, и потому исследования в данном направлении могут быть более конкретизированы: насколько применимо в биоэтической рациональности вообще понятие переменной, в частности, возможно ли выполнение на биоэтическом материале тех требований определения понятия переменной (определение частных значений, процедуры подстановки, построения уравнений и т. д.), которые выполняются в логико-математическом и естественнонаучном дискурсе, можно ли предполагать использование в биоэтическом дискурсе некоторых выражений, содержащих переменные, и т. д.

Во-вторых, можно было бы ставить вопрос о поиске каких-то новых видов конкретной универсальности в области биоэтики и вообще гуманитарного знания, которые отличаются от таковых в естественных науках. Например, можно было бы поставить под сомнение применимость понятия переменной в биоэтической сфере и попытаться поискать нечто новое, более гуманитарным образом и иначе решающее проблему конкретной универсальности.

Ниже я попытаюсь коснуться только первого из этих двух направлений³.

Если говорить об исследовании проблемы конкретной универсальности, связанном с понятием переменной и её возможной применимостью в биоэтическом знании, то здесь следует отметить, что вообще применимость переменной напрямую зависит от построения моделей, в которой фигурируют *существенные переменные* моделируемого объекта.

В рамках такого подхода проблему гуманитарной рациональности в биоэтике можно было бы связать с открытием некоторых *биоэтических уравнений*, которые 1) содержат в себе переменные, 2) эти переменные являются *существенными* для выражения биоэтической проблематики. На первый взгляд подобная формулиров-

ка кажется практически невозможной для того образа биоэтики и гуманитарного знания вообще, к которому мы до сих пор привыкли. Однако если всё же пытаться следовать по указанному пути, то можно было бы предположить, что до сих пор в гуманитарном знании не удаётся сформулировать моделей, в которых фигурировали бы не просто переменные, но именно существенные переменные.

Под словом «существенные» имеется в виду ухватывающие суть, т. е. предлагающие аналитические средства и одновременно выражающие самую суть той или иной гуманитарной (в частности, биоэтической) проблематики. Хотя записать те или иные темы на языке переменных в этике или биоэтике сегодня не представляет большого труда, но, возможно, самая большая сложность состоит в том, что нам никак не удаётся найти систему существенных переменных гуманитарного образа бытия, и мы всё не то и вновь не то предполагаем мерить и выражать. Нам не хватает какой-то принципиально новой и оригинальной позиции, взгляда на биоэтику, с учетом которого и можно было бы использовать переменные и уравнения и ухватить некоторые существенные биоэтические переменные. Сколь бы это ни звучало фантастично сегодня, принципиально подобной возможности исключить нельзя.

Чтобы довести эту тему до некоторой большей конкретности, я постараюсь взять на себя смелость и привести ниже возможные примеры существенных биоэтических переменных и возникающих в связи с ними уравнений.

Например, вспомним концепцию **prima facie моральных обязательств** У.Д.Росса⁴, согласно которой существует набор некоторых норм, которые в общем случае формулируются как нормы *prima facie*, т. е. данные «при прочих равных условиях». Например, есть принципы милосердия и правдивости. Оба они являются предпочтительными при прочих равных условиях, когда значимые параметры ситуации определяются только одним из принципов. В то же время ничего нельзя сказать определённо, какой из этих принципов выбрать, когда, например, возникает ситуация морального конфликта, и следование одному принципу приводит к противоречию с другим. В этом случае, согласно Россу, мы можем опираться только на нашу моральную интуицию, и общее решение в этом случае сформулировать невозможно. Здесь мы видим типичный пример ситуации отсутствия конкретной универсальности, когда

имеющиеся общие принципы могут вполне определять частную ситуацию только при прочих равных условиях, в то время как во всех оставшихся случаях ситуация является неопределённой.

Давайте попробуем сформулировать эту ситуацию в терминах переменных и уравнений.

Рассмотрим для простоты два моральных принципа Π_1 и Π_2 . Предположим, что каждому из них соответствует некоторая *ценностная мера* – значимость каждого принципа. Эти меры можно обозначить переменными x_1 и x_2 для Π_1 и Π_2 соотв. Предположим также, что существует итоговая ценность, зависящая от значимости каждого принципа, что можно выразить некоторой двуместной функцией $y = f(x_1, x_2)$, зависящей от переменных x_1 и x_2 .

Что означает в этом случае правило «при прочих равных условиях»?

Математически выражаясь, оно гласит, что если зафиксировать значение одного из аргументов функции f , то **возрастание другого аргумента будет вызывать возрастание и всей функции** – вот почему итоговую ценностную меру « y » в этом случае можно свести к одному из частных принципов. Выражаясь ещё более строго, можно сказать, что все частные производные дифференцируемой функции f больше нуля, т. е. $\partial f / \partial x_i > 0$, где $i=1,2$.

Однако такая информация ещё недостаточна для определения полного вида функции f . **В частности, даже при возрастании частных производных не исключены ситуации, когда изменение аргументов x_1 и x_2 образует некоторую траекторию $\Gamma(t) = (x_1(t), x_2(t))$, при движении по которой один аргумент растёт, а второй падает.** В этом случае возможный рост всей функции f в одном или другом направлении будет зависеть от конкретного полного вида этой функции.

Какие выводы здесь можно сделать, исходя из описанного примера?

Пожалуй, самое главное следствие, получаемое из этой формальной иллюстрации, состоит в том, что нравственные законы необходимо формулировать, исходя из нового принципа, который бы позволял выражать нравственный закон как определение полной ценностной зависимости f , а не только отдельных её срезов. *Существующая издавна в этике практика формулировки нравственных норм является недостаточной для выра-*

жения полных определений ценностных мер – вот, по-видимому, почему здесь никак не удаётся создать примеры конкретной универсальности.

Анализируя приведённый пример, можно предположить возможности формулировки нового типа этического и гуманитарного в общем случае знания, которое будет опираться на идею многоаргументных ценностных функций и пытаться задавать их максимально полно – на всём пространстве состояний. Для этого, как представляется, нужно выработать новый язык и новые принципы построения гуманитарного знания. Иными словами, от чисто вербальных и фрагментарных ценностных определений, которые связаны с практикой прежней этики, необходимо перейти к *квантитативной этике*, основным средством выражения которой будут многокомпонентные ценностные функции, выражающие интегральные ценностные меры, обобщающие множество более частных мер. На этом пути нас может ожидать открытие своих аксиологических уравнений, формулировка различных ценностных законов и т. д.

В том числе в этом направлении может быть поставлена и тема существенных (био)этических переменных.

Пример поиска таких переменных и формулировки в их терминах новых моделей мы видим, например, в работах В.А.Лефевра⁵. В том числе в последнее время он строит модели, связанные с этикой и этическим выбором. Самое оригинальное в подходе Лефевра состоит в том, что он пытается квантифицировать такие существенно субъектные качества, как вера, альтруизм, эгоизм, не редуцируя их к каким-либо физиологическим выражениям. На этом пути, как представляется, и можно двигаться дальше в поисках новых субъектных моделей. Давайте попробуем посмотреть с этой точки зрения на биоэтическую проблему.

Рассмотрим, к примеру, проблему аборта. Для неё, как и для множества других (био)этических проблем, характерна некоторая комплексная ценностная мера, зависящая от совокупного влияния выигрышей и проигрышей. Например, женщина, решаясь сделать аборт, получает выигрыш в снятии с себя заботы о ребёнке, но имеет проигрыш в совершении аборта как возможного убийства живого существа. Пусть ценность первого есть x_1 , ценность второго x_2 , тогда и в этом случае мы имеем дело с некоторой более слож-

ной функцией $y = f(x_1, x_2)$, которая должна быть вполне известна для принятия окончательного решения в этой сфере. В простейшем случае

$$(1) y = x_1 + x_2, \text{ где } x_1 \geq 0, x_2 \leq 0.$$

Если $y > 0$, то это означает совершение аборта, если же $y < 0$, то аборт не может быть совершён.

Интересно отметить, что представление проблем биоэтики через ценностные уравнения вида $y = f(x_1, x_2)$ коррелирует с проблемой антиномичности в биоэтическом дискурсе⁶. Полное уравнение можно связывать с природой антинома (биоэнта), в то время как его редукции (редукты биоэнта) будут выражаться некоторыми частными случаями функции f , например, случаями $y > 0$ или $y < 0$ в описанном выше варианте биоэтического уравнения. Сторонники тех или иных крайних позиций, например, либералы и консерваторы, будут выглядеть в этом случае как сторонники определённого изменения параметров x_1 и x_2 . Либералы будут тяготеть к значениям $x_1 \rightarrow \max$ и $x_2 \rightarrow \min$, консерваторы, наоборот, к случаям $x_1 \rightarrow \min$ и $x_2 \rightarrow \max$. В пределе для либералов уравнение (1) превратится в случай $y = x_1$, для консерваторов – в уравнение $y = x_2$. Более реалистичная позиция в решении биоэтических проблем будет пытаться использовать интуицию полного уравнения (1), выявляя зависимость величин x_1 и x_2 от тех или иных обстоятельств. Например, такие параметры могут зависеть от времени t эмбриогенеза $x_1 = x_1(t)$, $x_2 = x_2(t)$, так что на протяжении времени t параметр x_1 будет падать, а параметр x_2 возрастет. Тогда может возникнуть некоторый промежуточный момент времени t_0 – такой, что до t_0 $y > 0$, а после t_0 $y < 0$. В самом моменте t_0 получим равновесие $y = 0$.

В образовании более частных случаев функции f мы видим тот же процесс огрубления, что и в общем случае формулировки нравственных норм. Нормы – это и есть выражения некоторых огрублений полной ценностной функции. Каждая норма предполагает свой *интервал применимости*, в рамках которого она достаточно хорошо приближает ценностную функцию, но любой интервал такого рода имеет свои границы, за которыми можно пытаться сформулировать другую норму, и т. д. В итоге полная картина ценностной функции покрывается все большим числом приближений, нормы могут формулироваться для все более частных случаев, и

итоговая практика подобного рода уходит в дурную бесконечность огромных кодексов с труднообозримым массивом всё более частных норм и их всё более тонких толкований.

Можно ли выйти из этой качественной бесконечности и перейти к некоторому нравственностному⁷ количеству и квантитативной этике, в том числе в области биоэтической проблематики? Можно ли начать формулировать сами ценностные функции, а не городить бесконечные системы их приближений?

Сложность формулировки ценностной функции выражается в зависимости ее аргументов от множества факторов. Например, для того же случая с абортom параметры x_1 и x_2 могут зависеть не только от времени эмбриогенеза, но и от состояния матери, плода, той или иной трактовки статуса человеческого эмбриона и тысячи других факторов, которые учесть крайне сложно.

Подобная трудность в то же время может указывать на использование несущественных переменных, в терминах которых модель обнаруживает бесконечную сложность. Значит ли это, что последняя неизбежна? Вспомним, что в истории науки часто бывали случаи, когда в одних моделях объект исследования обнаруживал бесконечную сложность (например, птолемеяевская модель солнечной системы с потенциально бесконечным числом эпициклов), но переход к другим моделям мог обнаруживать существенное упрощение того же объекта (кеплеровская модель движения планет по эллипсам резко упростила ситуацию). Возникновение бесконечной сложности оказывается в этом случае показателем несущественности используемой модели, и наоборот, последующее резкое упрощение выражает открытие существенной модели, в которой начинают фигурировать существенные переменные. Возможно, и в современных гуманитарных науках, в том числе (био)этике, существующая избыточная громоздкость моделей вопиет о потребностях в принципиально новых типах моделей, где может произойти преодоление бесконечной сложности и достигнуто использование новых существенных переменных. Понимая, что окончательный ответ на этот вопрос сегодня вряд ли представляется возможным, позволю себе высказать по этому поводу лишь некоторые соображения.

Подобно тому, как Кеплер перешёл от эпициклической бесконечной модели орбиты к одной фигуре иного типа, нежели окружность, – к эллипсу, так, возможно, и в области этики нужно каче-

ственно изменить *примитивы* (первичные концепты). Вероятно, это должен быть переход от этики норм к этике ценностных функций, попытку чего мы в некоторой мере наблюдаем в прагматизме и утилитаризме. Каждая ценностная функция сплавляет воедино множество частных норм-ценностей в некоторой универсальной ценностной мере. Более того, последняя предполагается к непосредственному определению в любой частной ситуации на основе некоего универсального закона, который будет лишь частным образом применяться в частной ситуации.

Можно предполагать, что универсальная ценностная мера должна выражать количественное определение некоторого единого параметра – универсальной «добротности» и качества любого состояния. Следуя Канту, можно даже предложить своего рода процедуру определения всякого принципа деятельности на предмет подобной «добротности». Это процедура *универсализации принципа*, когда, следуя первой формулировке категорического императива, мы должны попытаться выразить тот или иной принцип как возможный универсальный закон. По сути Кант выражает этим определением вновь идею конкретной универсальности – добротностью обладают лишь те принципы, которые выступают конкретизацией всеобщего закона.

Универсальность, как известно, связана с инвариантностью; согласно известной теореме Нётер, с каждым законом сохранения в физике связан свой вид симметрии или инвариантности. Так мы подходим к идее симметрии или инвариантности. Возможно, если следовать Канту, *универсальная ценностная мера – это мера некоторой субъектной симметрии (инвариантности) тех или иных принципов деятельности*. И в самом деле, в том же золотом правиле этики: «Поступай по отношению к другим так, как хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе», – мы видим симметрию отношения между «я» и «не-я». Если действие предполагает направленность от «я» к «не-я», то нужно использовать, согласно этому правилу, только такие принципы, которые бы оставались неизменными с изменением направления действия от «не-я» к «я». Таковую его направленность можно называть *лицевой*, и тогда золотое правило требует *лицевой симметрии* принципа действия. Обман, воровство, зло – это всё примеры действий, совершаемых только «для другого», а не «для себя», т. е. имеющие смысл только

в направлении от «я» к «не-я», и эти действия теряют смысл, будучи направлены наоборот. Таким образом, возможно, многое из того, что мы называем злом, – это просто действия, не обладающие лицевой симметрией.

Вспомним также вторую формулировку категорического императива Канта, в которой запрещаются принципы, предполагающие использование личности только как средства для достижения внешней для неё цели. Здесь мы видим явный запрет на лицевую асимметрию.

Вернёмся с этой точки зрения к проблеме аборта. Вопрос теперь можно сформулировать так: является ли это действие субъектно симметричным или нет? В частности, имеется ли здесь случай лицевой направленности и лицевой симметрии? Всё будет зависеть от того, есть ли «я» у человеческого эмбриона. Если есть, то, по-видимому, лицевая симметрия будет иметь смысл. Возможна и более сложная ситуация, когда «я» эмбриона может постепенно развиваться на протяжении эмбриогенеза, что будет означать одновременное всё большее применение определений лицевой (а)симметрии к данному случаю. Отсюда мы также видим, что возможность построения более существенных (био)этических моделей напрямую зависит от уровня развития теоретических оснований этого типа знания⁸. Что такое «я» и «не-я», возможны ли степени «я», когда можно говорить о возникновении «я» у субъекта – всё это и множество других проблем представляют собою вопросы, ответы на которые прямо предполагаются идеей лицевой симметрии.

В общем случае у действия есть различные факторы, которые входят в его определение. Это, например, субъект и объект, условия совершения и т. д. Все такие факторы можно называть *детерминантами действия*. Среди всех детерминант можно выделять фиксированные и свободные. *Первые* определяют качество данного действия, и их смена приведёт к исчезновению как такового – как действия данного качества. *Вторые* – те, смена которых не будет менять качества действия, но только условия его применимости. *В этом случае можно пытаться выразить «добротность» действия как его инвариантность в смене всех его свободных детерминант*. Лицевые определения действия могут выступать как лишь часть его свободных детерминант, и лицевая симметрия окажется в этом случае более частным видом субъект-

ной симметрии действия. Возможно, *ценностная мера должна в общем случае выступать как количественное выражение симметрии действия или его принципа относительно всех свободных детерминант.*

Например, рассмотрим случай жертвенного поведения, когда, допустим, взрослый жертвует своей жизнью или здоровьем, спасая ребёнка. Это действие имеет явную направленность от взрослого к ребёнку (первый – субъект, второй – объект действия), но вряд ли для такого действия можно требовать симметрии по субъекту и объекту – никто не будет требовать, чтобы такое действие для получения своей нравственной оценки совершалось ребёнком. Таким образом, субъект (как любой взрослый) и объект (как любой ребёнок) выступают здесь как фиксированные детерминанты. С другой стороны, у этого действия есть своя лицевая инвариантность для «я» и «не-я» как взрослых, так и детей. Любой взрослый должен поступить таким образом в отношении к любому ребёнку в случае угрозы гибели последнего. Спасая его, взрослый спасает будущее своего социума и жертвует меньшим (собой как одним из членов социума или как во многом прожитой жизнью) ради большего (жизни всего социума или будущей целой жизни ребёнка).

Следуя описанной стратегии понимания гуманитарной (этической) рациональности, следует построить некоторую структуру действия, выделив в её составе фиксированные и свободные детерминанты и затем проварьировать действие по последним. В случае такого варьирования действие должно обнаружить больший или меньший объём своей инвариантности, что и может выражаться некоторой мерой. Такова стратегия построения ценностной меры действия, опирающейся на идею субъектной инвариантности. Попробуем привести здесь ряд возможных примеров.

Вернёмся к случаю тех действий, которые считаются нравственно недопустимыми. Таково, например, воровство. Пусть A – субъект его (вор), B – объект (жертва). При совершении этого действия субъект дан в перволицевой позиции – как я, что можно обозначить в виде $A \downarrow A - A$ с точки зрения A (стрелка \downarrow означает здесь операцию взятия «с точки зрения»). Объект дан в неперволицевой позиции, как $B \downarrow A - B$ с точки зрения A . Так что здесь имеем простейшую структуру действия D вида $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$. В такой пози-

ции действие является ценностно положительным с точки зрения А – потому он его и совершает. Параметры А и В будут выражать свободные детерминанты действия.

Перейдем теперь к точке зрения В – получим структуру действия вида $D(A \downarrow B, B \downarrow B)$, т. е. это воровство субъектом А у В, данное с точки зрения В. Понятно, что в таком представлении действие окажется выражающим отрицательную ценность. Такие действия, которые «для себя» положительны, а «для другого» отрицательны, выражают *эгоистическую* стратегию поведения. Если же иметь в виду стороннего субъекта С, то действие $D(A \downarrow C, B \downarrow C)$ можно рассматривать как обладающее нейтральной (нулевой) ценностью.

Переходя к переменным, получим общую форму действия как $D(X, Y)$ – здесь на места X и Y могут подставляться конкретные значения. Кроме того, как уже было показано, могут образовываться формы вида $D(X \downarrow Z, Y \downarrow Z)$, где Z – **еще одна переменная, обозначающая** того субъекта, с точки зрения которого рассматривается действие D. В этом случае оно будет определяться в трёхмерном пространстве значений переменных X, Y и Z, которые выступают как свободные детерминанты действия D. Если под *объёмом инвариантности* действия иметь в виду множество тех частных случаев свободных детерминант, в которых оно имеет положительную ценность, то для воровства объём инвариантности будет только множеством троек $\{(X, Y, X)\}$, где $X \neq Y$.

Кроме объёма инвариантности, можно ввести также понятие *объёма варьирования* действия – множества всех значений свободных детерминант, на которых варьируется действие. Для нашего примера это будет множество всех троек $\{(X, Y, Z)\}$. **(Не)инвариантность** действия – понятие относительное, имеющее смысл только в отношении к тому или иному объёму варьирования. *Действие инвариантно, если его объём инвариантности включает в себя объём варьирования, и неинвариантно в противном случае, если первый меньше второго.*

Имея дело с объёмом инвариантности и варьирования действия, можно ввести *меру инвариантности* действия И(D), например, по правилу:

$$(2) \text{И}(D) = M_{\text{И}}/M_{\text{В}},$$

где $M_{\text{В}}$ – мера объёма варьирования, $M_{\text{И}}$ – мера объёма инвариантности. Например, для нашего примера $M_{\text{В}} = M\{(X, Y, Z)\}$ – мера множества всех троек (X, Y, Z) , $M_{\text{И}} = M\{(X, Y, X)\}$ – мера множества

всех троек вида (X, Y, X) , где $X \neq Y$. Если всего имеется n субъектов и если учитывать, что для воровства всегда $X \neq Y$ (нельзя воровать у себя), то число всех троек таких субъектов будет $n^2(n-1)$. Что же касается троек (X, Y, X) , то их число будет равно $n(n-1)$. Если меры конечных множеств приравнять числу элементов множеств, то для воровства получаем меру инвариантности $I(D) = M_{\text{и}}/M_{\text{в}} = 1/n$.

Если воровство рассматривать, следуя Канту, как возможный всеобщий закон, то в этом случае число n субъектов (вида A и B) нужно устремить к бесконечности, и тогда мера инвариантности воровства окажется равной нулю $I(D) = 1/\infty = 0$. Данное действие оказывается неинвариантным, и здесь можно искать истоки его нравственной негативности (подробнее см. ниже).

Описанная для воровства схема определения меры инвариантности является общей для всех эгоистических действий, которые положительны «для себя» и отрицательны «для другого».

Рассмотрим далее более сложный пример жертвы взрослого ради спасения ребёнка. Здесь A – взрослый, B – ребёнок, и действие также имеет структуру $D(A, B)$, но дополнительно накладываются условия на A и B , где A старше и сильнее, чем B , что обозначим пока отношением $A > B$ – A «больше» B . Такого рода условие является фиксированным детерминантом действия. В этом случае мы можем проводить варьирование только по тем A и B , для которых выполняется условие $A > B$, – тем самым очерчивается объём варьирования данного вида действия. Далее можем варьировать, как и ранее, по лицам, получая варианты действия $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$ и $D(A \downarrow B, B \downarrow B)$. Вариант $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$ в этом случае будет обладать отрицательной ценностью, поскольку для себя субъект A терпит ущерб, теряя своё здоровье или даже жизнь. Наоборот, вариант $D(A \downarrow B, B \downarrow B)$ будет выражать положительную ценность, поскольку для ребёнка спасение его жизни является именно таковым. Как и ранее, положим, что для стороннего субъекта C вариант действия $D(A \downarrow C, B \downarrow C)$ является нейтральным.

Подобные действия, которые «для себя» отрицательны, а «для другого» положительны, выражают *альтруистическое* поведение. Посчитаем меру инвариантности этих действий.

Пусть n_1 – число взрослых («гиперсубъектов»), n_2 – число детей («гипосубъектов»), n – общее число субъектов. Тогда объём варьирования получаем как множество троек (X, Y, Z) , где $X > Y$, т. е.

X – гиперсубъект, Y – гипосубъект. Общее число таких троек будет равно произведению $n_1 n_2 n$. Что же касается объёма инвариантности, то он будет включать в себя только тройки (X, Y, Y) , где $X > Y$. Таких троек будет $n_1 n_2$. Таким образом, для конечных множеств $M_B = n_1 n_2 n$, $M_I = n_1 n_2$, и мера инвариантности $I(D) = M_I / M_B = 1/n$.

Отсюда мы получаем тот неожиданный вывод, что меры симметрии эгоистических и альтруистических действий являются одинаковыми. Почему же альтруизм считается нравственным поведением, а эгоизм нет? Запомним этот парадоксальный результат, чтобы вернуться к его объяснению позже.

Также следует заметить, что в оценке частных случаев действия, заданных на частных значениях свободных детерминант, не следует исходить из некоторых сторонних принципов, выходящих за пределы данного частного случая. Когда, например, для варианта действия жертвенного поведения $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$, взятого с точки зрения жертвующего субъекта A , мы предполагаем отрицательную ценность этого варианта, то исходим в данном случае из тех факторов, которые определены для субъекта A только с его точки зрения, вне его отношения к какой-либо иной лицевой позиции, в том числе в рамках некоторых универсальных определений, далеко выходящих за пределы точки зрения только A . Только в границах подобной *локальной позиции* ущерб здоровью или смерть субъекта A выступает как безусловная отрицательная ценность. Если бы мы попытались в этом случае представить, что субъект A руководствуется альтруизмом, то это уже был бы выход за границы только точки зрения A и случай круга в определении. Альтруизм в этом случае есть результат оценки по всем лицевым позициям, и его не может быть в рамках только одной из них. Такого рода принцип определения ценностей частных вариантов действия $D(X \downarrow Z, Y \downarrow Z)$ можно называть *принципом локальной ценности*.

Посмотрим далее с точки зрения конструкций субъектной инвариантности на возможные биоэтические ситуации.

Вновь рассмотрим случай аборта, предполагая действие совершения аборта $D(A, B)$, где A – мать, B – эмбрион. Как уже отмечалось, проблема его статуса предполагает обсуждение вопроса, возможны ли состояния вида $X \downarrow B$, т. е. ситуации с точки зрения эмбриона.

Если, как полагают противники аборт, такие состояния возможны, т. е. эмбрион является тем или иным видом личности и здесь имеет смысл говорить о нём как о лице, то состояния $X \downarrow V$ возможны, здесь применима лицевая симметрия, и действие $D(A, B)$ оказывается малоинвариантным. В самом деле, в этом случае имеем вариант действия $D(A \downarrow A, A \downarrow B)$ с положительной ценностью, вариант $D(A \downarrow B, B \downarrow B)$ с отрицательной, так что случай проведения аборта получаем как вариант эгоистической схемы действия («хорошее для себя и плохое для другого»).

Стоит, однако, стать на точку зрения сторонников либеральной позиции, предположив, что состояния вида $X \downarrow V$ невозможны (т. е. эмбрион не является лицом, для которого определены свои точки зрения), как лицевая симметрия в этом случае будет неприменима, и оценка действия ограничится только вариантом $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$, который обладает положительной локальной ценностью.

Присутствие варианта действия $D(A \downarrow B, B \downarrow B)$, данного с точки зрения эмбриона B , выражает в этом случае *этический* аспект решения данной биоэтической проблемы, в то время как отсутствие этого варианта будет выражать противоположный *биологический* подход. Вспоминая определения проблемы аборта как некоторой разновидности биоэта⁹, когда собственно биоэтический характер проблемы выражается в некотором смешанном состоянии бытия эмбриона – как киборгической сущности «объекто-субъект», мы могли бы попытаться оценить влияние такого подхода на конструкции субъектной инвариантности. Здесь можно было бы предложить, например, следующую схему рассуждений.

В общем случае эмбрион B в структуре действия $D(A, B)$ можно было бы рассматривать как такую сущность, для которой возникает *степень* собственной лицевой позиции. Если имеется состояние $X \downarrow B$, то можно использовать формулу $X \downarrow \alpha B$, выражая этим, что состояние $X \downarrow B$ дано на степень α , где $0 \leq \alpha \leq 1$. В этом случае объём варьирования можно определять как множество троек $(X, \alpha Y, Z)$, полагая для него в качестве меры величину $M_B = n_w \alpha n_c (\alpha n_c^* + (n - n_c^*))$, где n_w – число женщин, n_c – среднее число эмбрионов, приходящихся на одну женщину, n_c^* – число всех эмбрионов, n – общее число субъектов. Для объёма инвариантности получим тройки $(X, \alpha Y, X)$, что даст число $n \alpha n_c$. В итоге мера инвариантности примет вид $I(D) = 1/(\alpha n_c^* + (n - n_c^*))$. Если $\alpha=1$ (позиция консервато-

ров), то $I(D) = 1/n$, и мы получим обычный случай эгоистического действия. Если $0 < \alpha < 1$, то мера инвариантности окажется выше величины $1/n$. Если же $\alpha = 0$ (позиция либералов), то лицевая симметрия будет вообще невозможной, и действие, как отмечалось выше, ограничится только своим локально-положительным вариантом $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$.

На этом примере мы видим, что мера объёма варьирования и объёма инвариантности может иметь более сложный вид, чем только число элементов соответствующих множеств. Как можно было видеть, подобное усложнение меры инвариантности особенно характерно для биоэтической проблематики, где смешанный – отчасти биологический, отчасти этический – характер проблем как раз может выражаться в появлении целого спектра переходных состояний как для каждого частного случая варьирования, так и для всего объёма варьирования или инвариантности действия. Те или иные крайние позиции, редуцирующие биоэты до своих редуков, выражают в этом случае ситуации определённого огрубления непрерывных ценностных мер.

Вернёмся также к рассмотрению ситуации **prima facie моральных** обязательств с точки зрения описанной выше схемы субъектной инвариантности.

Допустим, рассматривается действие D , которое с точки зрения одного нравственного принципа является положительным, а с точки зрения другого – отрицательным. Например, следует ли говорить страшную правду больному? С точки зрения принципа правдивости это следует сделать, с точки зрения нормы милосердия – нет. Как в конечном итоге поступить в этом случае? Попробуем вновь представить этот случай в терминах субъектной инвариантности.

Пусть $D(A, B)$ – действие сообщения страшной правды больному, где A – врач, B – больной. Но в этом примере мы сталкиваемся с примером действия, для которого не могут быть столь однозначно определены локальные ценности лицевых вариантов. Вариант этого действия $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$ с точки зрения врача является нейтральным, вариант $D(A \downarrow B, B \downarrow B)$ с точки зрения больного является отрицательным. В этом случае объём инвариантности и мера инвариантности такого действия вообще являются нулевыми.

Опять мы сталкиваемся с ситуацией, когда нравственные определения не вполне оказываются согласованными с объёмом и мерой инвариантности действия. Либо наша гипотеза субъектной инвариантности неверна, либо нужно искать какое-нибудь изменение ее.

Чтобы модифицировать гипотезу субъектной симметрии, в большей мере связав её с нравственными определениями, вернёмся к типичным примерам действий, которые считаются нравственными. Таковы, например, подавление своих животных инстинктов, помощь слабым, честность и т. д. Попробуем проанализировать более глубокий смысл подобных действий.

Например, что плохого в том, чтобы не обуздывать свои животные инстинкты? По-видимому, в этом случае человек перейдёт на более низкий уровень существования, когда эмоции и низменные страсти будут управлять им, и его поведение не будет основываться на более высоких принципах. Точно так же не помогать слабым – значит поставить во главу угла закон силы, т. е. более биологический принцип борьбы за существование. Честность также выражает следование нормам, которые могут даже вредить самому человеку, его комфорту, но выражают более высокие идеалы.

Во всех подобного рода примерах мы видим идею некоторой иерархии бытия, выделения более высокого и более низкого типов существования, что вновь заставляет обратиться к идее субъектной симметрии и инвариантности. Более высокое существование выражает более инвариантные принципы субъект-бытия. Но как же быть с приведёнными выше примерами, где инвариантность не вполне оказалась связанной с нравственным значением действия?

Возможно, мы рассматривали не очень существенную инвариантность. Но какая же в этом случае оказывается более существенной для этических определений?

Если ранее мы рассматривали инвариантность действия по объёму варьирования его свободных детерминант, то в приведённых выше примерах нравственных действий (помощь слабым, честность и т. д.) мы видим несколько иной тип субъектной инвариантности. Это скорее та симметрия, которая связана с оценкой богатства и сложности субъектных состояний. Например, формы жизни человека мы считаем более развитыми, чем у животных. Здесь вновь можно использовать язык инвариантности и симметрии, говоря о существовании той или иной формы жизни как не-

которого *многоединства*, которое может обнимать собою 1) разное число своих аспектов (полярностей), 2) каждая полярность может быть более или менее развита, 3) вся их система интегрирована. Это случай своего рода *многоединой инвариантности*, т. е. инвариантности как некоего многоединства, включающего в качестве своих аспектов множество более частных форм бытия.

Я употребляю здесь термин «многоединство» для обозначения любой *дифференцированной целостности*, в которой есть свои элементы и части («многое»), и все они охвачены некоторым единством.

Можно предполагать, что многоединство обладает не только качеством, но и количеством, выражаясь в некоторой *мере многоединства*¹⁰. В простейшем случае его можно представлять как множество элементов $\{X_1, \dots, X_n\}$, каждый из которых выражает степени и формы единого целого Y . Мера многоединства может быть определена как пересечение $X_1 \cap \dots \cap X_n$ всех его элементов. Развитие многоединства начинается с максимальной несоизмеримости элементов, когда их пересечение равно нулю, завершается достижением всеми элементами состояния целого Y .

В общем случае многоединства могут быть самых разных видов: атомов в молекулах, клеток в организме, людей в обществе, ментальных состояний во внутреннем мире и т. д. В связи с этикой особенно важны *субъектные многоединства* – многоединства на субъектных состояниях (людях, действиях, формах сознания, общества и т. д.).

Каждое действие, совершаемое человеком, так или иначе влияет на то или иное существующее субъектное многоединство, либо усиливая его, либо нет. Например, подавление инстинктов умеряет в человеке его животное начало и освобождает место для человеческих форм жизни, которые выступают как более глубокие и развитые субъектные многоединства. Из жизни по инстинкту человек переходит к жизни по разуму, имея возможность строить своё поведение, исходя из идей и принципов. Каждая идея выступает как образ бесконечной инвариантности, которая объемлет в себе бесконечность своих частных случаев (например, идея милосердия представляет то, что есть во всех частных случаях проявления милосердия). С приобретением жизненного опыта идея способна развиваться от состояния абстрактной к состоянию конкретной универсальности, выражая более глубокое и обширное многоединство¹¹.

Можно предполагать, что именно влияние на субъектные многоединства лежит в основании нравственных определений действий. Если действие приводит к усилению существующего субъектного многоединства, оно может быть оценено как нравственно положительное, если уменьшает – как нравственно негативное.

Можно предположить, что влияние на состояние субъектного многоединства – это и есть новый нравственный примитив (первичный концепт¹²), который всегда предполагается релевантным в определении нравственных значений любых принципов или норм, и только согласование с ним делает их нравственно значимыми. Участие в усилении субъектного многоединства придаёт нормам положительное нравственное определение. Наоборот, отклонение тех же принципов и норм от этой тенденции приводит к потере ими своего нравственного определения. Возможность более количественного выражения меры субъектного многоединства и вытекающей отсюда количественной оценки того или иного действия может лежать в основании более операциональных определений интегральной ценностной функции в рамках квантитативной этики.

Вернёмся с этой точки зрения к рассмотренным ранее примерам действий, нравственных ситуаций и их оценки в терминах симметрии по свободным детерминантам.

Если теперь посмотреть на характер эгоистических действий, например, на воровство $D(A, B)$, где A – вор, B – жертва воровства, то, как мы видели, в объём инвариантности этого действия входят только варианты действия $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$, т. е. данные только с точки зрения вора.

Чтобы связать между собою инвариантность по свободным детерминантам и инвариантность многоединства, я предположу следующий принцип универсализации объёма: каждое действие тяготеет к универсализации своего типа рациональности, что выражается в стремлении объёма варьирования действия к его объёму инвариантности.

На примере воровства и других эгоистических действий этот принцип выражается в том, что культивирование их как закона социума приведёт к тому, что объём варьирования начнет приближаться к объёму инвариантности таких действий, и поскольку последний содержит только субъектные позиции «для себя» вида

$A \downarrow A$ и $B \downarrow A$, т. е. данные только с точки зрения субъекта действия A , то содержательно мы получим стремление к *атомизации социума*, когда каждый субъект начнёт все более избирать позиции «для себя», смотря на всё только со своей точки зрения. Такое состояние социума в свою очередь можно выразить как *распад многоединства*, когда целое разваливается на отдельные, изолированные в себе элементы.

Так соединяются между собою два вида инвариантности – инвариантность по свободным детерминантам одновременно указывает на структуру социального многоединства, которая кодируется объёмом инвариантности.

И хотя воровство и другие эгоистические действия могут иметь ненулевую меру инвариантности $1/n$ при расчёте инвариантности по свободным детерминантам, но в качестве активности, влияющей на многоединство общества, такие действия выступают как нравственно негативные, нацеленные на атомизацию социальной структуры.

Если применить принцип универсализации объёма к альтруистическим действиям, то здесь мы получим симметричный результат: поскольку в объём инвариантности в этом случае входят субъектные позиции «для другого», то социальная структура при этом устремляется к некоторому *недифференцированному единству*, где каждый живёт для другого, теряя собственную индивидуальность. В таком очищенном виде альтруизм оказывается ничем не лучше эгоизма, приводя к существенному снижению социального многоединства. Так объясняется найденное выше равенство мер инвариантности для эгоизма и альтруизма.

Но почему же альтруизм рассматривают обычно как выражение нравственного поведения?

Можно предполагать, что исходным состоянием социума, выражающим его крайнюю неразвитость, выступает как раз атомизированная социальная структура (гоббсовская «война всех против всех»), и *только на этом первичном фоне эгоизма альтруизм начинает приобретать нравственное звучание*. В этом случае альтруистическая схема рациональности выступает не столько как переход от аутобытия эгоизма к гетеробытию альтруизма, сколько как *восполнение* эгоистического момента альтруистическим в составе более полной деятельностной стратегии – единства бытия для себя

и бытия для другого. В качестве такого единства должно было бы выступить некоторое действие $D(A, B)$, которое бы оценивалось как положительное во всех своих вариантах, данное и с точки зрения субъекта A , и с точки зрения объекта действия B . Более того, ещё более идеальным должно было бы быть такое действие $D(A, B)$, которое продолжало бы получать локальную положительную оценку и в своём варианте $D(A \downarrow C, B \downarrow C)$ для любого стороннего субъекта C . Для такого предельно позитивного действия объём инвариантности с самого начала совпадает с объёмом варьирования, его мера инвариантности максимальна: $I(D)=1$, и такое действие при своей универсализации устремляет социальную структуру к наиболее развитому состоянию социального многоединства. По-видимому, нечто подобное ставит себе целью система формальной этики, пытаясь выражать наиболее универсальные законы: вспомним хотя бы тот же пример с кантовским категорическим императивом и понятием автономной воли.

Также интересно с этой точки зрения обратиться к анализу золотого правила этики. Призыв «не поступать в отношении к другим так, как не хотел бы, чтобы другие поступали в отношении тебя самого» явно апеллирует к возможностям варьирования действия по субъекту и объекту и по лицевым позициям. Именно, если дано действие $D(A, B)$ и субъект A пытается оценить его, используя золотое правило, то, во-первых, он должен перевернуть его, сделав субъекта объектом и наоборот, т. е. перейти к схеме действия $D(B, A)$ и, во-вторых, рассмотреть его со своей точки зрения, т. е. как вариант $D(B \downarrow A, A \downarrow A)$. Если в этом случае будет обнаружена отрицательная ценность, то субъект A не должен совершать действие и в его первоначальном варианте $D(A, B)$, даже если с его собственной точки зрения оно оказывается положительным. Здесь мы видим явную установку на отбор более симметричных действий, которые были бы положительными не только в первичной позиции $D(A \downarrow A, B \downarrow A)$, но и продолжали бы сохранять свою позитивность и в более гетероцептивных¹³ позициях вида $D(B \downarrow A, A \downarrow A)$. В такого рода тренировках переворачивания структуры действия субъект учится большей субъектной инвариантности, которая окажется соответствующей и более сильному социальному многоединству.

Наконец, как же на фоне выделенных видов инвариантности выглядит проблема конфликта моральных принципов и обязательств?

Когда оказывается, что некоторый принцип обладает нравственным значением только в некоторых ограниченных условиях (например, в ситуации *prima facie*), то это лишь означает, что этот принцип не безусловно нравственный, т. е., если исходить из приведённого выше понимания нравственного смысла, он лишь в ряде случаев направляется к усилению и развитию субъектного многоединства. В других случаях тот же принцип может снижать масштаб и глубину последнего. Например, для одного больного сообщение врачом страшной правды о его болезни укрепит дух и заставит жить более глубоко и качественно, а для другого эта информация приведёт к разрушению личности и потере смысла жизни. И если мы опираемся не на существенный признак нравственности, но лишь на условные его проявления, то с неизбежностью обрекаем себя на ситуацию абстрактной универсальности.

По-видимому, подобная же ситуация часто возникает и в биоэтических проблемах, например, в той же проблеме аборта и оценке статуса человеческого эмбриона. Будет ли проведение аборта положительным или отрицательным нравственным действием, во многом будет зависеть не только от уже рассмотренных выше факторов, но и вообще от знания определений структуры и динамики релевантного для данного случая субъектного многоединства, в частности, знания того, является ли эмбрион в том или ином виде человеческой личностью, что может с нею происходить в её номинальных определениях после совершения аборта и будет ли это тем или иным образом сказываться на состоянии субъектного многоединства матери. Перенос центра внимания с области условно-нравственных норм на нравственно-релевантный вопрос о характере конкретного субъектного многоединства впервые, как представляется, позволит сделать существенный шаг в построении конкретной универсальности в области гуманитарного, в частности (био)этического, знания.

Итак, подводя определённый итог нашему исследованию, можно вновь вернуться к заявленным вначале декларациям и полученным первоначальным результатам.

В естественных науках присутствует конкретная универсальность, в то время как в (био)этике и других видах гуманитарного знания её до сих пор не существует.

Отсутствие конкретной универсальности в гуманитарной области можно связать, с одной стороны, с отсутствием идеи переменной и, с другой стороны, с использованием несущественных переменных и основанных на них моделей.

Пытаясь двигаться к использованию в гуманитарном знании и (био)этике концепта переменной и существенных моделей, следует искать в этой сфере принципиально иные примитивы, которые лежат в иной смысловой плоскости и позволяют финитизировать дурную бесконечность абстрактно-универсальных построений.

В статье выдвинута гипотеза, что таким принципиально новым примитивом гуманитарного знания должна выступать идея *субъектной инвариантности (симметрии)*. Сделаны попытки рассмотреть два вида такой инвариантности – основанной на варьировании свободных детерминант действия и предполагающей структуру субъектного многоединства.

Выдвинут принцип координации этих двух видов инвариантности, выражающийся в универсализации объёма инвариантности действия. Исследованы различные как общеэтические, так и биоэтические примеры с этой точки зрения.

Сформулирована идея главенства второго вида инвариантности как субъектного многоединства. Он предлагается в качестве принципиально нового примитива построения гуманитарного знания. Нравственные определения действия предполагаются существенными только в связи с влиянием на состояние и меру субъектного многоединства.

Прежний этап развития этического знания, в основе которого лежат частные нормы и принципы (*принципиализм* в широком смысле) предполагается связанным с теми или иными условными образами содержательно-безусловного нравственного примитива.

Примечания

- ¹ Моисеев В.И. Интервальный подход и гуманитарная экспертиза // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / Отв. Ред. Ф.Г.Майленова. М., 2010. С. 153–172.
- ² Например, начали различать свободные и связанные кванторами переменные и при правильной подстановке стали требовать, чтобы первые не оказались связанными после подстановки – не произошло так называемой *коллизии переменных*.

- ³ Некоторые размышления по поводу иных видов конкретной универсальности, чем переменная, можно найти в моей статье «Логика всеединства Сергея Гессена» *Философская и правовая мысль*. Вып. 4. Саратов–СПб., 2002. С. 302–319.
- ⁴ См. напр.: *Михайлова Е.П., Бартко А.Н.* Биомедицинская этика: теории, принципы и проблемы. Ч. 1: Теории и принципы биомедицинской этики. М., 1995. С. 151–155.
- ⁵ *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Пер. с англ. М., 2003.
- ⁶ См.: *Моисеев В.И.* Интервальный подход и гуманитарная экспертиза. С. 153–172; *Моисеев В.И., Плюшто П.А.* Биомедицинская этика: учебное пособие. СПб., 2011; *Моисеев В.И.* Антином должного-сущего («до-сущего») // *Философские проблемы биологии и медицины*. Вып. 5: Нормативное и дескриптивное. М., 2011. С. 5–8; *Моисеев В.И.* Транснаучные измерения биоэтики // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Вып. 5 / Отв. ред. Ф.Г.Майленова. М., 2011. С. 87–107.
- ⁷ *Нравственностный* – нравственный или безнравственный (по аналогии с *истинностным* – истинным или ложным).
- ⁸ *Моисеев В.И.* Транснаучные измерения биоэтики. С. 87–107.
- ⁹ *Моисеев В.И.* Философия: Учебник для студентов мед. специальностей. СПб., 2011.
- ¹⁰ Подробнее о мере многоединства в рамках т. н. полярной логики см.: *Моисеев В.И.* Логика открытого синтеза: В 2 т. Т. 1: Структура. Природа. Душа. Кн. 1. СПб., 2010. С. 644–690.
- ¹¹ Таким образом, тема конкретной универсальности – это частный случай того же многоединства, а именно двуединства общего и частного.
- ¹² Своего рода аналог кеплеровского эллипса в этике, которым можно заменить нормативную бесконечность старой «эпициклической» этики.
- ¹³ *Гетероцепция* – данность начала в чужой рецептивной позиции, с точки зрения другого ($A \downarrow B$, где $A \neq B$). Наоборот, *гомоцепция* – данность начала в собственной рецептивной позиции, со своей точки зрения (как $A \downarrow A$).

Ф.Г. Майленова

Риски и соблазны психолога-консультанта

Профессия психолога–консультанта таит в себе немало подводных камней, в том числе нравственно-этического характера. Работа эта предполагает предельную откровенность и честность со стороны не только пациента (что кажется очевидным), но и самого консультанта, хотя надо подчеркнуть, что степень ответственности у них будет совершенно различной. Клиент отвечает (или учится отвечать) за самого себя, за свои поступки и последствия, которые могут повлечь его решения для близких ему людей. Психолог же обязан, оставаясь живым чувствующим человеком, в то же время постоянно держать в поле своего внимания всю коммуникацию с клиентом, наблюдая ее как бы со стороны и оценивая как с профессиональной, так и с этической позиции, будучи, таким образом, единым как минимум в двух лицах. Однако выполнение этого условия увы, не всегда безупречно. Бывают случаи грубых ошибок со стороны консультанта, повлекшие нежелательные, а порой даже опасные для клиента последствия, и не всегда они являются следствием профессиональной некомпетентности. Часто они лежат в сфере другой области знания – этики, которая многим практикующим психологам до сих пор представляется абстрактной, умозрительной и далекой от реальной жизни наукой. Между тем именно этика призвана «очеловечить» наиболее радикальные и сомнительные методы воздействия на человеческую психику, так как она стоит на страже интересов каждого человека, его достоинства, и в то же время не позволяет этим интересам вредить другим людям.

В консультационной деятельности нередко ситуации, когда сталкиваются различные интересы и ценности, и очень важно уметь разрешить их, не причиняя вреда ни клиенту, ни кому бы то ни было еще, а если случился конфликт, выйти из него максимально корректно. Для того чтобы помочь психологам разобраться в наиболее часто встречающихся нравственных коллизиях, с одной стороны, и защитить клиента от возможных злоупотреблений – с другой, разрабатываются различные этические кодексы психологов. Главная цель разработки и принятия единых этических стандартов – способствовать решению проблемы профессиональной некомпетентности, установление основополагающих прав и обязанностей, вытекающих из особенностей профессиональной деятельности психолога. Кодекс должен служить психологу ориентиром при планировании и построении работы с клиентом, в том числе при разрешении проблемных и конфликтных ситуаций, возникающих в процессе профессиональной деятельности психолога. Кодекс призван оградить клиентов и общество в целом от нежелательных последствий бесконтрольного и неквалифицированного использования психологических знаний и в то же время защитить психологов и практическую психологию от дискредитации.

Хотя с необходимостью этических кодексов на словах соглашаются практически все, на деле отношение к ним неоднозначное. Настороженное, а порой и откровенно негативное отношение многих наших практикующих психологов к самой идее какого бы то ни было кодифицирования этической ответственности объясняется не столько злонамеренным нежеланием соблюдать строгие правила, сколько не такими уж необоснованными опасениями, что те, кто будут властны судить о том, что этично, а что нет в том или ином терапевтическом случае, окажутся просто-напросто недостаточно компетентными для столь необычной и сложной процедуры и в результате непременно перегнут палку... Скорее всего, за этой настороженностью и нежеланием говорить на подобные темы кроется вечный риторический вопрос: а судьи кто?

В самом деле, кто может в достаточной степени компетентно судить там, где не только нет готового ответа, но и любое решение может (и непременно будет) иметь множество толкований и интерпретаций? Сами психологи или какие-то сторонние специалисты, в частности, в области этики или же медицины? Тот и другой вари-

ант имеют ряд плюсов и минусов. Первое соображение заключается в допущении, что лучше всего в содержании консультационной и терапевтической работы ориентируются именно психологи, поэтому специалисты, не занимающиеся психологической практикой, вряд ли могут знать все нюансы этого рода деятельности. Однако каким образом учесть своеобразие той или иной психологической школы при их весьма разном профессиональном инструментарии и не менее разнящихся порой способах понимания различных этических аспектов работы психолога? Например, понимание допустимой близости с клиентом, не нарушающей психотерапевтического пространства и не вредящей целям терапии, очень сильно разнится в психоаналитической школе и в школе телесно-ориентированной терапии. Возможна ли какая-то золотая середина или нужно будет в каждом спорном случае делать поправки для той или иной психотерапевтической школы? А ведь можно пойти еще дальше – попытаться делать поправки на индивидуальные особенности клиентов и самих терапевтов! В частности, так называемая личностная дистанция, включающая в себя как психологический, так и непосредственно телесный компонент, различна у людей разных темпераментов и культур. Специалисты в области коммуникаций прекрасно знают: то, что комфортно или безразлично для одного человека, для другого будет неприемлемым или неприятным, а то и оскорбительным, и как оценить столь деликатный элемент общения между двумя людьми кому-то третьему?

Многие авторы замечают, что даже максимально подробный и приближенный к жизни этический кодекс очень сложно последовательно применять на практике, а профессиональным организациям – проконтролировать, следуют ли консультанты предписываемым нормам. И даже если предположить, что все психологи окажутся предельно добросовестными, им все равно будет недостаточно просто выучить наизусть этический кодекс и строго ему следовать. «Самая большая трудность при столкновении с этическими проблемами заключается в том, что в них очень редко существуют единственно верные и правильные решения»¹, – пишут Коттлер и Браун. – По этой причине... вы должны обучаться действовать в соответствии с этическими правилами и развивать навыки принятия решений с тем, чтобы они были совместимы как с вашими собственными, так и с общественными и профессиональными стандарта-

ми»². Рано или поздно жизнь подбросит такую ситуацию, которая не прописана ни в одном кодексе, и консультанту придется действовать самостоятельно. «Когда возникает этическая проблема, вы должны принимать решения практически моментально; очень маловероятно, что у вас будет время для тщательного анализа и долгих раздумий»³, – предостерегают в частности Коттлер и Браун.

За рубежом профессиональные этические кодексы действуют уже много лет, они публиковались множеством организаций, работающих с психологами-консультантами, например, Американской ассоциацией консультирования, Ассоциацией специалистов по групповой работе, Американской ассоциацией брачного и семейного консультирования, Американской психологической ассоциацией. Существуют также этические кодексы, принятые в других зарубежных странах – Германии, Англии, Ирландии, Канады, Швеции, Франции и др.

Беглый обзор таковых показал, что содержательно они в основном повторяются, а «*Этический кодекс и Стандарты практики*» Американской ассоциации консультирования является среди них наиболее полным и потому, видимо, наиболее часто цитируемым в публикациях специалистов на данную тему. В России еще недавно этических кодексов психолога попросту не было, хотя о необходимости их разработки и принятия говорили и писали много. В последние 10 лет появились этические кодексы разных психологических сообществ, составители которых стремятся учитывать специфические особенности различных видов психологической работы: психотерапевта, политического психолога, психологов Министерства внутренних дел, педагогических психологов, бизнес-психологов⁴. «*Этический кодекс педагога–психолога Службы практической психологии образования России*», ссылки на который будут ниже, был принят на Всероссийском съезде практических психологов образования 26–28 мая 2003 г., распространяется на все профессиональные виды деятельности педагога–психолога системы образования России. Кодекс составлен в соответствии с Женевской конвенцией «О правах ребенка» и действующим российским законодательством. Для решения возникающих этических проблем создается Комиссия по этике в составе регионального научно-методического совета службы практической психологии образования. Несомненно, каждая разновидность психологической

работы очень интересна и таит в себе свои загадки и трудности, в том числе этического характера. В этой статье внимание уделяется в основном этическим проблемам работы психолога–консультанта, а также психотерапии и психокоррекции.

Остановимся на некоторых общих для всех психологических школ и направлений этических принципах и правилах.

Конфиденциальность

На первый взгляд этот принцип представляется совершенно очевидным и понятным, так как он должен соблюдаться во всех без исключения случаях: иначе клиент не сможет доверять своему консультанту и раскрываться перед ним. «Ситуации, когда вы по небрежности раскрываете конфиденциальные сведения... нет оправдания»⁵. Бесспорно, что в большинстве случаев принцип конфиденциальности обязателен для консультанта. Речь идет об охране частной жизни клиента. Полное имя, место жительства, профессия, возраст и другие данные, позволяющие идентифицировать человека, зашифровываются и раскрываются только с его согласия. Психолог должен позаботиться о том, чтобы не допустить доступа посторонних к информации о клиентах.

В «Кодексе этики и практики консультантов» Британской Ассоциации Консультантов говорится, что «конфиденциальность – это средство обеспечения клиента необходимой безопасностью и приватностью, а также защита его автономии», и поэтому «любое ограничение конфиденциальности снижает эффективность консультирования»⁶. Там же говорится, что «данное соглашение может быть пересмотрено и изменено только в результате обсуждения между консультантом и клиентом»⁷.

Весьма созвучен сказанному и текст «Этического кодекса педагога–психолога Службы практической психологии образования России», где также говорится о конфиденциальности:

1. Информация, полученная психологом в процессе проведения работы, не подлежит сознательному или случайному разглашению, а в ситуации необходимости передачи ее третьим лицам должна быть представлена в форме, исключающей ее использование против интересов клиентов.

2. Лица, участвующие в психологических исследованиях, тренингах и других мероприятиях, должны быть осведомлены об объеме и характере информации, которая может быть сообщена другим заинтересованным лицам и (или) учреждениям.

3. Участие обучающихся, воспитанников, родителей, педагогов в психологических процедурах (диагностика, консультирование, коррекция и др.) должно быть сознательным и добровольным.

4. Если информация, полученная от клиента, запрашивается экспертами для решения вопроса о компетентности психолога во время его аттестации, она должна быть предоставлена в форме, исключающей идентификацию личности клиента экспертами. Для этого вся информация о нем регистрируется и хранится с учетом строгой конфиденциальности.

5. Отчеты о профессиональной деятельности, результаты исследований и публикации должны быть составлены в форме, исключающей идентификацию личности клиента окружающими людьми, не включенными в круг специалистов, работающих с данным клиентом.

6. На присутствие третьих лиц во время диагностики или консультирования необходимо предварительное согласие клиента или лиц, несущих за него ответственность в случае, если клиент не достиг 16-летнего возраста.

7. Администрация органа управления образованием или образовательного учреждения, по заданию которого проводится психологическое обследование, должна быть предупреждена о том, что на нее распространяется обязательство сохранения профессиональной тайны. Сообщая администрации результаты обследования и своего заключения, психолог должен воздерживаться от сообщения сведений, наносящих вред клиенту и не имеющих отношения к образовательной ситуации.

Казалось бы, именно этот принцип должен быть краеугольным камнем в работе, однако он часто не соблюдается практикующими психологами в полной мере. Нередко происходит разглашение информации даже не по злому умыслу, а просто легкомысленному желанию поделиться с коллегами, рассказать об интересном или забавном случае своим друзьям или родственникам, пусть и не называя имен... Кто этого не делал? А статьи, научные доклады с описанием клинических случаев – насколько тщательно в них сохраняется тайна личной

жизни клиента? Строго говоря, психологи не имеют права разглашать такую информацию кому бы то ни было, а тем более обсуждать это с непрофессионалами, чтобы не подрывать авторитет не только свой как специалистов, но и психологии в целом, ибо небрежность в этой области чревата сложными и неприятными конфликтами.

Есть и другой аспект этой проблемы, когда психолог, может, и не желает разглашать и делиться, но вынужден сообщать информацию о результатах диагностики или исследования по запросу администрации. Таким образом личная и конфиденциальная информация попадает в чужие руки, и что можно сделать, чтобы свести к минимуму все риски? Специалист должен преподносить полученную им в процесс исследования информацию таким образом, чтоб не нанести вред клиенту, который подвергался диагностике, продумать возможные последствия. Интерпретация результатов, проведенная людьми, далекими от психологии, порой может оказаться, мягко говоря, совершенно неожиданной. В итоге кто-то может оказаться скомпрометированным, лишиться работы, уважения коллег всего лишь по нерадивости одного психолога!

Однако необходимо учитывать также вероятность возникновения исключительных обстоятельств, которые могут потребовать нарушения принципа конфиденциальности. Кроме специальных и особенных взаимоотношений психолог–клиент, мы все также находимся в определенных взаимоотношениях с обществом в целом, и «помимо этических обязательств, вынуждающих нас хранить конфиденциальность, мы несем также и юридическую ответственность, которая обязывает нас нарушать обязательства... в силу действия еще более сильного императива о защите человеческой жизни»⁸. Для этого должны быть юридические или этические основания. В этическом кодексе БАП⁹ оговаривается, что это возможно лишь в случаях, когда консультант уверен, что существует угроза нанесения вреда клиенту или другим людям. Тем не менее даже в случае наличия этой угрозы (смертельная и/или заразная болезнь клиента, его агрессивные намерения по отношению к кому-либо, употребление им наркотиков и т. п.) консультанту предписано ставить клиента в известность, прежде чем разглашать те или иные сведения о нем, за исключением тех случаев, «когда есть основания считать, что клиент больше не желает или не способен нести ответственность за свои поступки»¹⁰.

В Американском этическом кодексе говорится, что «в начале консультирования и по ходу всего психотерапевтического процесса, когда это становится необходимым, консультанты должны разъяснять клиентам условия, при которых может быть нарушена конфиденциальность, и приводить в качестве примеров гипотетические случаи, в которых конфиденциальность может быть нарушена»¹¹. Однако даже в таких ситуациях разглашение сведений о клиента должно быть минимальным, а информация предоставляется только тем лицам, которым грозит опасность, или же специалистам (супервизору или членам команды специалистов), которые способны влиять на ход событий. Использование материала психотерапевтических сессий для исследований, докладов или публикаций допустимо лишь в том случае, когда информация «изменена таким образом, чтобы идентификация личности клиента стала невозможной»¹².

Так или иначе в сложных случаях главным принципом должно быть стремление к соблюдению баланса между действиями в интересах клиента и ответственностью перед обществом.

Принцип компетентности.

1. Психолог четко определяет и учитывает границы собственной компетентности.

2. Психолог несет ответственность за выбор процедуры и методов работы с клиентом.

У каждого практикующего психолога есть батарея тестов, которые он использует в своей работе для диагностики. Насколько эти тесты объективны и полезны – это отдельный вопрос, однако на практике без тестирования не обходится ни работа психолога в школе, ни собеседования при приеме на работу. Психотерапевты тоже нередко прибегают к помощи тех или иных тестов. Есть рекомендуемые и часто используемые методики разной степени сложности, есть менее популярные. На данный момент существует великое множество всевозможных тестов, и каждый психолог может выбрать себе практически любые и использовать их в своей работе, но может ли он отвечать за их качество, за их соответствие целям и задачам, поставленным в работе? Может ли психолог, особенно начинающий, грамотно определить границы своих возможностей? Подготовка психологов в университетах предполагает наличие

разных специальностей, все более узких, и знания, получаемые студентами на одном и том же факультете, могут быть совершенно различными. Так что ожидать, к примеру, от школьного психолога знания всех тонкостей корреляции тех или иных свойств характера личности, а также механизмов составления тестов и подсчета результатов – значит попросту быть оторванным от реальности, так как все эти знания в полной мере даются на факультетах диагностики, где и готовят специалистов соответствующего профиля. Однако далеко не каждый специалист, особенно начинающий, готов признать, что он чего-то не умеет или не знает. Боязнь потерять свой авторитет в глазах администрации или показать свою несостоятельность могут привести к тому, что будет нарушена процедура диагностики и сделаны ошибочные выводы. Да что говорить о незнании тонкостей корреляции! Из-за больших объемов работы или сбоя компьютерной программы могут вкрасться элементарные ошибки в подсчетах, и вот уже информация искажена. Само собой, все это неблагоприятно отражается прежде всего на клиенте, именно его интересы страдают в первую очередь. Надо также учитывать «принцип сбывающегося пророчества», который особенно явно действует с детьми – полученный «ярлык» отстающего или, наоборот, способного и талантливого ученика, как оказалось, самым прямым образом влияет на дальнейшие успехи в учебе. Так что диагностика и тестирование – отнюдь не безобидное занятие, и нельзя преуменьшать степень ответственности специалистов в этой области. Собственно, ответственность – это ключевое слово в работе психолога. Будет уместным остановиться на этом особо.

Принцип ответственности.

1. Психолог осознает свою профессиональную и личную ответственность перед клиентом и обществом за свою деятельность.
2. Проводя исследования, психолог заботится прежде всего о благополучии людей и не использует результаты работы им во вред.
3. Психолог несет ответственность за соблюдение данного этического кодекса независимо от того, проводит он психологическую работу сам или она идет под его руководством.
4. Психолог несет профессиональную ответственность за собственные высказывания на психологические темы, сделанные в средствах массовой информации и в публичных выступлениях.

5. Психолог в публичных выступлениях не имеет права пользоваться непроверенной информацией, вводить людей в заблуждение относительно своего образования и компетентности.

В случаях, если ребенок не достиг 16-летнего возраста, согласие на его участие в психологических процедурах должны дать родители или лица, их заменяющие.

6. Психолог может не информировать клиента об истинных целях психологических процедур только в тех случаях, когда альтернативные пути достижения этих целей невозможны.

7. При принятии решения об оказании психологической помощи недееспособным лицам (несовершеннолетним; лицам, находящимся в остром стрессовом состоянии; больным, имеющим на момент обращения диагноз психического расстройства, и т. п.) психолог несет ответственность за последствия выбранного и использованного им вмешательства.

Профессиональная ответственность консультанта состоит прежде всего в осознании границ своей компетентности и постоянном развитии и обучении. Для этого предусмотрены обязательная супервизия (особенно для начинающих терапевтов) и система различных семинаров, курсов для повышения квалификации психологов, это актуально и для тех, кто практикует давно и имеет немалый опыт: постоянно возникают новые способы и методы даже в рамках отдельной школы. «Консультанты должны признавать необходимость продолжать свое обучение, чтобы быть в курсе появляющейся новой профессиональной и научной информации в тех областях, в которых они работают. Они должны предпринимать шаги, чтобы поддерживать используемые навыки в рабочем состоянии, быть открытыми к новым техникам и использовать их в работе с различными и/или особыми категориями клиентов»¹³.

Хорошему специалисту желательно иметь квалификацию более чем в одном психотерапевтическом направлении, для того чтобы суметь правильно учитывать предыдущий опыт клиента, так как многие люди обращаются к терапевтам разного направления, а также для того чтобы быть способным разобраться в сложных, запутанных случаях. В британском кодексе говорится, что «консультанты должны учитывать влияние любых предшествующих и перекрывающихся отношений»¹⁴, и таковыми могут являться не только отношения с близкими значимыми людьми, но и пре-

дыдущий психотерапевтический опыт, в том числе прохождения различных психологических тренингов, групп личностного роста, семинаров и т. п.

Также консультанты несут ответственность перед другими специалистами. В Американском этическом кодексе этому вопросу посвящен особый раздел, где говорится: «Консультанты должны уважительно относиться к подходам, используемым другими специалистами и отличающимся от подходов, применяемых ими самими. Консультанты должны быть знакомы с традициями и особенностями практики других специалистов, с которыми они вместе работают»¹⁵. В отношении клиентов, которые пользуются услугами других специалистов, занимающихся охраной психического здоровья, также предусмотрены соответствующие правила: полагается спрашивать у клиента разрешения информировать этого специалиста, с которым в свою очередь желательно установить позитивные профессиональные отношения¹⁶.

Стоит дополнительно остановиться на объективных ограничениях компетентности консультанта. В Британском этическом кодексе говорится: «Консультанты должны принимать все меры для отслеживания и развития своей профессиональной компетентности в практической деятельности»¹⁷. Эти ограничения могут иметь как чисто профессиональный характер (недостаток знаний, навыков и т. п.), так и личностный (наличие у консультанта каких-либо физических, психических или эмоциональных проблем). Специалист должен чутко улавливать те ситуации, когда наличие у него собственных проблем может повредить клиентам. В таких случаях «консультанты должны... пытаться получить помощь для их разрешения и если необходимо, то ограничить, приостановить или вообще отказаться от выполнения профессиональных обязанностей»¹⁸.

Таким образом, консультант несет полную ответственность перед клиентами, коллегами и обществом в целом за наличие у него соответствующей профессиональной подготовки и обязан сознавать границы и ограничения своей компетенции.

Однако в добавление ко всему вышесказанному надо отметить, что психолог должен также понимать границы своей ответственности, так как он не может полностью отвечать за своих клиентов, заменяя им родителей, друзей, любимых, Бога и в

конечном итоге – самих себя. Чрезмерная ответственность, гиперопека могут оказать «медвежью услугу» клиенту, лишив его уверенности в своих силах и возможности личностного роста. Перекалывание ответственности за свои жизненные решения на другого человека весьма заманчиво для клиента, и психолог – как раз весьма подходящая для этого фигура, однако спустя некоторое время «спаситель» может превратиться в «обвиняемого» при первом же кризисе. Задача же консультанта значительно более сложная – постепенно сформировать чувство и готовность к ответственности у консультируемых. По этой же причине нежелательно давать клиентам прямые советы. Самый лучший и действенный совет – это тот, который человек дает самому себе, обдуманый и выстраданный.

Так что консультант отвечает за процесс организации такой помощи, но не за содержание принимаемых решений – это право и ответственность принадлежит клиенту как субъекту самоопределения. Задача психолога – это обучение клиента ответственности. Это самая, пожалуй, сложная часть психологической работы, ибо сопротивление может исходить не только от клиента, не желающего меняться, но и – зачастую неосознанно – от самого психолога. Одна из причин – нежелание расставаться с образом мудрого, доброго, всезнающего Друга, каковым он предстает в глазах пациента. Преданность, уважение и безмерное доверие клиента не может не радовать и не подпитывать самоуважение, и поэтому по-человечески понятно нежелание расставаться с таким отношением, а это неизбежно, когда клиент «взрослеет», перестает ловить каждое слово консультанта и начинает ему перечить. Невзирая на эмоции, важно помнить о том, что на определенном этапе продолжать патерналистские отношения значит притормозить исцеление. Так что вдохновляющее и воодушевляющее отношение тотального доверия к более мудрому и старшему со временем должно смениться более спокойным и независимым отношением двух взрослых людей и дальнейшим эмоциональным охлаждением. Клиент должен уйти из терапии, прекратив нуждаться в постоянной поддержке психолога, и лишь в таком случае работу консультанта можно считать выполненной.

Принцип благополучия клиента.

1. В своих профессиональных действиях психолог ориентируется на благополучие и учитывает права всех субъектов образовательного процесса. В случаях, когда его обязанности вступают в противоречие с этическими нормами, специалист разрешает эти конфликты, руководствуясь принципом «не навреди».

2. Психолог в ходе профессиональной деятельности не должен допускать дискриминации (ограничения конституционных прав и свобод личности) по социальному статусу, возрасту, полу, национальности, вероисповеданию, интеллекту и любым другим отличиям.

3. В профессиональной деятельности психолога образования приоритетными объявляются права и интересы ребенка как основного субъекта образовательного процесса.

4. Психолог придерживается доброжелательного и безоценочного отношения к клиенту.

Психолог – живой человек, и он не может не реагировать эмоционально на других людей, в том числе и на клиентов. Так что относиться безоценочно к последним очень трудно. Опасность заключается в том, что, составляя свое мнение о клиенте, давая ему оценку, мы заранее настраиваем себя на определенный тип реакции с его стороны, интерпретируем его поведение, высказывания через призму собственного мнения, благодаря чему информация искажается. Чрезмерное увлечение диагнозами – еще один «бич» психолога, который постепенно перестает видеть перед собой живых людей, а учитывает лишь их патологии, неврозы, «комплексы» и т. п.

Например, школьный психолог в конфликтных ситуациях обязан руководствоваться интересами ребенка, но данная позиция может вступить в противоречие с позицией администрации учреждения. Если психолог не является приглашенным специалистом, а сам работает в этой школе, то противоречить начальству во благо одного ребенка осмелится далеко не каждый. Использовать юридическую базу в решении конфликтов у нас умеют далеко не все, к тому же часто в подобных ситуациях, которые переходят на личностный план, юридическая база – не аргумент.

Рассмотрев некоторые этические принципы и проблемы, с которыми сталкивается психолог, можно сделать вывод о том, что выполнение данных положений всецело ложится на совесть пси-

холога. Проверить, следует ли он данным принципам в работе или не следует, очень сложно. Конечно, создается комиссия по регуляции соблюдения этических норм, но невозможно проследить работу каждого психолога в каждом отдельном взятом учреждении. Многие клиенты, приходящие к специалисту, могут и не знать о своих правах и обязанностях психологов, а те не всегда им о них рассказывают. Много случаев, когда клиенты не сообщают о нарушениях психологом этических норм – по разным причинам. Так как нарушение психологом этических норм, в частности, запрет на вступление в близкие отношения с клиентами (в том числе и с бывшими) эмоционально затрагивает обе стороны, тем, кто находится внутри этих отношений, кажется, что все прекрасно и вообще это сугубо личное дело. Даже в странах с развитой юридической культурой и традициями, таких как Америка и Западная Европа, где и пациенты, и терапевты прекрасно осведомлены об этических кодексах и где эти кодексы действительно работают, никто не знает действительного количества таких нарушений. Что говорить о России и Украине, где делаются лишь первые шаги по нормированию этой области и пока что этический кодекс носит скорее рекомендательный характер!

Не прописана и мера наказания психолога за несоблюдение им этических норм, не сказано, считается ли это преступлением. Возможно, это является следствием того, что последствия нарушения кодекса различны, прогнозировать их заранее сложно, дифференцировать тоже. И, может быть, как раз вследствие того, что нет меры наказания за подобные нарушения, кодексы не имеют особой силы для психологов и воспринимаются как некие предписания, образец, как должно быть. Тем не менее нарушение этического кодекса – это нарушение, ущемление прав личности, за которое специалист должен нести ответственность.

Многие авторы замечают, что даже максимально подробный и приближенный к жизни этический кодекс очень сложно последовательно применять на практике, а профессиональным организациям – проконтролировать, следуют ли консультанты предписываемым нормам.

Зависимость клиента от психолога

Совершенно убрать зависимость во взаимоотношениях клиента и консультанта невозможно, а многие психотерапевтические школы (в частности, роджерсианская, центрированная на клиенте, или телесная терапия) предполагают достаточно большую степень эмоциональной близости с клиентом в процессе психотерапевтической работы. Интенсификация же этих эмоциональных отношений может активизировать разного рода эротические фантазии обоих.

За последние десятилетия увеличилось количество сообщений об имеющих место злоупотреблениях в психотерапевтической практике, касающихся именно этой стороны взаимоотношений, которые по самой своей природе не могут быть справедливыми и равными: клиент изначально находится в более зависимой позиции. Несмотря на то, что во всех имеющихся кодексах устанавливается строжайший запрет не только на вступление в сексуальную связь, но и на личные и дружеские отношения с клиентами, даже бывшими, некоторые терапевты нарушают этот запрет. В США в ряде штатов (например, Мичиган, Миннесота и Калифорния) предусмотрены юридические санкции за психотерапевтические злоупотребления. Само собой разумеется, что в этических кодексах этот вопрос освещается в обязательном порядке: в Британском этическом кодексе говорится, что «консультанты несут ответственность за установление и соблюдение границ в ходе консультативных сессий»¹⁹, и даже после того, как клиент фактически перестает им быть, «консультанты остаются ответственными за отношения с бывшими клиентами и должны проявлять осторожность, вступая с ними в отношения иного рода (дружба, бизнес, сексуальные отношения, обучение, супервизия) ...принимая решение об изменениях в характере отношений с бывшими клиентами и учитывая динамику власти, а также то, насколько они были проработаны»²⁰. В Американском этическом кодексе говорится, что «консультанты не должны вступать в какие-либо сексуальные отношения со своими клиентами и не должны заниматься консультированием лиц, с которыми имеются сексуальные отношения»²¹. Также консультантам запрещено «вступать в сексуальные отношения со своими бывшими клиентами менее, чем через два года после завершения

психотерапевтических отношений. Консультанты, вступающие в подобные отношения через два года после завершения психотерапевтических отношений, обязаны иметь соответствующие доказательства того, что в основе сексуальных отношений не лежит эксплуатирование»²².

Выполнение консультантами этого принципа усложняется тем, что клиенты, особенно если они противоположного пола, нередко очень стремятся к сближению с психотерапевтом; в психотерапии используется понятие «эротизированный трансфер», обозначающий такое нарушающее душевное равновесие явление, как упорное желание клиента проникнуть в частную жизнь консультанта. Памятуя, что клиенты и без того приходят к психологу с эмоциональными травмами, консультант может, просто из боязни причинить клиенту боль, допустить размывание границ между собой и клиентом, что, однако, отрицательно сказывается на качестве его работы. Теряя специфику «как если бы»-отношений, мы теряем и саму терапевтическую функцию взаимодействия клиента и психолога; последний становится чересчур вовлеченным и, строго говоря, перестает быть полноценным консультантом в отношении этого клиента.

«Терапевтические отношения принципиально отличаются тем, что выраженные по отношению к терапевту чувства не наталкиваются на защитное противодействие, а встречают скорее теплое одобрение и поддержку стремления пациента обращаться к ним и в дальнейшем. Это замечательное соединение фрейдовского участия в отношениях и роджерсианского акцента на сердечность и поддержку»²³, – пишет Майкл Кан. Однако поддерживать такой уровень психологу порой бывает весьма непросто. Кроме профессиональных знаний, обязательных для консультанта, играет роль сама его личность, его собственные ценностные установки, моральные принципы и идеалы, а также наличие у него стремления быть постоянно «на уровне». В «Этическом кодексе...» Американской ассоциации консультирования говорится: «Главная обязанность консультантов состоит в уважении достоинства клиентов, поддержании их благополучия»²⁴, а также подчеркивается, что «консультанты должны избегать формирования и поддержания зависимых отношений в консультировании»²⁵. «Коль скоро человек обращается за помощью, он уже зависим»²⁶, – считает

Н.Д.Семенова. Причем нередко зависимость клиента переходит во взаимозависимость, и терапевту не всегда удается отследить, когда он сам начал зависеть от своего клиента. Как пишет Ф.Перлз, клиент «приходит не с пустыми руками. Он приносит с собой свои средства манипуляции, способы мобилизации и такого использования своего окружения, чтобы люди делали за него его работу. И не нужно обманывать себя, думая, что его способы манипуляции не умны»²⁷. Если терапевт упорно отрицает существование такой зависимости, он усугубляет положение, способствуя усилению и углублению таковой у клиента.

Убрать проблему зависимости из психотерапии невозможно, как невозможно уничтожить присущую всем нам потребность в любви, тепле, эмпатии, эмоциональной поддержке, исходящих от других людей. Однако надо различать «хорошую» зависимость, которая помогает, способствует поддержанию самооценки на должном уровне, и плохую, которая проявляется в потребности в ком-то, кто избавит нас от необходимости иметь дело с реальностью, перекладывании ответственности за собственную жизнь на другого.

Важно так построить взаимоотношения с клиентом, соблюдая необходимый баланс между близостью и границами, между зависимостью и отчужденностью, чтобы удовольствие и радость, которую клиент научается испытывать от своей жизни, были свободными и в конечном итоге не зависели от консультанта.

В завершение можно сказать, что тема кодифицирования деятельности психолога оказывается еще более сложной, нежели представлялась поначалу. Даже кажущиеся очевидными вопросы при более пристальном рассмотрении обретают дополнительные нюансы и подводные камни, и решение их отнюдь не однозначно. Сложность состоит также и в том, что ситуации, требующие вмешательства этики, являются наиболее сложными и болезненными не только для клиента, но и для консультанта. Однако, если исходить из множества соображений, необходимость третьей, невключенной позиции, пусть даже несколько более абстрактной, нежели профессионала-психолога, кажется все же вполне уместной. Вопрос же, как сочетать глубокое понимание процессов, происходящих на психотерапевтическом сеансе, и качественную невключенную внешнюю этическую экспертизу, так и остается открытым,

так же, как всегда будут оставаться открытыми многие вопросы, возникающие в уникальных ситуациях, не вошедших в тот или иной профессиональный кодекс.

Использованные источники

1. univer.balabanovo.ru/PsihPom/NPB/EtikKod.doc – Этический кодекс педагога-психолога Службы практической психологии образования России

2. psy-gazeta.ru/files/etika_prof_psihoterpevtich_liga.doc – Этический кодекс Профессиональной Психотерапевтической Лиги (ППЛ) на основе Правил этики Европейской ассоциации психотерапевтов (ЕАП)

3. spbpo.ru/info.php?ID=1_7_1 – Этический кодекс Российского Психологического Общества (РПО)

4. spbpo.ru/info.php?ID=1_7_2 – Этический кодекс психолога-консультанта (Санкт-Петербургское Психологическое Общество)

5. spbpo.ru/info.php?ID=1_7_3 – Этический кодекс политического психолога

6. spbpo.ru/info.php?ID=1_7_4 – Кодекс профессиональной этики психолога органов внутренних дел

7. graf-therapy.narod.ru/etika7.html – Этический кодекс психолога-диагноста

8. www.consulty.ru/index.php?option=com_content&task=section&id=9&Itemid=31 – Этический кодекс психолога-консультанта в области индивидуального и семейного психологического консультирования

9. oppl.ru/akkredit/etikEAP.doc – Положение об этических принципах Европейской ассоциации психотерапии

10. *Коттлер Д., Браун Р.* Психотерапевтические консультирование. СПб.: Питер, 2001.

Примечания

¹ *Коттлер Д., Браун Р.* Психотерапевтические консультирование. СПб., 2001. С. 361–362.

² Там же.

³ Там же. С. 374–375.

⁴ psy-gazeta.ru/files/etika_prof_psihoterpevtich_liga.doc – Этический кодекс Профессиональной Психотерапевтической Лиги (ППЛ) на основе Правил этики Европейской ассоциации психотерапевтов (ЕАП)
spbpo.ru/info.php?ID=1_7_1 – Этический кодекс Российского Психологического Общества (РПО)

- spbpo.ru/info.php?ID=1_7_2 – Этический кодекс психолога-консультанта (Санкт-Петербургское Психологическое Общество)
- spbpo.ru/info.php?ID=1_7_3 – Этический кодекс политического психолога
- spbpo.ru/info.php?ID=1_7_4 – **Кодекс профессиональной этики психолога органов внутренних дел**
- graf-therapy.narod.ru/etika7.html – Этический кодекс психолога-диагноста
- www.consulty.ru/index.php?option=com_content&task=section&id=9&Itemid=3www.consulty.ru/index.php?option=com_content&task=section&id=9&Itemid=31 – Этический кодекс психолога-консультанта в области индивидуального и семейного психологического консультирования
- oppl.ru/akkredit/etikEAP.doc – Положение об этических принципах Европейской ассоциации психотерапии.
- 5 *Коттлер Д., Браун Р.* Психотерапевтическое консультирование. С. 371.
- 6 Конфиденциальность // «Кодекс этики и практики консультантов» Британской Ассоциации Консультантов. Раздел Б.3.
- 7 Там же. Раздел Б.4.
- 8 *Коттлер Д., Браун Р.* Психотерапевтическое консультирование. С. 371.
- 9 «Кодекс этики и практики консультантов» Британской Ассоциации Консультантов. Раздел Б.3.4. Исключительные обстоятельства.
- 10 Там же.
- 11 Этический кодекс и стандарты практики (одобрено советом правления в апреле 1995 года) Американской ассоциации консультирования // *Коттлер Д., Браун Р.* Психотерапевтическое консультирование. Приложение. С. 404.
- 12 «Кодекс этики и практики консультантов» Британской Ассоциации Консультантов. Раздел Б.3.5.4.
- 13 Там же. Раздел В.2. Профессиональная компетентность. Продолжение обучения. С. 406.
- 14 «Кодекс этики и практики консультантов». Британской Ассоциации Консультантов. Раздел А.5. Границы.
- 15 «Этический кодекс и стандарты практики...» Раздел В.6. Ответственность перед другими специалистами. С. 409.
- 16 Там же.
- 17 «Кодекс этики и практики консультантов» Британской Ассоциации Консультантов. Раздел А.6. Компетентность.
- 18 Этический кодекс и стандарты... Раздел В.2. Профессиональная компетентность. С. 407.
- 19 «Кодекс этики и практики консультантов» Британской Ассоциации Консультантов. Раздел Б.5. Границы с клиентами.
- 20 Там же. Раздел Б.5.3. Границы с бывшими клиентами.
- 21 Этический кодекс и стандарты практики... Раздел А.7. Вступление в сексуальные отношения с клиентами. С. 401.
- 22 Там же.
- 23 *Кан М.* Между психотерапевтом и клиентом. Новые взаимоотношения. СПб., 1997. С. 23.

-
- ²⁴ Этический кодекс и стандарты практики Американской ассоциации консультирования // *Коттлер Д., Браун Р.* Психотерапевтическое консультирование. Приложение. С. 398.
- ²⁵ Там же. С. 399.
- ²⁶ *Семенова Н.Д.* Этические основы психотерапии // *Моск. психотерапевт. журн.* 1997. № 2. С. 113.
- ²⁷ *Перлз Ф.* Гештальт-подход и Свидетель Терапии. С. 62–63.

Нуминозное тело и одежда

1. Нуминозное в поле методологии

При изучении культуры жизнеобеспечения самое сложное состоит в формулировке подхода именно к одежде. Если такие экзистенции, как жилище и пища, далеко ушли от своих архетипических проформ, то иное дело костюм, который мы ежедневно одеваем и снимаем. Может быть, как раз в этом – почти полном отбрасывании, удалении элемента культуры, в вешании одежды в шкаф, в бросании на спинку стула – и состоит огромная ее тайна. Ведь нагое и одетое тело – это совершенно различные тематические объекты.

Жилище и пища прошли огромный путь развития и сохранили следы этого, идя по которым назад, мы получаем возможность создать историческую и философскую реконструкцию. Конечно, и одежда развивалась. Но она упорно сохраняла древнейшие элементы. Зачем на наших курточках появляются воротники из натурального или искусственного меха? Для чего эта память о шкуре, накинутой на плечи, как и воротник вообще? Даже наисовременнейшая одежда сохраняет свой архетипический потенциал. А каким он был тысячелетия назад? Представить его можно только в результате синтагматического распада, т. е. работы по деконструкции сложившихся комплексов.

Пятясь назад методологически, мы находим созвучие нашему подходу в той методологии, которую развивал Вилем Флюссер¹, автор книги о философии фотографии. Прекрасно охарактеризовал его методологию Дитмар Кампер, ее наблюдавший и изучавший, как теорию прогресса коммуникативных технологий через движение назад от современного жизненного мира². Дело в том, что

наш мир строится все более логично, рационалистически. А мир изначальный был основан на невероятном, на нуминозном, вызывавшем трепет. И тот мир был более виртуальным, чем наш. Виртуальность была пятнистой. Коренное население Америки создало развитые цивилизации с письменностью, с великолепной астрономией. Но представьте, они не изобрели колеса. И так повсюду. Возникновение одежды как технологического момента надо отделить от «жизненных» мотиваций (защиты от холода и т. п.). Строя реконструкции одежды как деконструкции ее от современности к прошлому, мы обнаружим воображаемые метафизические мотивации, а не комфортные жизненные миры.

Экзистенциальный подход способен помочь делу. В этом подходе тело и культура характеризуются очень важным общим признаком – антропоморфностью. И тогда, отодвинув одежду на некоторую дистанцию от тела, можно работать, распредмечивая ее антропоморфность. Конечно, само тело лишить его антропоморфности невозможно. Но так поступить можно с одеждой. При этом мы обнаружим в конце исследования невероятную нуминозную анатомию с выведением скелета наружу, держащую на себе древнейшую генетически одежду, инверсии мужского и женского в одном организме и даже инверсию человеческой плоти и животной. Образуется торсионное поле нуминозной телесности.

Понятие нуминозного нам оказывает неоценимую помощь. Но после того как его в 1920-е гг. выдвинул Рудольф Отто³, оно почему-то очень трудно входит в научный методологический аппарат. Однако его сразу оценил Карл Густав Юнг, которого надо отнести к небольшой плеяде крупнейших экзистенциальных философов. Юнг свои архетипы охарактеризовал как нуминозное. Он замечательно кратко выразил это понятие. Это – «опыт страха, трепета перед властью, но опыт величественного, дающего полноту бытия»⁴. Упомянутые инверсии величественны.

Нуминозное – это не священное, которым любят пользоваться социологи и такой историк религии, как Мирча Элиаде. Дело в том, что нуминозное маркировано признаками самого человека. И поэтому оно ускользает от семиотического анализа. Нуминозное полно тайны как символ в понимании С.С.Аверинцева, хранящий «теплоту сплывающей тайны»⁵. Нуминозное также близко к пониманию символа А.М.Пятигорским и М.К.Мамардашвили. По их

мнению, символ работает в отсутствии обозначающего, обозначаемого и даже обозначателя⁶. Отсюда проистекает их позиция по отношению к человеку, который «вокруг своей мысли о сверхчеловеческом, надчеловеческом, внечеловеческом»⁷.

К.Г.Юнг воспринимал дионисизм как проявление нуминозного⁸. Это понимание дионисизма как культа качественностей проходит через творчество Ольги Михайловны Фрейденберг⁹. Кстати, она же в своих работах широко пользовалась понятием редупликации, в сущности, это кодовые торсионы в пространстве культурогенеза.

В плане всех этих концепций нуминозное предстает в виде неморфемного, но качественного фантомного образования с перетекающими смыслами от ужасного до восхищающего. Нуминозный опыт единичный и уникальный.

Антропология с самых своих начал, в сущности, всегда работала с нуминозным. Полевые этнографы ощущали этот священный трепет, когда работали с проблемой табу. Отец американской антропологии Франц Боас прямо выводил последнее из этого трепета.

Итак, нуминозное – то, что нас крайне удивляет. Оно вне причинно-следственных признаков, размыто до невидимости. Вот и тело внутри одежды нуминозно невидимо. А в одежде, лежащей на стуле, таинственно скрыта нуминозность человека.

Значит, работая с нуминозным, мы должны прорываться «из разрушенной социальности, затем его делать понятием, то есть инструментом культуры и социальных форм». Так видит суть процесса идеализации как движение от символического представления к рациональной понятной форме методолог В.А.Никитин¹⁰.

Нуминозность в одежде – это постоянная экзистенциальная тревога. Она сопровождает не только облачение в праздничный костюм. Нельзя случайно надеть что-либо наизнанку – не будет удачи. Обнаружишь нитку наметки на новом костюме, принесенном из ателье – «к долгой жизни». Раньше в новой одежде шли сначала в церковь. Шинель Акакия Акакиевича до предела наполнена нуминозным.

Но к нему стремятся. Его добывают тем, что помещают на одежду источники звука: украшения, а то и настоящие колокольчики. Здесь человеческая плоть инверсируют в звук, а через звук в субстанцию, его производящую, в металл, камень, в птицу, криком и пением очерчивающую свое пространство.

Звук локализован. Женщина всегда маркирует свое концентрическое локальное пространство. Она с глубочайшего прошлого носит шумящие украшения. А мужчина, находясь в своем бесшумном маршрутном пространстве охотника, к звуку всегда прислушивается. Теорию происхождения одежды из украшений развивал Николай Николаевич Евреинов в удивительные 1910-е гг. Он писал, что дикарь украшает себя, чтобы быть предметом удивления¹¹.

Нуминозное амбивалентно. Поэтому один 85-летний балкарец, когда на склонах Эльбруса я вопрошал его о сущности любви, сказал о своей ушедшей из жизни супруге так: «Я до сих пор слышу шелест ее платья».

2. Витальная энергетика одежды

Рассмотрим проблему витальности на материале безрукавки, характерной для женского костюма всех тюркских и монгольских народов. Данной теме посвятил свои глубокие исследования Дашинима Дугаров, который вскрыл связь бытования безрукавки с тотемными воззрениями этих народов. Изложим основные его соображения¹².

Распашная короткая или длинная безрукавка издавна бытует на огромном пространстве Центральной Азии, Сибири, Средней Азии и Поволжья у тюркских и монгольских народов. Под их воздействием она распространилась на Кавказе, в Малой Азии, везде, куда проникли эти народы, что свидетельствует о глубокой древности этой детали костюма и специфических связях его с мировоззрением тюрко-монголов.

В коротком или длинном варианте безрукавка приталена. Длинная безрукавка хубайси у хонгодоров (родовая группа бурят) имеет разрез сзади. У хоринцев, другой бурятской группы, их длинная безрукавка имеет боковые разрезы. Наряду с длинной хоринцы знают и короткую форму. Длинная и короткая безрукавки вообще сосуществуют, иногда выделяя подразделения одного народа. Например, в Монголии длинную носят женщины у байтов, урянхайцев, дербетов и др., короткую – у олетьев и хотонов. Монгольская длинная безрукавка приталенная, надевается со сборчатой юбкой. Разрез сзади обеспечивает удобство верховой езды. Георги, опи-

савший в XVIII в. бурятскую безрукавку, отметил, что она украшена на спине «змеиными головками» (раковины каури), бисером, шнурками и «брякушками». Судя по разрезам, приспособляющим безрукавку к верховой езде, можно предположить ее появление в Центральной Азии вместе с наездничеством. Действительно, этот вид одежды зафиксирован, по мнению исследователей, в наскальных изображениях Минусинской котловины, оставленных в раннем железном веке вероятными предками хакасов. В работах Дугарова на основании косвенных данных (ассоциация безрукавки с культом гуся и лебедя) допускаются гораздо более древние истоки этой одежды, так как культ перелетных птиц – специфичная черта центральноазиатского палеолита.

В тюркских и монгольских названиях безрукавки, как показывает Дугаров, выражена связь с культом этих птиц. Он приводит еще более убедительные доказательства отношения безрукавки к ритуальному комплексу: во время весеннего перелета птиц, когда над стойбищами бурят с криком пролетали стаи лебедей, женщины хори – бурятки брызгали вверх молоко и совершали обряд приманивания счастья и богатства «далга». При этом они должны были быть непременно с покрытой головой, и одеты в старинную ритуальную одежду замужней женщины – безрукавку «уужа». Такой обычай был продиктован непреложным законом древнего родового быта хоринцев, сформулированным в афоризме:

Небу темя не показывай,
Земле лопатки не показывай.

По древним воззрениям тюрко-монгольских народов, Небо – отец, а Земля – мать. Но понятия Мать-Земля и Мать-Лебедь генетически и функционально, видимо, имеют общие корни.

Во время жаркой работы на сенокосе хондогорские женщины снимали свои безрукавки хубаиси. Ее заменял им платок, накинутый на плечи и завязанный узлом на груди. Но в жаркие дни и такой платок был помехой для работы, поэтому они и его тоже сбрасывали. И, если случалось так, что именно в это время над ними пролетали лебеди, женщины бросались врассыпную и прятались в копнах сена, чтобы птицы «не увидели» их непокрытые спины. Далее Дугаров, ссылаясь на материалы якутского исследователя Николая Алексеева, продолжает: «Подобный обычай бытовал и у

якутов: невестки рода уоргалар, увидев лебедя, одевали старинный кафтан тангалай и покрывали голову». «Тангалай» по-якутски означает 1) твердое небо, 2) елочный узор. Слово «тангалай» с теми же значениями бытует у тувинцев, кумандинцев (тангдай), бурят и монголов. Так, например, подвесные войлочные двери тувинских юрт имели чаще всего узор, который назывался «тангалайлап сырыыр» и сравнивался с бороздками твердого неба животного. Подобный рисунок характерен и для подвесных дверей казахских войлочных юрт. У киргизов «тангдай» также означает «небо», а в сочетании «как тангдай» имеет два значения тысячелистник обыкновенный (лекарственная трава) и вид орнамента. «Каз» в киргизском и некоторых других тюркских языках – «гусь». Последний наряду с лебедем у тюркских народов издревле является особо почитаемой птицей. Отсюда законно предположить, что узор «танглай» («тангдай») у соответствующих тюркских племен и народов символизировал оперение тотемной птицы.

Дугаров обращает внимание и на примечательное использование безрукавки в свадебном обряде. У саяно-алтайских тюрков, в частности у хакасов и тувинцев, зафиксирован весьма интересный обычай, связанный с обрядом сватовства. Хакасы и тувинцы для этого обряда специально убивали лебедя, надевали на него женскую безрукавку чегедек со всевозможными украшениями и, преподносили его представителям другого рода (очевидно, рода лебедя) и взамен требовали невесту. Такой обычай, несомненно, является древним пережитком «натурального макета» (по терминологии А.Д.Столяра) и служит новым доказательством предположения о ритуальном значении и птичьей символике женской безрукавки типа чегедек и хубайси.

Установив ориноморфную символику безрукавки, Дугаров обращается к одежде, которую носят под безрукавкой, шубе и халату. Рукав шубы и халата монголо-язычных народов в суживающейся книзу части декорирован шелком, а в самом конце имеет обшлаг и манжет. Лицевая сторона последнего носит у бурят название нюдарга, т. е. «кулак», а его внутренняя сторона – туруун, т. е. «копыто». Для турууна чаще всего берут черный бархат, причем манжет делается твердым благодаря мучной проклейке. Вполне оправданно Дугаров видит в такой конструкции рукава зооморфные черты, а конкретно – отражение культа оленя (марала).

На новогоднем празднестве «цагалтан» бурятские женщины выворачивали манжеты, опуская их вниз. Дугаров приводит аналогичный тувинский материал, где манжеты были опущены не только у женщин, но и у мужчин: это был ритуал проводов старого года и встречи нового.

В изложенных фактах безрукавка служит средством приманивания счастья и богатства «далга», а сутью новогоднего праздника является то же самое. В новогодних обрядах всегда выражена забота о здоровье членов семьи, о других аспектах индивидуального благополучия, которые в узком смысле являются не чем иным, как гарантией предстоящих ресурсов витальности. Новогодние празднества у всех народов – время девичьих гаданий и актуализации способов привлечь «счастье». Это «счастье» мыслится как обязательно приходящее время максимального благополучия. Такое время в традиции центральноазиатских народов персонифицировано. У якутов есть представление о быке-годовике, хозяине года. Он появляется осенью, но в виде птицы. Когда минует четвертая часть года, у этой птицы отваливаются крылья, а к весне это существо утрачивает свои птичьи черты и при таянии снега превращается в длинношерстного быка тигровой масти. Бык до осени уходит куда-то в море.

Якутский бык-годовик и раскрытая Дугаровым тюрко-монгольская концепция женской одежды – явления одного порядка. Если в якутском восприятии времени мы видим определенную тенденцию к его соматизации в образе фантастического существа, то тюрко-монгольская женская одежда ассоциирована с переломными сроками года – весенним появлением перелетных птиц и новогодним праздником. Отметим и единство всей концепции времени: к появлению перелетных птиц весной бык-годовик теряет свои птичьи черты, в птичьем облике он появляется, когда эти птицы улетают на юг. В этих представлениях время соматически насыщено.

Очевидно, этой концепции близок эвенкийский счет времени по частям человеческого тела. В эвенкийской системе, как и в аналогичных, где за основу временных отрезков берутся части человеческого тела, оно бесполо. Тогда почему ассоциацию со временем, с витальностью получила именно женская одежда?

Пожалуй, мы подходим к самому интересному в нашей теме – временной означенности частей человеческого тела. Как было установлено, тело, которое нуждается прежде всего в витальной

энергетике, – это развивающееся, но еще незрелое девичье тело. Тогда, может быть, безрукавка и есть девичья одежда? Это действительно так, что доказывают старые материалы по бурятской одежде. Там безрукавка – прежде всего стягивающий лиф у девушки, и он носит название сээбэбшэ, буквально «нагрудник», чем подчеркивается его функция стягивания, маскировки девичьей груди. У киргизов такой же лиф носит название юкузбен (от кокуз – «грудь, женские молочные железы»). Маскировка или символическое прятание девичьей груди – широко распространенное в мире явление. В литературе описан девичий корсет в старом кавказском быту. Но ведь даже подвязанная грудь африканских девушек, о которых уже писали, есть, то же самое и говорит не о преходящей моде у кавказских и центральноазиатских народов, а о том, что девичье тело ритуально незрело, и лишь замужней женщине можно получить необходимую соматическую полноту – развитую грудь. Неслучайно, что при облегающей девичьей безрукавке бурятские женщины в старину, в XVIII–XIX вв., носили очень свободное платье. Оно имело низко спущенный лиф – до тазобедренного сустава, длинные рукава (на ладонь длиннее рук), широкие проймы рукавов – до самой талии. Кстати, такое платье было адаптировано к женским работам: угол подола можно было откинуть и нести там ягнят, кизяк или что-нибудь другое. Расцветшее женское тело свободно в своих одеждах, незрелое девичье заключено в тесные. Различие этих двух тел маркировано в любой традиции. Прилегающая кроеная одежда – достояние добрачного возраста. Исторически эта девичья одежда, как мы видим на примере безрукавки, переходит в женскую. Первая более динамична. Это хорошо видно на материале развитых восточноевропейских головных уборов, где, например, кика – первоначальный наряд девушки – становится затем головным убором женщины.

3. Испанский бой с быком и женское мужество

Подлинными носителями народной культуры, когда они хотят кратко объяснить ее суть, прибегают к разъяснению поведения во время опасной ситуации. Двое моих пожилых плотников, с кем я в Подмоскowie строил дом 40 лет назад, объяснение секретов

ремесла чередовали с эпизодами ранения об острый инструмент, падения со строительных лесов, того, как когда-то пал от изнеможения конь, на котором из лесу зимой для стройки дома вывозили бревна. Чеченские старики всегда мне объясняли, что силу духа они черпали, помня о своей тейповой горе, на которой стояла или стоит до сих пор чудом сохранившаяся боевая башня. Эвенки мне объясняли, как можно спастись от пятидесятиградусного мороза, устроив нечто вроде снежной хижины. Дом и выживание тесно связаны. Дом – это предел жизни. Поэтому есть русское поверье, что дом строится на чью-либо смерть. Не страшитесь его: это самоописание культуры.

А одежда? Такая повседневно привычная. Хорошая или плохая, но всегда в наличии, известная надтреснутой пуговицей до мельчайших подробностей. Неужели она, пусть даже празднично украшенная, способна дать язык для рассказа о глубочайших тайнах этнической культуры – об экзистенциальных проблемах жизни и смерти в данной традиции?

Способна. И ещё с какой силой! Для показа этого обратимся к костюму тореро.

Тореро – это главное действующее лицо испанского боя с быком, корриды. Название тореадор в Испании не употребляется, это французское произношение. Костюм тореро развился буквально недавно, в Новое время, в основном в XVIII в. Но его история началась сотни и тысячи лет раньше в пиренейских пещерах, где палеолитические люди рисовали в свете факелов на стенах свирепых длиннорогих быков. Эта порода сохранилась на современных ранчо, где разводят боевых быков. Они экстерьером, агрессивным нравом и смышленостью отличаются от спокойной породы быков, разводимых для хозяйственных нужд. Вот вам временной масштаб традиции: палеолитические быки были нарисованы 15 тысяч лет назад.

А зачем? Обосновано мнение, согласно которому пещеры использовались для проведения обрядов возрастных инициаций мальчиков, становящихся мужчинами. Вот вам второй ориентир к проблеме, говорящий о том, что обряд взросления каким-то образом связан соприкосновением с опасным зверем. И это не просто развлекательный ритуал, а испытание смертельной опасностью. Инициация – это обретение духа.

Великий французский археолог Андре Леруа-Гуран и его сотрудники установили любопытную закономерность. Быки изображались в самых темных, далеких от входа помещениях. А около выхода на дневной свет изображались лошади. Смысл этого различия можно объяснить так. Лошадь у входа маркирует уже внешнее пространство с его свободой и неизвестностью. Ведь мы до сих пор говорим, когда занимаемся нерешенной проблемой: «Там даже конь не валялся». Тогда бык описывает нечто очень важное, внутреннее качество личности: стойкую мужественность духа при встрече с опасным пространством.

С этим же развитием человека, с превращением подростка, девочки во взрослую личность связана роль быка в брачных обрядах. В прошлом кабардинскую девушку везли в арбе, запряженной быками. Но это что! Сохранились описания средневековых авторов, которые говорят о древнедагестанском обычае жениху соединиться с невестой в половой близости на свежесодранной шкуре жертвенного быка. Мой учитель чеченской этнографии Ахмад Сулейманов говорил мне, что видел этот обряд у чеченцев в 1920-х годах. В 1992 г. мы с аспирантом Бузжигитом Кучмезовым наблюдали, как балкарская невеста входила в новый для нее дом по шкуре быка, положенной перед дверью. Свадебный обряд очень консервативен. Когда-то невеста должна была до жениха отдаваться чужим мужчинам. На кавказских свадьбах, сохранивших традицию, жених находится в другом доме, а то и вовсе отсутствуют. На свадьбе, о которой я говорю, меня, как гостя издалека, попросили немного посидеть рядом с невестой. На русских свадьбах для прогнозирования многочисленного потомства жениха и невесту сажают на овчинный тулуп. Все равно это знак обычая, сходного с дагестанским и чеченским. Но еще глубже, в архетипических глубинах человеческого сознания, первое сношение женщина делала со зверем.

Получается, что в испанском бою с быком он представляет собой мужское начало, а тореро – женское. Именно так. Женское-то женское, но какое? Такое, что это крайняя степень мужественности. У абхазов в старину новорожденному мальчику, будущему охотнику и воину, говорили благопожелание: «Дай Бог тебе женского мужества!».

А.Леруа-Гуран показал, что человеческое пространство исходно было двух родов: маршрутное, охотничье у мужчин и концентрическое, стабильное у женщин. Вот и сейчас у абхазов хозяйка,

обслуживавшая застолье всю ночь, с достоинством может о себе сказать: «Я как палка стояла». Движения тореро в бою мучительно замедленны и плавны. Он медленно-медленно поднимает шпагу на уровень плеча, чтобы нанести смертельный удар несущемуся на него полутонному зверю. Бежать от быка позорно. Надо управлять им с помощью плаща-капоте и мулеты, красной ткани на полуметровой палке. Тело тореро должно быть малоподвижным. Когда-то один тореро даже на пути быка опустился на оба колена. Это обогатило правила корриды.

Мулета происходит от простого куска ткани, который в далекой первобытности был набедренной повязкой. Плащ – более позднее, но тоже древнее универсальное одеяние средиземноморских народов (греческий хитон). Тореро «выбрасывает» эти одежды навстречу быку. Значит, несмотря на то, что он одет, в ритуальном смысле он без одежды, а перед быком голое человеческое тело. Хемингуэй, давший технологически и психологически точные описания корриды, отмечал, что при старом, заляпанном песком одеянии одного раненного быком смуглого цыгана-тореро открывшаяся кость была ослепительно белой.

На инверсии смыслов мужского и женского построена вся сценичность костюма тореро. Он в основных чертах оформился к XVIII в. и с тех пор мало менялся. До того времени костюм был из замши. Наверно, это наследие первобытной одежды из шкуры. На каноническом костюме от той стадии осталась бахрама, украшающая панталоны.

С названного срока костюм начали шить из шелка с золотым и серебряным шитьем. В последнее время в дело пошли и синтетические ткани, особенно для тяжелого плаща-капоте. На костюме масса блесток (когда-то кусочков зеркала). Считается, что в силу этого костюм тореро стал называться «костюмом огней» (*traje de luces* можно перевести и как «костюм света»). Хемингуэй в «Смерти после полудня» написал, что солнце – важнейший фактор испанской корриды.

С глубочайшей древности бык ассоциировался со временем. В якутских верованиях летнее время это бык, тучнеющий на летних лугах. К зиме он превращается в птицу, которая от морозов к весне теряет все перья, чтобы снова стать быком. В догреческих цивилизациях Крита и материковой Греции в слоях III–II тыся-

челетий найдены изображения так называемых «игр атлетов с быком». Юноши, стоя перед быком, хватали его за рога и, сделав сальто на его спину, с него спрыгивали. Эти сюжеты подробно были изучены Н.Н.Садомской¹³. Я позволю себе высказать одно соображение, основанное на том, что бык с палеолита несет символику темных глубин пещеры, что он – ночное солнце. Тогда перелетающий через быка человек – это дневное солнце. Следом этих представлений остался счет годового времени по периодам, отмечаемым на теле человека остановками солнца, начиная со ступни и с переходом на колено, бедро, руки, плечо и до макушки. Затем солнце спускается по другой (левой) стороне тела. Такой счет времени зафиксирован в разных местах: у юкагиров Сибири, у чамов Вьетнама, у памирских народностей. Однажды, когда я в далеком 1965 г. ехал верхом на олене, готовясь в любой момент упасть с него в обрыв, мой проводник по Восточным Саянам, ехавший впереди меня и не обращавший внимания на мои муки, задал один вопрос. Его интересовало, как это так одни годы идут вперед нормально, а другие нарастают в обратную сторону (до новой эры). Этот вопрос мог появиться в голове человека, знакомого со счетом времени по телу. Русское выражение «макушка лета» – остаток той системы.

Чтобы человеческое тело стало носителем для солнца, нужен был образ пещерного быка, реалии крито-микенских игр и еще один важный момент религиозной истории народов Азии и Европы. Речь идет об иранском культе Бога солнца Митры, одно из деяний которого – борьба с мировым быком. Этот культ спасителя-Митры был популярен в дохристианские времена среди римских солдат. Они-то и занесли его на Иберийский полуостров.

Вот почему коррида оказалась обязанной раскаленному солнцу испанского лета.

Испанский бой быков хранит в себе философию времени человеческой жизни, которая не только неминуемо обрывается, но и проходить должна с честью. Коррида учит тому, что честь должна ставиться выше смертельной опасности. Этой идее прекрасные страницы посвятил Хемингуэй¹⁴, годами приезжавший в Испанию ради корриды, кочевавший по стране за выдающимися тореро, и, может быть, благодаря этому он создал шедевр о другой корриде – «Старик и море».

Итак, костюм тореро – это трагическая нагота человека перед зверем, состояние духа человека, соревнующегося с самой смертью с целью убить вовсе не быка, а собственный страх. И это экзистенциальное страдание с тореро разделяют тысячи болельщиков. Как экзистенциально тоже это русское обозначение фанатов!

В свой костюм тореро облачается в гостинице. На это одевание требуется около 2 часов. Потом он едет на такси на место боя. До самого боя он не должен увидеть женщины, ибо в противном случае ему грозит несчастье¹⁵. Я объясняю эту деталь, отмеченную Джулианом Питт-Риверсом, так: тореро концентрирует в себе универсальную человеческую энергетику, он сейчас и женщина, и другой в мире не должно быть. Коррида первоначально, до начала XVII в., была сражением всадника с быком. Когда тореро стал пешим, вот тогда идея очистилась и осталось единоборство человека со своими собственными слабостями. Пикадоры на конях только разъяряют быка уколами пики в первом отделении корриды, а бандерильяс раздражают еще больше, вонзая в него флажки во втором.

Перечислим вкратце составные элементы «костюма огней». Это кожаная, а теперь из ткани шляпа. До XIX в. она была треугольной. Затем идет короткий жилет, украшенный кисточками – напоминанием о том, что он происходит от шкуры. Белая рубашка. Далее панталоны до колен, тоже с бахромой. На икрах гольфы, древний элемент того времени, когда составные части дополняли основной элемент, ту самую шкуру. Туфли черные с бантом. Наконеч, шпага.

Мы теперь знаем достаточно, чтобы оценить блестящую работу Джулиана Питт-Риверса о двух видах испанской одежды, где он показывает, что «одежда света» у тореро и «платье в горошек» у андалузских женщин обязаны одному комплексу идей. Успехом автор обязан тому, что он, великолепный специалист по Испании, автор концепции чести и стыда в традициях Средиземноморья, рассматривает единство верхней одежды и нижнего белья, прически, тагуировки, поз, поведения и речи. Все это средства презентации себя человеком, ратифицированные другими людьми в определенном месте, времени и в ситуации. Тореро начинает выступление в роскошном праздничном плаще-капоте, который он вскоре отдает обычно своей подруге, а она вывешивает его на балюстраду для всеобщего обозрения. На этом капоте на спине вышиты изображе-

ния святого покровителя, по краям изображены талисманы, на всем поле плаща прикреплены небольшие зеркала, предназначенные отражать злое влияние. Крестообразные цветки на плаще – знак удачи.

Затем тореро получает в руки капоте боя, которым он прикрывает нижнюю часть тела, благодаря чему становится как бы женской фигурой. По Дж. Питт-Риверсу, это насмешка красавицы над несчастным претендентом, где бык выражает мужское начало. В конце драмы тореро и бык меняются полом: тореро берет шпагу и красную мулету, а его позы становятся мужскими. При этом Питт-Риверс ссылается на ношение горцами в некоторых странах Европы – шотландцами, испанцами, греками – юбки, которая только подчеркивает их воинственность. Итак, в костюме тореро верхняя часть тела, по Дж. Питт-Риверсу, всегда несет мужские знаки: огромные эполеты, жилет, галстук и пояс. Нижняя часть тела, включая боевой плащ и панталоны телесного цвета с бахромой и вышивкой, несет женскую символику и символику уязвимости. Я добавлю, что шпага – женский символ, как и лучшая кавказская шашка – гурда (гудда), которая разделяет/размножает то, чего касается, по объяснениям мне кавказских знатоков оружия.

Итак, в первом акте борьбы тореро, по Питт-Риверсу, акцентируют черты «традиционной европейской бисексуальности», а в третьем, заключительном акте он демонстрирует апогей верильности, победу над нечеловеческой маскулинностью быка.

4. Происхождение стиля: лунное одеяние и фламенко

Фламенко – это не только танец. Еще и песня. Танец и пение, которые сливаются и расходятся, остаются сами по себе в тоске одиночества, чтобы снова рвануться навстречу друг другу. Они соревнуются: пластичное тело, превосходящее свои возможности, и низкий, глубокий голос, поющий о нечеловеческих страданиях. Умирает всё человеческое. Только божественное истинно существует. Люди тратят жизнь, захваченные исполнением и созерцанием фламенко.

Когда-то Испания властвовала над Голландией и Фландрией (север Бельгии). Слово не совсем ясным образом связано с названием последней области. Эту связь объясняют то ли от группы цы-

ган, прибывших из Фландрии, то ли от собственно фламандцев, состоявших в Испании на королевской службе и ведущих разгульную жизнь. А термин был позже перенесен на цыган. Есть мнение, впрочем, вполне оправданное, что «фламенко» первоначально – это название ножа хорошей выделки из Фландрии. В этом смысле слово употреблялось в Испании в конце XVIII в. Допускают также, что это арабское «беглый крестьянин» или «чернорабочий»¹⁶.

Состояние дуэнде – душа фламенко. Слово на испанском означает не только «огонь», но и «магию» и «чувство». Это божественный экстаз испепеляющей силы.

«Дуэнде приходит внезапно, как икота», – сказал один великий певец. Другой исполнитель-гитарист выразился так: «Дуэнде не в горле, это происходит изнутри, от самых подошв». Еще было сказано: «Всюду, где черные звуки, там дуэнде». Лорка писал о кантарах-певцах, что они «вызывают мелодии из спящих глубин».

Речь идет о почти неприличном нутре, о таинствах тела. А может, здесь определение «черное» имеет смысл, аналогичный существующему в тюркских языках, где «черный» – это обозначение чистоты и святости: «кара су» – это не черная вода по цвету, а «чистойшая». Но и смысл крайнего отсутствия света, первозданной тьмы нам тоже необходим, чтобы понять значение платья с белыми горошинами у исполнительницы танца фламенко.

Пока лучше о фламенко, чем Федерико Гарсия Лорка, никто не написал. В 1930 г. он создал исследование «Дуэнде, тема с вариациями»¹⁷. Там он подхватил определение о черном голосе, о черном звуке. Он сравнил территорию Испании с распростертой шкурой быка, на которой царит дуэнде. Определить дуэнде он не берется. Но объясняет это словами старой цыганки-танцовщицы Ла Малены, которая, услышав Баха, воскликнула: «Оле! Здесь есть дуэнде!». И заскучала при звуках Глюка, Брамса и Дариуса Мийо. «Эти черные звуки – тайна, корни, вросшие в топь, про которые все мы знаем, о которых ничего не ведаем, но из которых к нам приходит главное в искусстве». Лорка подчеркивает, что «дуэнде – это мощь, а не труд, битва, а не мысль». «Дух земли – тот самый, который овладел сердцем Ницше на пути от эллинских таинств к современным плясуньям и дионисийским воплям Испании». Каждый великий художник, согласно Лорке, совершенствуется в борьбе с дуэнде. Этот дух – не ангел и не муза.

Лорка говорит об одной девушке-певунье, пение которой не взволновало людей. Тогда она вскочила, одичавшая, как древняя плакальщица, и опаленным горлом запела... с дуэнде. «Она выбила у песни все опоры, чтобы дать дорогу буйному дуэнде, брату самума, и он вынудил зрителей рвать на себе одежды, как рвут их в трансе антильские негры перед образом святой Барбары»¹⁸.

Самум – это африканский ветер, несущий зной и красную пыль из Сахары и Аравии на Средиземноморье. В Сицилии называют его сирокко. Еще Геродот его называл красным ветром. Сицилийский танец тарантелла обязан этому ветру. В эту непереносимую летнюю жару пауки тарантулы кусают людей, что вызывает неистовство. Считается, что они предпочитают рыжих женщин. И их безумие с повышенной сексуальностью дало начало ритмическому и агрессивному танцу тарантелла. Видно, он был известен еще во времена Геродота.

Но вернемся к тексту Лорки. Он отметил, что у арабов танец или плач встречается неистовым «Ала!» «Ала!» («Бог!» «Бог!»), что созвучно «Оле!» – возгласу фанатов на корридах. Лорка допускает, что это одно и то же. Те арабские танцы, о которых говорит Ф.Лорка, – это суфийские моления-танцы, которые сопровождаются призыванием Бога: «Ля иль Лаху иль Аллах!». Рискну предположить, что лунное платье танцовщиц фламенко (в горошек) доказывает связь этого танца с мугамами, суфийскими песнопениями в странах персидско-арабской культуры (мугам азербайджанское, макам уйгурское и т. д., вплоть до индийских рагов). В мугаме поется о том, как душа человека, охваченная любовью к Богу, восходит в небо: сначала к луне, а потом постепенно ко все более высоким созвездиям. Кажется, этот ход мысли предвидел Лорка, когда написал строчки: «Черные звуки, в которых теплится нежное родство муравья с вулканом, ветром и великой ночью, опоясанной Млечным Путем»¹⁹.

Великая ночь – она же цыганская многослойная (до 5 слов) юбка, преимущественно красного цвета (красная луна в полнолуние или красный ветер?) с белыми пятнами-горошинками. Она составляет основу костюма для фламенко «трахе де лунарис». Эту юбку андалузские цыганки в XIX в. надевали, чтобы танцевать и петь на ярмарках и праздниках. Иногда верхняя часть тела у них была обнаженной. Из-за этого костюм считался очень сексуаль-

ным и бесстыжим. Горошины пришли от средневекового женского костюма. Им выделяли «падших» женщин. В лунном костюме для фламенко эти горошины тоже осмысляются как пятна на женской добропорядочности.

Чтобы реконструировать изначальный космический смысл горошин, надо связать его с луной и лунным животным – быком. Последний формой своих месяцеобразных рогов и с раздвоенными копытами принадлежит к категории существ этого ночного светила. У многих народов мира, а некогда и у европейцев луна считалась мужчиной. Отсюда поверье, что начало кровотечений у девушки связано со сношением с мужчиной-луной, а потому они названы были в Риме «менструациями». Белые горошины на юбке Д.Питт-Риверс охарактеризовал как пятна лунного света²⁰. Они несут и другую, более физиологическую коннотацию. В XX в. на юбке стали появляться стеклянные блески и аппликации из кожи. До второй пол. XIX в. цыганки исполняли фламенко босиком.

С середины XIX в. покрой и цвет юбок для фламенко стал сильно варьировать. Но красный цвет и горошины, как правило, преобладают.

Лунный костюм дополняется обилием сборок и воланов на платье, большим гребнем в волосах (мужской эротический символ) и цветком – обычно розой – в них, а также крупными украшениями, создающими в танце звук. О последнем надо сказать поподробнее.

Исполнительницы фламенко сравнительно поздно вооружились кастаньетами. Совсем недавно, в прошлом веке, они заимствовали от мужчин стук каблуками и подошвой обуви по сцене. Это придало некоторым моментам танца мужской сексуальный характер. Одна и та же исполнительница плавными округлыми движениями демонстрирует женскую грацию. И в то же время резкими движениями и звуком в ее танец врывается мужское начало. Но женский костюм испокон веков имел звучащие элементы. Это не только колокольчики на лодыжках индийских или арабских танцовщиц. Звучащие женские украшения восходят к эпохе бронзы, если не камня. Хорошо известны археологам шумящие подвески древних славянских, финно-угорских и тюркских племен на Восточноевропейской равнине. Однако, хотя звуковые элементы ассоциируются с женским нарядом, они вносят в него мотив

противоположного пола. В народных культурах всего мира звук по преимуществу ассоциируется с громом. Гром несет с собой мужское сексуальное начало. В древнем Китае, когда долго не было дождя, его вызывали ударами по коже натянутых барабанов. Разрыв кожи считался дефлорацией женщины и рассматривался как проявление деятельности грома, несущего с собой благодетельный дождь. А совсем недавно, в 2011 г., мне довелось записать у жителей Вельского района Архангельской области свадебный тост: «Чтобы женщины грома не боялись, а член стоял».

В архетипическом мышлении Ф.Лорки вся засушливая Испания воспринималась как распластанная шкура быка. Звуки танца фламенко, исполняемого мужчинами и женщинами, – продолжим метафорическую мысль Лорки – в глубинах подсознания людей предназначены ниспослать с неба всякое благополучие. Вот и реально цыганки в юбках в горошек для этого танцевали на ярмарках, где продавали скот.

Точку в истории лунного костюма ставить еще рано. Определенный вклад в проблему фламенко сделал недавно польский гитарист Мигель Чаховски (Miguel Czachowski), изучавший в Индии Сахаджу-йогу и историю музыки²¹. Ученые еще раньше доказали, что цыгане были ответвлением народа дом (ср. цыганское самоназвание ром, где звук «р» дентализован, т. е. звучит как слитное «дром») из Северной Индии. Они принадлежали там к касте музыкантов. В странствия они отправились после арабских завоеваний, скорее где-то в IX в. С арабами они пришли на Иберийский полуостров. После Реконкисты они вместе с маврами и евреями подвергались преследованиям и католизации. Цыгане спаслись, уйдя в горные местности Андалузии. Только в середине XVIII в. им позволили спуститься с гор. Музыка наряду с ремеслом кузнецов и плетением корзин стала специфическим занятием цыган.

В городах Андалузии зазвучали песни цыган в сопровождении тамбурина, скрипки, кастаньет и хлопания в ладоши. Эти песни были слышны и из кузниц, где мелодия отмечалась ударами молота по наковальне (от названия молота произошло название стиля мартинете).

В конце XVIII в. появляются первые упоминания о танце и пении фламенко. Когда гитара получила шестую струну, то она органично стала сопровождать их. В стиль фламенко также креп-

ко влились мелодии старинных андалузских фанданго и малагенги. Здесь есть еще следы григорианских хоралов, кубинских мелодий и джаза.

Как бы то ни было, связь цыганских мелодий с индийскими музыкальными ритмами очевидна, и в этом М. Чаховски абсолютно прав.

ЮНЕСКО объявило в 2010 г. фламенко объектом Всемирного наследия.

Так когда же возник костюм фламенко? Сравнительно поздно или он идет из глубин иберийского прошлого?

Я склоняюсь ко второму ответу. Ведь тема отношения человека с быком уходит во мрак палеолитических пещер франко-кантибрийских гор. Быки, нарисованные на стенах в их вечной ночной темноте, явно несли лунную символику. А на сыром глинистом полу пещер с той поры остались следы пяток, как считается, юношей, проходивших обряд возрастной инициации. Но быки заставляют думать, что сексуальный момент был выражен еще сильнее. И стук пяток был предтечей сапотеадо – отбивания ритма фламенко деревянными каблуками. Оттуда идут и хлопанье ладоней, кастаньеты, перкуссионный ящик кахон.

Наши реконструкции заставляют внимательнее присмотреться к звуковой палитре фламенко. Во время исполнения песни и танца испанская аудитория ободряет исполнителей криками и хлопанием в ладоши. Это звуковое сопровождение направлено на скорейший приход дуэнде. В прошлом халео сопровождали прежде всего песни-плачи. Сейчас все больше служат ускорению темпа, особенно в яростном жанре булерия, а также для вовлечения в действие всей аудитории. Часто халео – это оценки, произнесенные четко по-испански. Но порой звучит старинное «оле», о котором уже было сказано, и «аса», иногда сокращенное до «са, са, са». Перед нами возглас, популярный в танцевальном действе на Востоке, на Кавказе в том числе («асса»).

На примере фламенко мы увидели уникальную роль цыган в развитии европейской цивилизации. Этот пришлый народ смог воспринять и сберечь архетипические начала европейской мировой цивилизации, выявить их витальный и эстетический потенциал и вернуть народам Европы их собственное достоинство, перед которым мы, может быть, еще способны испытать внемлемую тоску по творчеству, по тому самому, что называется дуэнде.

5. Некоторые выводы и шаманский костюм

Шаманизм остается загадочным явлением. Религиоведы прошлого помещали его вместе с культом предков и личного духа-покровителя (нагуализм) и т. п. на одну из самых ранних ступеней развития религий. Вывод делали, правда, основываясь на частой представленности шаманизма у архаических народов или у тех, кто рассеян в трудных климатических условиях, особенно в северных широтах. Но, во-первых, выяснилось, что шаманизм процветает и в более теплых поясах – в Индонезии, в ИндоКитае, в Индии, у индейцев Мезоамерики. Во-вторых, оказалось, что мимо шаманизма не прошла мысль древнего и средневекового Китая и вполне развитых корейского и японского обществ. Кризис эволюционизма в общенаучном мировоззрении для конкретной проблемы шаманизма показало появление теории Мирче Элиаде. Он считал, что шаманизм не представляет собой самостоятельного верования, что это только особая техника достижения религиозного экстаза²². На состояние теоретического понимания шаманизма повлияло обнаружение разных оттенков религиозной мысли, которые сказались на критической позиции ученых по отношению к теории анимизма Эдуарда Тейлора. Воображение их взволновали верования в особую силу, типа полинезийской маны, в магию. Поэтому анимизм представлялся в некотором роде перенесением философских размышлений в голову дикаря. Но самые последние десятилетия XX в. и начало текущего убеждают в том, что древнему человеку было всегда доступно экзистенциальное осмысление проблем бытия. Только мы еще не умеем по-настоящему понять умонастроения гениальных людей, оставивших потрясающие фрески на стенах палеолитических пещер. Мы смогли проникнуть в их темные коридоры и залы, передвигаясь туда на четвереньках, ныряя в водный бассейн, чтобы вынырнуть в другом зале. Но наше познание прошлого само еще редко поднимается в полный рост. Вот и с испанскими костюмами для корриды и исполнения танцев фламенко нам очень помогло творчество древних людей.

Что касается шаманизма, то интригует уже сам этот термин, поскольку слово «шаман», которым у северных народов иногда называют главное лицо философской драмы, вполне возможно происходит от индийского термина «шрамана». Это слово сначала

пришло с буддизмом в Китай. Изначально на санскрите оно обозначало странствующего аскета. Почему тунгусо-маньчжурские народы через китайцев заимствовали этот термин? Очевидно, потому, что при всей «родовой» замкнутости духовными странствованиями в мистических мирах могли заниматься специалисты, своими познаниями связывавшие разрозненные общества в один народ. Конечно, их учение развивалось. Так, восхождение шамана на небеса по мировому древу могло появиться с тем развитым представлением о мировой оси, которое возникло где-то в V тыс. до н. э. А изображение в пещере «Труа фрер» человека (Франция, палеолит) в маске с оленьими рогами, в шкуре и с конским хвостом специалисты не зря считают изображением шамана.

Тем не менее повторим, что при всей архаичности и самобытности шаманских обрядов у народов Сибири многие черты этого комплекса указывают на юг. Например, жертвоприношение кур и свиней, которых лесные эвенки не разводят, а покупают у южных народов. Эти южные связи намечал уже крупнейший отечественный исследователь шаманизма Сергей Михайлович Широкогоров²³.

Нас интересует не столько генезис шаманского костюма, сколько его ответ на архетипические запросы человека. Опыт, приобретенный в Испании, оказывается крайне необходимым в постижении экзистенциальности одежды вообще и в частности народов далекой Сибири.

Этот опыт рассмотрим по пунктам.

1. Тело в центре Вселенной. Костюм тореро и костюм для фламенко показали, что тело, обзаводясь одеждой, выступает не столько в анатомическом статуарном виде, не как манекен, сколько моделью своего нахождения среди признаков-условий, ранжированных по дистанциям: ближняя (моделирование животного), дальняя (моделирование небесных светил). Это тело может замедлить движение, почти остановиться, когда вокруг него движется бык-время (коррида). Даже страна (Испания) становится временем, когда танец и песня фламенко достигают апогея на пределе жизни. Однако эти остановки – энергетические моменты, выплескивающие заряд энергии.

2. Солнце вокруг тела. Вот и в шаманском костюме на кафтане на спине крепят металлический диск – «солнце». Или на груди прикрепляют китайские медные зеркала толи. Это солнце, дви-

гающееся вокруг тела человека. У чеченцев в мифологии прямо об этом говорится. У грузин есть представление, что счастливые люди имеют на теле между лопатками мистический солнечный диск натцели. Когда такой человек умирает, змеи проникают в могилу, чтобы им завладеть. Это кавказские мифы. А сибирские шаманы надевали сверху своего костюма медные зеркала, иногда по 9 штук, а то и до 18.

3. Вывернутое тело. Испанский жилет для тореро, делавшийся из замши, находит себе аналогию в распашном кафтане сибирского шамана, который делается из шкуры мехом внутрь. Функция этих распашных одежд – прикрыть спину. Реально исторически они восходят к первобытной шкуре, накинутой на плечи. Но в шаманском костюме распашной крой принципиален. Чукотские и эскимосские шаманы вовсе не имеют специального кафтана, глухая одежда этих народов не смогла стать костюмом для камлания. Она сугубо практична. А вот шаманский кафтан более южных народов вынужден был обзавестись развитым нагрудником (знаменитый «тунгусский фрак»), чтобы удерживать тепло. Зато его повернутость мехом внутрь метафизически выворачивает наружу внутренности людей, и поэтому на кафтане появляются изображения костей скелета человека, иногда его сердца и печени. Вывернутость тела шамана нашла выражение в мифологии народов Амура, у которых Вселенная появилась в результате изрыгания ее демиургом. У нанайцев считается, что все предметы шаманского снаряжения вышли изо рта первого шамана в виде камешка и металлической фигурки шаманского духа.

4. Пояс – начало одежды. Только сейчас мы приблизились к тайне широкого пояса тореро. Шаман считается бисексуальным. Таким на деле был авторитетный шаман в 1930–1949 гг. у нанайцев. Одна из главнейших целей шаманских камланий – способствование зачатию детей и духовная помощь роженицам. Часто широкий пояс, аналогичный женскому, – атрибут его наряда, как у чукчей и эскимосов.

Ранее было установлено, что «пояс – один из древнейших предметов обихода человечества»²⁴. Хотя он не был свойствен сложившейся одежде древних греков, тем удивительнее его роль атрибута богини любви Афродиты. Почему он необходим богине? Потому что в поясе были заключены любовь, желания и даже

слова обольщения, т. е. текст-побуждение. «В нем заключается все», – поется в «Одиссее». Этот пояс обладал силой вызвать к его владелице страсть самых независимых из мужских божеств. Гера однажды одолжила пояс у Афродиты, чтобы привлечь к себе внимание своего супруга Зевса²⁵.

Он изображен уже на палеолитических фигурках женщин. В быту же архаических народов, живущих в теплом климате, он иногда составляет единственный предмет одежды. К такому поясу может быть прикреплен фартучек у женщин или фаллокрипт у мужчин. Древнейшая функция пояса – хранилище, он не связан с понятием о стыде. Пояс-хранилище остается элементом одежды современных охотничьих народов. На поясе у мужчины-ханта висят ножны с ножом, пороховница, клыки-амулеты, сумочка с пистонами, кошелек. Функция хранилища у пояса становится обрядовой. Так, у многих народов новорожденных положено перепоясывать. У грузин считалось, что если ребенок умрет, то пояс не даст выпасть из-за пазухи розам и яблокам, которые ему дают на том свете. В быту восточных славян ношение пояса стало даже символом христианского образа жизни. Если явление культуры становится непрременной чертой быта, т. е. когда оно парадигматизируется, нам трудно понять его смысл и тем самым его герменевтику. Тогда следует искать ритуальные, обычно временные отказы от этого явления, чтобы в таком синтагматическом распаде была видна сама его сущность. Пояс снимали во время богослужений в Древней Греции и Риме, а женщины расплетали косы. В старинном русском быту то же делали девушки во время причащения. В Абхазии и сегодня можно наблюдать, как молящийся язычник снимает пояс перед зажжением свечи и обращением к божествам. Последний обряд идентичен белорусскому старому обычаю (на Витебщине), когда новобрачная, войдя в дом мужа, снимала свой пояс и бросала его на печь²⁶. Эти два примера предупреждают, что не следует напрямую связывать с поясом эротику, которая, впрочем, присутствует в этнографических реалиях. В качестве этой последней сошлемся на любовный пояс-лемби у карел: в таком поясе находятся медвежий коготь, ножичек, кусок кузнечного шлака, ртуть, пуля, ячменное зерно, змеиная голова²⁷. Эти предметы магически «закрепляют» любовную силу – они тяжелые, «хватают», ассоциируются с хтоническим низом. Универсалия снятия пояса

представлена в упомянутом обряде абхазов, у русских староверов, у бурят-ламаистов. В ритуалах снятия пояса их смысл противоположен: не парадигматическая концентрация хтонических знаков с их нуминозностью, а синтагматический их распад при символическом движении не вниз, а вверх. Этим достигается метателесное освобождение, энергетическое раскрытие человека.

У эскимосов – морских охотников – есть интересный обряд магической помощи всех женщин поселка в охоте мужчин. Когда последние в море на деле, то все женщины обязательно часами сидят на берегу на бревне. Тогда опасный промысел будет успешным. Этим самым женщины маркируют хтоническую нуминозную мощь, передавая энергию мужчинам. Нечто похожее зафиксировал некогда Н.Н.Миклухо-Маклай у папуасов и обитателей Микронезии. Когда он приблизился на шлюпке с корабля к берегу, где решил поселиться, то присели на корточки все мужчины (женщины скрылись). Когда он сошел на берег, первым поднялся старейшина и пожал пришельцу руки²⁸. Суть обряда вежливости та же – энергетическое благопожелание. В тропиках у народов архаической культуры часто оба пола носят на опоясывающем шнуре сзади только кусок плетенки или шкуры для удобного сидения, вовсе не от стыда.

5. Головной убор – птичья и женская символика. В русском старинном наряде замужней женщины был головной убор, называвшийся сорокой. Ассоциация головных уборов с птицей всемирно распространена. Тут объяснение должно исходить из того же принципа, по которому млекопитающие животные метафорически ассоциируются с маршрутным мужским пространством. Маркировка своего пространства у этих животных делается выделениями организма. Отсюда и хтонизм шкуры в обрядах и в крое одежды. Птицы маркируют свое пространство звуком и это пространство оказывается концентрическим, т. е. «женским». Головные уборы в форме птицы встречаются сплошь и рядом. Или хотя бы несут перышко, как тирольская шляпа. Мужчина в таком уборе ассоциирует себя с женским началом. Вот почему у народов, если у них не появился шаманский костюм, для проведения камлания необходимо надеть головной убор или намотать на голову ткань, как у эскимосов.

6. Уплотнение нуминозного тела. Оно, обозначенное скелетом на шаманском костюме, было воочию увидено Хемингуэем как белая кость, выступившая из раны. Темные недра тела хранят

белый свет. Он существует независимо от медно-красного солнца. Согласно Библии, свет был создан (отделен от тьмы) до создания светил. Коррида и шаманский костюм говорят о том же.

Что дальше происходит с вывернутым телом? Оно интенционально уплощается, в конце концов превращается только в кожу. Такова судьба, по русским верованиям, тела умершего колдуна: от него остается только кожа. Такова судьба шумерской богини Инанны, решившей спуститься в подземное царство мертвых. Перед 7 воротами туда она снимает с себя все 7 предметов одежды. Первыми были сняты украшения, одно из них называлось «О, мужчина, приходи!». Перед «взглядами смерти» она умирает, и от нее остается только кожа, которую хозяева мира мертвых повесили на шесте. Потом богиня была оживлена. Человечество научилось избегать опасных приключений шумерской богини, облачаясь в снятую с животного шкуру. Животное было принесено в жертву, оно своей уплощенностью скрыло внутри себя объем человеческого тела, а то в своей темной полости сохранило первозданный свет. Это животное или любой предмет внешнего мира, сохраняющий нуминозную цельность человеческого тела, стали тотемами. Дойдя до этого драматического пункта, мы почти исчерпали возможности метода философской реконструкции экзистенций одежды. Дальше следовало бы перейти к проблеме происхождения письменности, наносимой на «уплощенное» тело, но это особая тема.

7. Цвет. Костюм и виртуальная полнота бытия – залог удачи. Остается сказать еще вот что. Уникальная и нуминозная цельность человеческого тела, достигаемая средствами одежды, имеет такие элементы, которые принадлежат противоположному полу. Вчера мой сын-кинооператор подарил свое фото с охотником из народности масаи, привезенное из Кении. Охотник на львов держит свое копье. Он одет в красную рубашку туникообразного покрова, происходящую от шкуры с отверстием для головы. Сверху его рубашки много ожерелий из белого металла, символически «женский» элемент. Костюмом масаи устанавливают полноту бытия в себе самом. Поскольку он стоит в центре символического женского пространства. Лев, где-то бродящий вокруг поселка, находится на маршрутном мужском пространстве. Все уровни предварительной полноты бытия соблюдены. Акцентированы 3 архетипические цвета одежды: красный солнца – белый света – и нагота рук и ног –

черный. Тем самым удача в борьбе со львом обеспечена. Цветом костюмов тореро и для танца фламенко. А так же цветами, которыми нарисованы быки на стенах палеолитических пещер.

8. **Аудитория. Last but not Least.** В рассмотрении испанских боя с быком и танца фламенко, иногда в других случаях (сидение эскимосских женщин при морской охоте мужчин) мы касались проблемы соучастия публики. Шаманский обряд и соответствующий костюм обнаруживают активное участие всех членов общества в создании необходимой ситуации. Повсюду отмечается факт, что определенные люди становятся шаманами обязательно, иногда вопреки своему нежеланию. Очень четко это выразила Галина Николаевна Грачева, один из лучших специалистов по народам Сибири. Говоря о шаманах у нганасан, она констатировала: «Каждый участник вкладывал в костюм шамана часть своей жизненности, которая поддерживалась затем дьямада шамана»²⁹. Дьямада – это зооморфный дух, обитающий на Моу-нямы (Мать-земля), которая нганасанам, самому северному народу, носителю древнейшего мировоззрения, представляется огромной шкурой зверя, на которой живут люди и духи. Символики шкуры-подстилки мы уже касались.

9. **Обобщение: центры традиций.** Весь мир – это одежда. Об этом поется в чеченской песне, где девушка упрекает возлюбленного в том, что они еще не выполнили положенного на земле им.

Это небо, сделав буркой,
Не износил ты.
О рожденный не моей матерью.
Эту землю, сделав подошвой обуви,
не истоптал ты.
О рожденный не моей матерью³⁰.

Далее девушка спрашивает парня: «В той темной могиле, где негде шевельнуться бедру, что мы скажем друг другу, если не пройдем вместе по земле?».

Я не знаю, чья энергетика больше, мужская или женская, но более сильного выражения смысла любви как одевания космосом я не встречал. Могу только назвать несколько русских заговоров об одевании космосом. Этот сюжет в русской фольклористике получил даже специальное название «чудесное одевание». По мнению

А.Афанасьева, в этих сюжетах человек отдает себя под защиту высших сил³¹. Вот заклинание из сборника Н.Виноградова: «Заклинают тло девающимся светом, яко ризою, единым, имеющим бессмертие»³². Северорусский заговор из сборника Ефименко: «Надену утреранный белый свет и застегаясь утреранными мелко-частыми звездами»³³. Более развернутый зачин заговора с одеванием знахаря из сборника П.Ефименко: «Стану я, Раб Божий, благославясь. И пойду, перекрестясь, пойду по матери сырой земле, небом покроюсь, зарею подпояшусь, звездами отыцусь»³⁴. Н.Ф.Познанский, обративший внимание на такие заговоры, в Западной Европе находил только отдельные параллели, вроде немецкого: «Небо – мое достояние. Земля – моя обувь»³⁵.

Русские заговоры, как и чеченская песня, восходят к той же традиции, в которой Инанна снимала с себя одежду в поисках в подземном мире своего супруга Даммузи. К этой ближневосточной традиции примыкает сибирский шаманизм. Видимо, перед нами некая общая зона происхождения одежды. Другая зона расположена в древней Западной Европе. Скорее всего, нисхождению в подземный мир (мотив Инанны и Персефоны) на западе Европы соответствовало проведение обряда в темноте палеолитической пещеры.

Примечания

- ¹ *Флюссер В.* За философию фотографии. СПб., 2008.
- ² *Кампер Д.* Тело. Насилие. Боль. СПб., 2010. С. 65–86.
- ³ *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.
- ⁴ *Руткевич А.М.* Жизнь и воззрения К.Г.Юнга // *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991. С. 15.
- ⁵ *Аверинцев С.С.* Символ // *София-Логос.* Киев, 2001. С. 155–161.
- ⁶ *Пятигорский А.М.* Избр. тр. М., 1996. С. 88.
- ⁷ *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. М., 1997. С. 202.
- ⁸ *Руткевич А.М.* Указ. соч.
- ⁹ *Фрейдберг О.М.* Мифы и литература древности. М., 1978. С. 123.
- ¹⁰ *Никитин В.А.* История и методология // *Вопр. методологии.* 1992. № 3–4. С. 32.
- ¹¹ *Евреинов Н.* Театр как таковой. СПб., 1912. С. 36–37.
- ¹² *Дугаров Д.С.* Орнитоморфная символика женского костюма некоторых тюркско-монгольских народов // *Материальная и духовная культура калмыков.* Элиста, 1983. С. 36–52. См. также: *Бадмаева Р.Д.* Бурятский народный ко-

- стном. Улан-Удэ, 1987; *Сычев Д.В.* Из истории калмыцкого костюма. Элиста, 1973. А также классическое исследование: *Hansen Henny H.* Mongol Costumes. National Museets Skrifter. Ethnografisk Bockke, III. Kobenhavn, 1950.
- 13 *Садомская Н.Н.* У порога корриды // Сов. Этнография. № 6. С. 113–128.
- 14 *Hemingway E.* Death in the Afternoon. N.Y., 1932 (публикация в интернете).
- 15 *Pitt-Rivers J.* La lumiere et de lunes: analyse de deux vetements andalous de connotations festive // Vetement et societes 2. L'Ethnographie. Numero speciale 92-93-94/1984. P. 248.
- 16 Фламенко. Происхождение слова (сайт в Интернете).
- 17 *Лорка Ф.Г.* Избр. произведения: В 2 т. Т. 2: Стихи. Театр. Проза. М., 1986.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 *Pitt-Rivers J.* Op. cit. P. 245–254.
- 21 *Индия – родина фламенко?* <http://sahajayogalive.wordpress.com/2008/03/29/indialucia/>.
- 22 *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 2000.
- 23 *Широкоротов С.М.* Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919.
- 24 *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 26–28.
- 25 *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. М., 1992. С. 37, 47; Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 133–134.
- 26 *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. Вып. 1. М., 1878. С. 38.
- 27 *Любимов И.* Из пережитков прошлого карел // Этногр. исслед. 1927. № 1.
- 28 *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. III. Ч. I. М.–Л., 1950–1954. С. 148.
- 29 *Грачева Г.Н.* Комплект шамана // Сборник Музея антропологии и этнографии XXXVII. Л., 1981. С. 78.
- 30 Чеченская песня, перевод которой мной сделан совместно с С.-М.Хасиевым.
- 31 *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1994. С. 419.
- 32 *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы. М., 1909. № 197.
- 33 *Ефименко П.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. С. 22.
- 34 Там же. С. 43.
- 35 *Познанский Н.Ф.* Заговоры. М., 1995. С. 78.

ВИРТУАЛИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИКЕ

О.В. Попова

Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего

Феномен детства в его самобытности и уникальности до сих пор не раскрыт в современной научной мысли. Обилие информации, посвященной проблемам детства, не имеет систематического единства даже в рамках конкретных научных дисциплин (педагогика, психологии развития, социологии детства, ювенального права, педиатрии), продуцирующих зачастую содержательно и предметно разные дискурсы о детстве. Преодоление столь несогласованного объема знаний о детях требует в идеале создания междисциплинарного знания, где этот феномен предстал бы во всей своей специфике, а ребенок как объект исследования мыслился бы не редуционистски как отдельное, изолированное явление, обладающее особым «смыслом». Здесь должна бы быть реализована интуиция, что ребенок есть предмет единый, а следовательно, должен исследоваться в рамках одной науки. Однако история понятия детства показывает, что приоритетной тенденцией в рассмотрении данного феномена являлась совокупность перспектив и стратегий его постижения, в контексте которых феномен детства теряет свое внутреннее достоинство, будучи зависимым от описаний «мира взрослых». Ребенок не может говорить о себе, его голос как бы нуждается в онтологической доработке, которую по сложившейся традиции делегировали взрослым. Последние как субъекты имеют дело с осмысленным миром и сами привносят в него значения, приписывая тому или иному явлению определенную ценность. В отношении проблем детства эта особенность мироотношения выливается на практике в субъективное понимание потребностей ребенка: даже если действия взрослых по отношению

к нему основаны на желании оказать ему благо, сама дефиниция последнего задается взрослым, без участия ребенка, позиция которого в отношении блага и ценностей, как правило, оказывается представленной, только если она совпадает с позицией взрослого либо в том случае, когда ребенок достигает определенной степени зрелости и находится в своего рода лиминальном состоянии, осуществляя выход за пределы «детскости».

Поиск смысловых единиц относительно феномена детства выявляет следующие взаимосвязанные компоненты. Его можно рассматривать как научный конструкт, в этом смысле оно является собой интерпретацию отдельного среза жизни ребенка различными научными дисциплинами: медициной, психологией, педагогикой и т. д. Детство как социоаналитическая абстракция находится в тесной зависимости от таких абстракций, как род (поколение), политика, культура.

Образы детства варьируются в соответствии с доминирующими в рамках той или иной эпохи культурными настроениями и алгоритмами мышления. В частности, И.С.Кон выделил следующие образы детства: 1) эпоха классицизма: детство как уклонение от нормы, т. е. от взрослого состояния; 2) эпоха Просвещения: ребенок как объект воспитания, детство как этап подготовки к будущей социальной жизни взрослых, отсутствие понимания детства как самоценности, функциональная его оценка; 3) эпоха романтизма: детские дети, которые ценны сами по себе, обладатели максимума возможностей, которые затем, в процессе взросления, рассеиваются и теряются; 4) реализм XIX в.: интерес к детству, проходящему в неблагоприятных, а порой жестоких социальных условиях; 5) в XX в. происходит все большее и большее усложнение и обогащение граней детских образов, все более тонко и подробно вырисовываются характеры детей¹.

Ребенок в истории гуманитарной мысли до второй половины XIX в., как свидетельствуют исследования социологов, культурологов, историков медицины и философов, не был предметом особого интереса со стороны интеллектуалов. О детстве речь шла преимущественно как о преходящем периоде человеческой жизни; ни в коем случае не предполагалось тотальной детерминации детским периодом всей последующей взрослой жизни, как это характерно для современной западной культуры, заданной психоа-

налитической парадигмой. Кроме того, детство рассматривалось (за исключением сочинений с педагогической направленностью) лишь постольку, поскольку человек проявлял особенный трепетный интерес к началу собственной жизни, точно так же как геронтологическая проблематика осмысливалась в основном, поскольку неизбежной оказывалась проблема смерти и глубокой старости.

Исследование детства во все времена предполагало оперирование характерными для того или иного исторического периода категориями, задававшими пульсацию мысли, но в то же время и ограничивающими непредвзятое рассмотрение его целостного существования. Детство вызывало различные оценочные суждения, а модель ребенка, господствовавшая в ту или историческую эпоху, задавала соответствующее к нему отношение.

Исследование представлений и понятийного инструментария многочисленных дискурсов о детстве, легитимизированных в различные интеллектуальные эпохи, позволит прояснить «смысл» этой категории, а также оценить правовой и моральный статус ребенка, закладываемый современной эпохой.

1. Образ детства в эпоху Античности и Средневековья

Очевидно, что правовой статус ребенка в эпоху Античности практически отсутствовал и имело место инструментализируемое, техническое обращение с ним как с вещью, собственностью и т. д. Обращение с детьми, имевшие место телесные практики: принесение их в жертву, убийство младенцев с уродствами в Спарте, использование детей в качестве рабочей силы, лишение их жизни в ответ за провинности и т. д. – показывали отсутствие признания в ребенке собственного достоинства, самости и фиксировали как раз, что этими качествами обладают полноправные взрослые.

В то же время однозначная оценка этих практик невозможна: мы даем ее в контексте современного этико-правового мышления, эталоном которого, в частности, служит Конвенция о правах ребенка.

Вместе с тем, например, такая практика, как принесение в жертву ребенка, оправдывалась в рамках религиозного мировоззрения. В.С.Соловьев в произведении «Оправдание добра» отме-

тил, что «принесение родителями в жертву богам своих детей никак не доказывает отсутствия жалости или родительской любви, а, напротив, предполагает это чувство; ведь главный смысл этих жертв состоял именно в том, что убивались любимые дети; если бы то, что жертвовалось, не было дорого жертвующему, то сама жертва не имела бы никакой цены, т. е. не была бы жертвой»². В таком случае можно говорить не о низком статусе детства, а об изначально высоком отношении к божеству, на фоне абсолютного существования которого существование не только ребенка, но и человека вообще выглядело ничтожным.

Со времен античности детство рассматривается как ущербное, зависимое состояние, преодолеть которое помогает сама природа через естественное развитие индивида и включенность ребенка в социум с его воспитательным воздействием, осуществляемым взрослыми. Детство как состояние неполноценности и неполноправности оправдывалось своим будущим взрослым состоянием. В этом плане значима позиция Аристотеля, полагавшего, что заниматься философией должны только зрелые люди. Его взгляды можно рассматривать и как признание определенной ущербности состояния до-взрослости, характеризующегося подверженностью чувственным порывам, непостоянством в суждениях, то есть недоразвитой разумностью, что априори предписывалось детям и молодым людям. Общей тенденцией для Античности является понимание детства как состояния ограниченной свободы. Выход из него расценивался как обретение автономии, переход от зависимого состояния послушания к равноправному диалогу совершеннолетних граждан. Модель ребенок – взрослый в античном обществе (в частности, если опираться на «Никомахову этику» Аристотеля) основывалась на выраженных патерналистских отношениях. Проблема прав ребенка не заботила никого в античную эпоху. Достижение автономии было следствием прохождения всех необходимых ступеней развития для обретения качеств полноценного человека. Ребенок не мог сравняться в отношении своего статуса со взрослым, поскольку тем самым бы уничтожил естественную иерархию сил и способностей. Здесь могла действовать схема, характеризующая отношения раба и господина: первый не мог претендовать на место второго, фактически являясь телом господина, а следовательно, его собственностью. Платон в «Законах» эту мысль выра-

зил достаточно отчетливо в своей педагогической концепции: надо наказывать детей, однако так, чтобы не задеть их самолюбия; здесь следует поступать так, как обычно и делают в отношении рабов: не надо позволять тем, кто наказывает, оскорблять подвергающегося наказанию, так как это вызовет у него раздражение, но нельзя и баловать отсутствием наказаний.

Христианское отношение к ребенку значительно отличается от античного. В рамках религиозной доктрины христианства период детства мыслился сопряженным с определенными нравственными характеристиками. Особая близость ребенка к Богу, его моральная незапятнанность эксплицируются в теологических спорах из призыва Христа: «Будьте как дети». Руководствуясь этими словами, русский православный философ и педагог В.В.Зеньковский заметил, что «детская духовная жизнь, духовная организация как тип ближе стоит к идеалу, чем наша»³. Одна из заповедей блаженства: «Блаженны нищие духом», – как раз указывает на идеал человека как не испорченного социальной жизнью, открытого для того, чтобы в него вошел Святой Дух. И ребенок в таком случае онтологически оказывается наиболее приближенным к такой простоте и открытости, незаполненности ничем лишним, что могло бы его отвлечь от спасения. Детство во временном измерении имеет свои границы, но в аспекте вечности они снимаются словами Христа: «Будьте совершенны как совершенен Отец Ваш Небесный», показывая, что все люди оказываются перед Абсолютом абсолютно неопытными, несовершенными детьми. Детство в христианской традиции упоминается также в связи с концептами греха и невинности. «Кто не примет Царства Божьего как дитя, тот не войдет в него» (Мк 10:15).

В то же время подобное положительное проявление внимания к ребенку скорее в большей степени характеризует этику Нового Завета, чем средневековое мышление. Французский исследователь Филипп Ариес подметил, что в средневековом искусстве преобладало подчеркнуто незаинтересованное отношение к детству, до XVII в. оно не знало детства, или во всяком случае не было ни одной попытки его изобразить. Ариес предполагает, что это свидетельствует не столько о неумении или отсутствии изобразительного мастерства художников, сколько о том, что в том мире не было места детству.

2. Ребенок в эпоху Просвещения и Новое время

Философские воззрения на природу ребенка, начиная с эпохи Просвещения, носят противоречивый характер. С одной стороны, ребенок продолжал рассматриваться как объект манипуляций со стороны взрослых, который с необходимостью должен быть сконструирован социумом с целью обретения полноценности, субъектности, а с другой – изменение общественных нравов в плане обретения автономии от догматического мышления Средневековья провоцировало появление нового подхода к ребенку как к личности. Философия Руссо в этот период сыграла, конечно же, немаловажную роль. Ребенок у него не просто объект педагогической власти взрослого, а субъект – объект свободного воспитания, под которым подразумевается не столько формирование необходимых качеств, сколько раскрытие и развитие уже имеющихся. В то же время свободное воспитание было спроектировано исключительно на мальчиков. Тот же Руссо рассматривал развитие девочек в строгом соответствии с имеющимся культурным канонем женщины как жены и матери, призывая к воспитанию у них задатков, обеспечивающих подчинение их собственной воли воле мужчины.

Если рассматривать статус ребенка в XVIII в., по крайней мере в рамках идеологии французских просветителей, то очевидным становится имеющая место определенная степень безличности его существования. Впрочем, эта характеристика относится не только к ребенку, но к человеческому существу вообще, контекст существования которого строго детерминирован естественными причинами. Эта тенденция характерна для философии французского материализма в целом и в частности для философии Гольбаха. В частности, в «Системе природы» он отмечает, что «голым и беспомощным» посылает природа человека в этот мир, при этом его рождение и развитие зависит от причин, лежащих вне его власти, и от рождения до смерти он непрерывно изменяется под воздействием причин, которые вопреки ему влияют на его организацию, видоизменяют его существо и определяют его поведение.

Наряду с отношением к ребенку как продукту рода или следствию безличностной природной детерминации, в том же XVIII в. на бытовом уровне в качестве социальной практики зарождается тенденция, которая становится провозвестником будущего на-

деления детства особым смыслом: дети в результате воспитания, проходившего в детской комнате, оказались изолированными от взрослых, в это же время возникает такое явление, как детская мода, что указывает на тенденцию отделения мира детей от мира взрослых, утверждение детства как такового и его права на свободу выражения и движений. Дизайн детского пространства стал первой ласточкой грядущего эбби-дизайна.

В Новое время закладываются предпосылки современного либерального отношения к ребенку, с его акцентом на правах ребенка и на свободном развитии его личности. Либеральные взгляды, основанные на постулатах философии Дж.Локка, опираются на его представление о естественном состоянии всех людей, а это – полная свобода в отношении их действий и распоряжения своим имуществом и личностью⁴. Одинаковое природное равенство, получаемое при рождении, у Дж. Локка становится залогом политического. Ребенок еще с рождения призван быть свободным, это естественное состояние человека, его право. В то же время за ребенком не закреплялась полнота всех прав.

Постепенная юридикация мышления, особый акцент на правах человека вызвал потребность в прояснении самого понятия «человек», требуя осмысления специфических критериев человеческого. Одним из антропологических нормативов Нового времени, особенно после восхода звезды И.Канта, являлся человеческий разум. Впрочем, кантианское идейное наследие вполне коррелировало с картезианскими представлениями о человеке как существе прежде всего разумном. В то же время статус ребенка (не говоря уже о человеческом плоде) в таком случае оставался проблематичным. Ребенок по критерию разумности не вполне соответствовал представлению об идеальной модели человека, о полноценном субъекте.

Уже Фихте в «Основах естественного права» подвергает критике кантовский категорический императив, пытаясь определить круг субъектов морали, к которым можно применить понятие разумности: «Кант говорит: поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть принципом всеобщего законодательства. Да, но кто же все-таки должен относиться к царству, управляемому этим законодательством, и находиться под его защитой? ... Тогда мне говорят: само собою разумеется, что речь идет только о существах,

способных иметь представление о законах, то есть о разумных существах; тут мне предлагают вместо одного неопределенного понятия другое, столь же неопределенное, но никак не ответ на мой вопрос. Ведь откуда же я знаю, какой именно объект есть разумное существо: то ли только белый европеец, или также и черный негр, то ли только взрослый, или же и ребенок тоже подлежат защите со стороны этого законодательства, и не лучше ли было бы отнести сюда также и преданных домашних животных?».

Деонтологический подход Канта не удовлетворял Фихте. Критерий разумности – не единственный, по которому можно судить о представителе рода людского. Человеческая телесность также уже предполагает наличие специфических черт, наделяющих его особым статусом в природе.

В «Основах естественного права Фихте пытается найти естественные причины, позволяющие обеспечить защиту человеку на всех этапах его развития. Основанием морального отношения, по Фихте, выступает подобное собственному человеческое тело, один взгляд на которое позволяет рассматривать другого как человека. Ребенок же своей крайней беспомощностью, в том числе и своего разума обнаруживает человечность саму по себе, понимаемую не в моральном, а скорее в физиологическом смысле, в качестве крайней уязвимости и беззащитности, которая полностью противопоставляет человеческое существование более приспособленному к условиям среды состоянию животного мира. Критерием человечности становится для Фихте не абстрактно взятый человеческий разум, а человеческая деятельность. Детская беспомощность, требующая поддержки со стороны социальной жизни, морально обязывает к заботе, полагая тем самым смысл самого рода: «И здесь прежде всего выказывает себя родовое в роде. Как дерево продолжает свой род, сбрасывая плоды, так человек сохраняет себя в качестве рода путем ухода за беспомощным новорожденным и его воспитания. Так разум производит сам себя, и только так возможен прогресс его совершенствования. Члены рода становятся зависимыми друг от друга, и каждый ныне живущий сохраняет в себе духовное наследие всех предшествующих»⁵. Человеческая индивидуальность, а тем более самоценность ребенка в таком контексте, конечно, теряется, однако поскольку человек оказывается ценен лишь в осуществле-

нии человеческого как родового, это в неизбежностью предполагает особую заботу обо всех членах этого рода, в особенности о детях. Очевидна беспомощность человеческого существа, требующая взаимопомощи со стороны рода: если человек – «животное, то очень несовершенное животное, и именно поэтому он не животное... как только он покидает лоно матери, природа прекращает заботу о нем и как бы бросает его». В то же время человек оказывается сильнее животного благодаря своей потенции человеческого: «человек как таковой не есть воспитанник природы, а еще должен таким стать»; «даже положение новорожденного – на спине – придано ему, чтобы подготовить его будущий способ передвижения». Идеал человеческого развития, по Фихте, состоит в обретении свободы как независимого от чувственности качества человека. В связи с этим Фихте отмечает необходимость воспитания человека с целью развития в нем свободы духа. Животное начало в человеке существует лишь для того, чтобы воплотить свободный дух в чувственном мире.

В то же время моральное отношение, которое предполагает восприятие Другого в качестве того, по отношению к кому я несу обязательства, основывается на видении этого Другого (младенца, ребенка) в качестве уязвимого, хрупкого момента бытия.

Итак, ребенок, если рассматривать его сквозь призму представленных выше историко-философских взглядов, интересен не сам по себе, а лишь тем, что он отражает законы мироздания, является свидетельством естественности законов природы и родовой жизни общества.

Пожалуй, единственным среди философов, кто смог впервые ярко выразить идею самоценности ребенка, был Ф.Ницше. Речь идет о его программном произведении «Так говорил Заратустра». Ницше в определенном смысле опирается на христианскую модель отношения к детям, сохраняя интенцию христианства о чистоте и невинности ребенка. Читаем у него: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения». Вместе с тем ребенок интересен для Ницше еще и тем, что своим способом существования он утверждает бытие обладающего «волей к власти» человека. Ребенок – это тот, кто пока еще не подчинен стадному, конформистскому способу существованию, чья воля и образ пове-

дения определяется не долженствованием, а эгоистическим, подчиняющим волю других людей лозунгом «Я хочу», «святой волей утверждения».

Интересно отметить также следующее: Ницше как бы подготавливает будущую идеологическую платформу для современных практик планового (сознательного, разумного) деторождения. Ребенок рассматривается им как венец брака («Брак – так называю я волю двух создать одного, который больше создавших его»), однако он отрицает природную спонтанность и естественность, которая и приводит к рождению ребенка. В устах Заратустры подобная позиция выражена следующим образом: «Но я спрашиваю тебя: настолько ли ты человек, чтобы иметь право желать ребенка? Победитель ли ты, преодолел ли ты себя самого, повелитель ли чувств, господин ли своих добродетелей? Так спрашиваю я тебя. Или в твоём желании говорят зверь и потребность? Или одиночество? Или разлад с самим собою? Я хочу, чтобы твоя победа и твоя свобода страстно желали ребенка. Весь этот пафос имеет под собой вполне отчетливую логику сострадания: у какого ребенка нет оснований плакать из-за своих родителей?».

Анализ феномена детства в Новое время выявляет пересечение ряда тенденций: с одной стороны, закладка правового фундамента либеральной философией Дж. Локка создала предпосылки для будущего распространения доктрины естественных прав ребенка. В то же время акцент на разуме как критерии человечности не предполагал за последним никаких особых прав и ставил под сомнение вообще необходимость защиты его со стороны законодательства и фактически отдавал ребенка полностью во власть взрослого. В то же время, в том же XVIII в. в философии Просвещения детство идеализируется как состояние, этап жизни, на котором не существует отчуждения, характерного для мира взрослых. Для XIX в. характерен особый социализирующий стиль отношения к детям, ребенок мыслится объектом социализации, его готовят к будущей самостоятельной жизни. Появление массы свидетельств о беспощадной эксплуатации ребенка констатирует отсутствие детства как такового у определенных социальных групп и в то же время вызывает интерес к проблемам детства. Лишь с конца XIX в. с развитием урбанизации и индустриализации детство становится универсальным феноменом, охватывающим все слои населения⁶.

3. Современные представления о детстве: автономия и взаимозависимость

Каков статус современного ребенка? Ответ на этот вопрос предполагает оценку специфических социальных и культурных современных условий, в которых проходит его развитие. Если социализацию понимать как процесс развития личности, осуществляющийся в результате зависимости от социальных норм, то какая роль в этом процессе отводится ребенку – пассивного реципиента со стороны социума либо активного соучастника социальной жизни?

Человек является творческим участником процесса социализации, самоосуществляющим себя в процессе взаимодействия со средой. Специфической особенностью современной социализации является развитие ребенка в пространственно-временной структуре современных институтов. Социальное институализированное пространство дома, детского сада, школы предоставляет возможности для развития и приобретения опыта за счет интеракций с другими людьми и совершения действий-поступков. Происходит смена модели понимания детства: ребенок отдаляется от родителей, будучи помещен в пространство институтов, которое, как правило, определяет его развитие всю оставшуюся жизнь. Это осуществление достаточно насильственной детерминации личности институциональным путем можно расценивать как собственническое. Само развитие ребенка задается и корректируется некими абстракциями: учебными планами, инструкциями, представлениями, прошедшими процесс легитимизации. Уличная социализация в меньшей степени характеризует современного ребенка, на ранних этапах своего развития он, как правило, в особенности в городской среде, изолирован от своих сверстников с целью защиты его безопасности. Детство теперь требует больше планирования, характеризуется потерей спонтанности, зачастую постоянным контролем за перемещением ребенка, социальные контакты осуществляются в определенное время в определенном месте, часто в рамках тех или иных социальных заведений и в одних и тех же социальных кругах.

Институализация жизни ребенка указывает на особую зависимость от социального мира, в котором протекает его развитие. Она своей оборотной стороной имеет нивелирование личност-

ного развития, стандартизацию и подгон под конвенционально утвержденные шаблоны, пересекается с рядом других фундаментальных тенденций, задающих представление о ребенке в современном социокультурном пространстве. Среди них можно выделить следующие: либерализация и становление культуры потребления, развитие феминистских тенденций и биомедицинских технологий. Они коррелируют с утверждением рыночной модели детства.

Э.Левинас отмечает, что «пафос либерализма... направлен на то, чтобы стимулировать появление самодостаточной личности, то есть именно “я”»⁷. Классическое значение либерализма связано с обозначением социального порядка, характеризующегося свободными рыночными отношениями, правительством, ограниченной властью законов, и приоритетом личной свободы. Остановливаясь на последней характеристике либерализма, отметим: зачастую упускается из виду, что акцент на автономии, который подхватывается взрослым населением планеты, особенно в западных странах, может оборачиваться унижением тех, кто не обладает достаточной степенью таковой. К таким социальным категориям относятся и дети. Придание детству статуса неинструментализируемой ценности, ценности-в-себе, характерное для современного правового мышления, автоматически вызывает этос защиты детства. В этом отношении подтверждением особого положения последнего является констатация его правосубъектности, характеризующаяся правоспособностью.

А она в смысле обеспечения абсолютно значимыми фундаментальными правами фундирована на представлении о человеке как родившемся существе. Полноценным субъектом права априори считается, достигший определенного этапа взросления, характеризующегося в соответствии с либеральными стандартами мышления определенной степенью автономности своего тела и самостоятельно осуществляемой жизнедеятельностью на основе руководства собственным разумом. Это характеризует независимый правовой статус.

В то же время подобные критерии ущемляют, например, положение неродившегося ребенка, которому отказывают в статусе субъекта права, что создает возможность различного рода манипуляций, делая его существование крайне уязвимым.

Развитие ребенка в современных реалиях либерализации жизни помещено в достаточно жесткую структуру отношений. Одним из проявлений западного освобождения во всех сферах жизни стало наступательное движение феминизма. Очевидно, что в этом проявляется определенный политический смысл. Эрих Фромм по поводу таких тенденций освобождения женщин достаточно жестко заметил, что равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины. Этого требует современное общество, нуждающееся в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате. Подобное равенство, прикрываемое и оправдываемое дискурсом автономии женщины, негативно сказывается на статусе детства: ребенок все чаще начинает рассматриваться как обременительный элемент, как тот, кто способен посягать на права Другого (например, женщины, которая хочет инструментально распоряжаться собственным телом).

Симона де Бовуар в послевоенное время отмечала, что женщины, закованные в собственные тела, являются жертвами воспроизводства рода. Только преодолев свою физиологию, из-за которой женщина обречена вечно жить на коленях, можно стать полноценным человеком, субъектом. Пренатальное развитие ребенка в контексте подобных феминистских лозунгов, как правило, не предполагает постулирования его обособленности, оно рассматривается как часть телесных процессов, касающихся только женщины. Об индивидуальности плода, его правах, согласно этой логике, не может идти речи. В то же время положительной тенденцией некоторых современных феминисток (В.Бергум, Л.Иригарей и др.), является смещение акцентов в рамках самого феминизма с постулирования автономности взрослого человека (женщины) к формированию представлений о сущности человека, выражаемой через диалогические отношения «ты и я», а не просто «Я». Так, за понятием взаимозависимости у В.Бергум стоит тот факт, что ребенок не является отдельным существом, но и не сливается по своим онтологическим характеристикам с матерью. До своего рождения он как бы пребывает в «подвешенном» состоянии. Для В.Бергум важно подчеркнуть, что развитие ребенка не предполагает потерю индивидуальности матерью, женщина не является пассивным вместилищем, процесс беременности представляет собой соразвитие.

Практически в духе философских идей Фихте она рассуждает о том, что именно слабость Другого вызывает этическую необходимость действовать, порождает ответственность.

Ход рассуждений В.Бергум воспроизводит основополагающие послылки философии Э.Левинаса. Он подчеркивает, что самое существенное в человеческой личности – это ее относительность и взаимозависимость по отношению к другим, нами руководит «бесконечное обязательство каждого по отношению к другому человеку», о чем нам с наибольшей непосредственностью напоминает лицо другого (взгляд новорожденного в интерпретации В.Бергум). Значение деторождения («плодовитости») неизмеримо глубоко. В «плодовитости» осуществляется желание, противопоставленное потребности, не являющееся нехваткой. В плодовитости субъект трансцендирует, не теряя самого себя, он обретает себя в ребенке в новом качестве. Рождение ребенка связывает нас с абсолютным будущим или с бесконечным временем. «В плодовитости скука от повторения проходит, в ней “я” – другой, молодой, а самость, передавшая свой смысл и свое будущее другому существу, не утрачивает себя в этом самоотречении. Плодовитость продолжает историю по ту сторону старения: бесконечное время не обеспечивает стареющему субъекту вечной жизни. Он – лучший в цепи поколений, поддерживаемый чередой юношеских лет своих детей⁸. Ребенок у Э.Левинаса, не являясь собственностью взрослых, в то же время и не обладает выраженной индивидуальностью, поскольку «мой ребенок – это я сам». Но в то же время я сам не есть тождественное Я, а являюсь, следуя логике Э.Левинаса, своим отцом. В таком превалировании родового над индивидуальным понятие индивидуального, а тем более автономного, корректируется взаимной соотнесенностью всех членов человеческого рода через деторождение, что в целом напоминает ход рассуждений Фихте. В этом ключе отношения между ребенком и родителем или между отцом и сыном) есть это отношение «я» к своему «я» как другому, нетождественному моему «я», а состояние отцовства представляет собой возвращение «я» к себе самому. «Быть своим сыном означает быть “я” в собственном сыне, субстанциально находиться в нем и в то же время не быть в нем идентичным образом⁹».

Понятие автономии и взаимозависимости особым образом артикулируется в контексте интенсивного развития технологий, которые все чаще проявляют себя как технологии власти. Современ-

ный уровень их развития отбрасывает представление о неизменности физической природы человека. Искусственное поддержание жизни, генетический контроль будущих поколений, клонирование и трансплантация искусственных органов меняют представление о самом человеке, он все более представлен как сделанное (артефакт), предмет эстетических и властных манипуляций. В первую очередь воздействие механизмов биовласти способны испытать на себе наиболее незащитные, уязвимые в своем статусе люди: дети, больные, материально необеспеченные и лица преклонного возраста, то есть те, к кому не применимо распространенное либеральное понимание автономии.

Резкой критике подверг тенденцию вторжения биотехнологий в соматические основания морали Ю.Хабермас. Он обратил внимание на то, что в случае либерализации евгенических проектов взрослые могут начать рассматривать желательный генетический арсенал потомков как продукт, форму которого можно изменять, придумывая по собственному усмотрению подходящий дизайн¹⁰, в результате чего возникнет такой тип управления, который вторгнется в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности. Этот тип управления определяет Другого, подвергающегося воплощению индивидуальных предпочтений участников рынка, в качестве вещи, продукта.

Ю.Хабермас подчеркивает, что существует жесткая нормативная взаимосвязь между неприкосновенностью личности, обоснованной как на моральном, так и на правовом уровне, и неподчиненностью другим лицам естественно растущего модуса ее телесного воплощения. «Нечто может быть выведено из сферы нашей власти по моральным основаниям и не являясь “неприкосновенным” в смысле неограниченных или абсолютно значимых фундаментальных прав»¹¹.

Взгляды Ю.Хабермаса можно рассматривать как предостережение против актуализировавшейся в последние десятилетия идеи проектирования человека, в основании которой лежит убеждение в необходимости совершенствования и «доработки» человеческой природы. Следует отметить, что контекст развития этой идеи носит не только теоретический, но прежде всего практический характер. Достижения молекулярной биологии, развитие информационных, когнитивных и нанотехнологий и предельно широкая многообеща-

ющая интерпретация результатов их конвергенции способствуют не только утверждению редуccionистских трактовок человека, но и созданию социальных утопических проектов. При этом предметом особого внимания становится ребенок. Именно на него, «обработанного» всевозможными технологическими «шедеврами», возлагается миссия «оздоровления» слабого и изможденного человеческого сообщества.

4. Российский ребенок будущего: особенности форсайт-проекта «Детство-2030»

В апреле 2008 г. благотворительным фондом «Мое поколение» на площадке Общественной Палаты РФ был инициирован форсайт-проект «Детство – 2030». Он был официально заявлен на проходившей в Шанхае выставке «ЭКСПО-2010» в качестве российской программы вхождения в XXI в.

Переход России на инновационный путь развития и ее включение в мировую конкуренцию представляет патриотический вариант «грезы о благоденствии» – стратегической цели общественного развития. Движение к этой цели, по мнению авторов проекта, тормозится отсутствием концепции детства в России. Именно она призвана обосновать стратегию развития той части населения, на плечи которой в будущем ляжет задача создания инновационной экономики.

На основе анализа существующих российских стереотипов в отношении детства авторы проекта подчеркивают, что доминирующим типом дискурса в России является «оградительное детство». Его главный признак – постулат необходимой изоляции детей от мира взрослых. В социально-экономическом отношении он характеризуется той особенностью, что «системы поддержки маргинальных слоев» отдаются на откуп государству (правоохранительным органам), что, по мнению авторов, «приводит к развитию иждивенчества и воспроизводству маргинального слоя, а не к его социализации»¹².

В связи с такой характеристикой сразу бы хотелось акцентировать внимание на том, что ставка на инновацию, за которой, как правило, стоит дискредитация традиционных иерархических систем ценностей, предполагает замену их другими, которые могут

быть привлекательны не столько своим содержательным планом, обещающим прогресс, сколько новизной и непознанностью, манящей эстетикой. Однако отвержение старого, уничтожает вместе с ним и алгоритмы решения тех или иных социальных задач¹³. Проект «Детство – 2030» страдает такого рода однобоким восхищением инновацией в различных сферах жизни. Отбрасывание в сторону доктрины «оградительного детства» выглядит по меньшей мере нелогичным, поскольку данная концепция в российском социально-экономическом пространстве в связи с отсутствием механизмов реализации всегда носила лишь «виртуальный» характер. В отношении России скорее следует вести речь о доктрине «заброшенного детства», являющейся прямым следствием отсутствия целенаправленной государственной политики в области прав ребенка и слабой выраженности государственных «оградительных» механизмов, обеспечивающих его полноценное развитие.

Пристального внимания требует также понятие «маргинально-го слоя». Не вдаваясь в прояснение того, что понимается под этим – то ли сами дети, то ли наиболее уязвимые, финансово неблагополучные категории граждан вместе с детьми, авторы вводят его в анализ двух проблем современной России: иждивенчества и перенаселения маргиналами. Эти проблемы рассматриваются в качестве негативного следствия действия механизмов социального распределения.

Альтернативный путь видится в переходе «от распределительной-обеспечивающей системы на систему построения социальных лифтов для разных слоев населения»¹⁴. Данный пункт, равным образом как и игнорирование проблем детей уязвимых категорий граждан, в том числе мигрантов, применение методов генетической манипуляции в целях создания детей с заданными свойствами свидетельствуют о латентной направленности проекта на селекцию детей. Евгенические коннотации звучат также в постановке проблемы «качества» населения, для решения которой предлагается привлечение «качественной» детской миграции.

Дискурсу «оградительного детства» противопоставляются более «выгодные» – «прикольного» и «компетентного детства». Первый связан с разработкой целого ряда инновационных направлений развития ребенка: новым родительством, перемещением расходов в пользу детства, развитием индустрии детских товаров и сервисов, появлением детской моды. Второй направлен на форми-

рование самостоятельности ребенка, в том числе на определение собственного стиля жизни, принятие независимых решений, построение собственных стратегий образования. Ребенок здесь рассматривается как субъект экономических отношений, вступающий в деловые игры с миром взрослых, более того, конкурирующий с ними как равный участник.

Хотелось бы подчеркнуть, что в XX в. рыночная модель, придающая ребенку инструментализуемый онтологический статус, была признана в отношении детского периода развития недееспособной. Модификация существующей концепции в России в сторону «компетентного детства» характеризуется возвратом к этой рыночной и по существу более старой, изжившей себя модели. Информационное общество способно предоставить ребенку новые сферы занятости на рынке труда, которые будут отличаться, например, от фабричных, но тем не менее они не потеряют своих механизмов экономического диктата и принуждения. Кроме того, в качестве соучастников экономического процесса дети должны стать инвесторами собственного развития.

Призыв к формированию новой социальной группы, состоящей из детей и преследующей экономические интересы вследствие наличия определенного капитала – результата заработка, который должен стимулировать развитие сектора детских товаров и услуг и тем самым обеспечивать развитие капитализма в этом направлении, манифестирует прежде всего ценность рыночной экономики, но не ребенка. Ребенок становится значим лишь как «конкурентноспособный человеческий капитал»¹⁵.

В проекте прослеживается отчетливая взаимосвязь между внедрением технологических инноваций и трансформацией структуры общества, поэтапным изменением распределения социальных ролей. К 2020 г. в детях видят источник дополнительной рабочей силы («2020 год. Дети могут работать и получать доход в интернете»). К 2023 г. планируется создание робота-ребенка, который способен имитировать поведение настоящего ребенка. Его использование охватывает широкий спектр социальных программ: от обучающего инструмента для подготовки родителей до продажи тем, кто не хочет или не может иметь настоящих детей и т. д. И хотя это не прописано в проекте, но логично предположить, что еще одной из функций роботов будет замещение живых, но работающих и перегруженных де-

тей. Внедрение детей-роботов имеет прямое отношение к развитию систем компетентного родительства, тем не менее данная практика приобретает совершенно неожиданные коннотации при указании на то, что ее следствием может стать сокращение числа желающих рожать детей. В проект неявно закладывается сокрытая и неизбежная в свете основных его задач поступательная евгеническая политика в форме технологического планирования семьи. В данном контексте в детях видят предмет роскоши, в то время как для маргинальных слоев, очевидно, предполагается лишь альтернатива – ребенок-робот – как один из возможных способов контроля воспроизводства «некачественной» миграции.

Неотрефлексированным остается положение ребенка: с одной стороны, за ним закрепляется статус активного участника социального мира (дети могут участвовать в создании предметов, зарабатывать, выдвигать собственные стратегии образования), с другой стороны, к 2025 г. это биоматериал, из которого можно конструировать по социальному заказу то или иное существо, лишённое минимальной степени автономии и собственной стратегии развития: «Можно запрограммировать способности и характеристики детей; вместо детей можно заводить роботов или виртуального ребенка; воспитанием и уходом за детьми могут заниматься роботы; способности ребенка можно увеличивать за счет генной модификации и чипизации»¹⁶.

Итак, содержательную часть Проекта можно редуцировать к трем пунктам – его основным стратегическим задачам:

создание из детей рабочего (креативного) класса как активного участника инновационного развития, активного участника бизнес-процессов;

уменьшение количества населения России путем реализации возможностей технологического планирования семьи: новой формой семейной жизни становится ее суррогат – «техногенная семья», состоящая из семейной пары и ребенка-робота или робота-воспитателя и ребенка-человека;

постепенная ликвидация семьи как консервативной аксиологической системы, препятствующей внедрению инновационных общественных механизмов (новой этики, стратегий образования и развития), и более жесткая стратификация общества на основе целенаправленного стравливания поколений.

В конце 2010 г. участники I Всероссийского родительского форума «Спасём семью – спасём Россию!» в своем обращении к президенту РФ Д.А.Медведеву выразили резко критичное отношение к содержанию проекта. Они заявили, что «...общественность поражена бесчеловечной циничностью положений Форсайт-проекта “Детство-2030”. Чего стоят такие предложения, как: предложение отправить на свалку истории детско-родительскую любовь как заблуждение и атавизм; упразднить “устаревшую” традиционную семью, заменив “множественными”, “гостевыми” и прочими формами сожителства, ввести обязательное лицензирование и экзамены на право воспитания собственных детей, отбирать детей у “неуспешных” родителей и передавать в “компетентные воспитательные сообщества”; отменить традиционное образование и вживлять детям в мозг микрочипы “для связи с глобальными информационно-управляющими сетями” и другие “инновации”. Это антиобщественный путь модернизации и развития нанотехнологий в ущерб общечеловеческим ценностям»¹⁷.

После многочисленных открытых акций протеста против аморальной инновационности проект подвергся существенной редакции, стал более мягким по отношению к «старомодному» родительскому мнению, не так настойчив в отношении целенаправленного технологического дизайна ребенка. Тем не менее базовая интенция его осталась прежней: понятие ребенка как «человеческого капитала» так и не переросло в понятие «личности».

Заключение

Л.С.Выготский подчеркивал, что развитие ребенка в обществе всегда задается социально-культурными характеристиками. Нет вечно детского, а есть лишь исторически детское.

Исследование показывает, что ценность детства в современном обществе не является таковой сама по себе. Она приспособлена под наличные общественные практики. Имеющий место акцент на правах ребенка, развитие ювенальной юстиции свидетельствует зачастую не об особом правовом статусе ребенка, сколько о его фактическом бесправии, которое и призвано нейтрализовать законодательство. Сравнение современного стату-

са ребенка с духовной ситуацией Античности и Средневековья показывает укрепление его социального положения: ребенок перестает рассматриваться как прообраз будущего взрослого, в качестве недочеловека, которого необходимо как можно быстрее подключить к социальной жизни; он в большей степени ценится как особое социальное существо, со своей неповторимой онтологией. В то же время на уровне бытующих социальных практик, повсеместной дискриминации прав ребенка сложно говорить о тотальном изменении в сторону формирования положительного отношения общества к детям. Вследствие этого становится очевидным, что ценность их оказывается инструментально приспособленной к существующим экономическим реалиям, коррелирует с уровнем развития технологий (биомедицинских, информационных). При этом в лучшем случае, как, например, в социологических исследованиях, говорят о ценности определенного числа детей в семье, необходимого для нормального функционирования государства, либо в связи с имеющимися человеческими потребностями – такими, как потребность в материальном обеспечении в старости и в наследнике для передачи имущества. Социализация, которая начинается в детстве, призвана не только адаптировать человека к обществу, но и обеспечить личностный рост. Однако на современном этапе развития характерные черты социализации испытывают влияние существующих механизмов культуры потребления. Ребенок априори рассматривается, как, впрочем, и все население планеты, в качестве потребителя, интересного исключительно в контексте обращения денег, товаров и услуг. Конструирование его картины мира происходит по образцу потребительской корзины и интенсифицируется вследствие тотального и насильственного воздействия информации. В таком случае, несмотря на распространенный правовой пафос защиты детства, задавший гуманистическое кредо современной цивилизации, социальные практики демонстрируют полное несоответствие духу самой эпохи, выраженному в нормах Конвенции о правах ребенка и других документах международного права. И в этом отношении в современном мире ребенок ничуть не менее бесправен, чем в предшествующие исторические эпохи.

Примечания

- 1 *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988. С. 6–11.
- 2 *Соловьев В.С.* Оправдание добра // iph.gas.ru.
- 3 *Зеньковский В.В.* Психология детства. СПб., 1995. С. 158.
- 4 *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988.
- 5 *Фихте И.Г.* Основы естественного права // iph.gas.ru.
- 6 *Куруленко Э.А.* Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект / Социология 1998 год, (1).
- 7 *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное (elenakosilova.narod.ru. С. 141).
- 8 Там же. С. 259.
- 9 Там же. С. 265.
- 10 Там же: С. 24.
- 11 Там же: С. 43.
- 12 См.: <http://detstvo-2030.ru/>
- 13 Инновация как вторичная обработка. <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/groyce.htm>
- 14 См.: <http://detstvo-2030.ru/>
- 15 <http://detstvo-2030.ru/>
- 16 Там же.
- 17 Обращение участников I Всероссийского родительского форума «Спасём семью – спасём Россию» к Президенту Российской Федерации Д.А.Медведеву (http://www.ruskline.ru/analitika/2010/12/25/nadeemsysya_chno_nash_golos_budet_uslyshan).

О.А. Скоркин

Биологос в системе образования

Биологос – термин в философской литературе новый, и нельзя сказать что устоявшийся, однако неопределенный менее многих других, в использовании которых попытка оторваться от штампа приводит к удивительному многообразию возможного наполнения. Моя трактовка этого термина совпадает с той, которая использована Л.Киященко и П.Тищенко в работе, – как концепта трансдисциплинарного подхода биосуществования и его осмысления¹. Речь будет идти о жизнепонимании своего существования обучаемого в школе, вузе в текущий период при современном состоянии учебных учреждений. К «Биологосу» – движению, публично провозглашающему свои богословские аргументы, чтобы убедить евангельских христиан принять их предложения и требовать индульгенцию от богословской ответственности, как и к прибору «Биологосу» для электропунктурных измерений и оперативного установления точного диагноза на доклиническом уровне и подбора препарата для исцеления никакого отношения не имеет.

Тема не новая, но вечно актуальная. Важность ее во всепричастности нашей жизни. Если не мы сами, то родители, дети, внуки причастны к какой-то форме обучения – школе, вузу, курсам повышения квалификации, наконец, самообразованию, процессу от детских лет до старости. В силу этого мы невольно сопоставляем ситуацию в системе образования сегодня и 10, 20, а то и все 50 лет назад. И дело не в том, что о кризисе в этой сфере говорят и пишут не одно десятилетие. Читать стали меньше. Привычная ранее картина в метро больших городов: сидящие и читающие книги,

газеты, журналы – растаяла во времени. Меньше посетителей библиотек, читальных залов. С самого юного возраста предпочтение телевизору и Интернету. Еще четверть века назад воспринимаемое как дикость, стало привычным объявление: «Продаются аттестаты, дипломы вузов». Похоже, что мы деградируем.

А может, все наоборот? Научно-технический прогресс, техногенный поток, требования времени. Потрясающий скачок вперед, электроника в каждой вещи, на которую только падает взгляд, вплоть до детских игрушек. Эвристические методы вычисления, эмулирование умственной деятельности, нейронные сети, фаззифик, управление компьютером при помощи голоса и даже непосредственно электромагнитными волнами мозга – реальные научные эксперименты, пусть последние пока и малоизвестны. Полная победа техники над разумом. И что, торжество искусственного интеллекта? Ничего подобного... Социальные сети. Саморегулирующиеся сообщества. Никаких автоматических рейтингов и подборов. Никаких искусственных интеллектов в методологиях поисковых роботов. Исключительно человеческая оценка. Оценка, базирующаяся на факторе банального доверия экспертному мнению относительно большой группы людей. Так что же это за явление? Декаданс, обращение к прошлому, зарекомендовавшим себя способам «посоветоваться»? Деградация общества в стремлении к якобы живой природе? Банальный испуг того же самого общества, некая форма ксенофобии, стремление погреть свои животные инстинкты, примкнув к тому или иному социуму? Непонятно... Хотелось бы написать – переход от техногенной к антропогенной цивилизации, опережающее знания обновление информации, пересмотр привычных представлений о человеке, о мире, смена ценностных ориентаций. Но противоречие налицо: и деградация есть, и прогресс есть.

Современное кризисное состояние образования отражает противоречивое понимание как сущности человека, так и особенностей процесса его становления и развития. Характерной чертой современного образования является его вариативность, которая во многом обусловлена множеством трактовок человека и многообразием концепций развития образования.

При столь динамичных изменениях условий жизни общества и его приоритетов закономерно возникает вопрос: а тому ли мы учим и учимся? Ведь очевидно, что образование должно следовать

за изменяющимися реалиями цивилизованного общества. И еще одна дополнительная сложность, которую нельзя не учитывать: образование (кроме понятных событий почти столетней давности) – одна из наиболее консервативных, малоподвижных систем в стране, в значительно большей степени, чем пенсионная, здравоохранение, юрисдикция и пр.

А что в сущности мы знаем про современное образование? То, что его получение строго ограничено утвержденным «сверху» бюджетом времени; что жить и творить в нашей отечественной школе следует по государственному стандарту; что конечный уровень подготовки специалиста определяется не его знаниями и умениями, а наличием диплома (для трудоустройства – лучше государственного образца); что цели и содержание образования диктуются не потенциальным работодателем-заказчиком, а чиновниками из государственных органов управления; и т. п. Причем на государственные образовательные стандарты следует обратить особое внимание. Их существующая форма не только нарушает принципы автономности и академической свободы в образовании, но и ограничивает творчество и педагога, и ученика. Механизм рождения этих стандартов – тайна за семью печатями, и их содержание широкой педагогической общественностью не обсуждалось. В современных государственных нормативных актах, теоретических и эмпирических исследованиях вопрос о целях и содержании образования представлен на недостаточном уровне. В большей степени здесь можно говорить лишь о поверхностном или демонстративно-фиктивном отражении проблем образования и попыток их решения государственными органами по логике «но что-то надо же делать». А без осмысления общих вопросов и уяснения основных целей образования обеспечить решение частных вопросов его нормального содержания невозможно. Заметим, что в большей степени полученные исследовательские результаты касаются базовых установок, основных подходов и принципов системы образования.

Прогрессивный толчок осмыслению текущего момента дала идея метаобразования. «Если мы определяем образование как подготовку человека к тем видам деятельности, которые необходимы обществу на данном этапе его развития, то метаобразование выступает как формирование понимания человеком своего места и,

соответственно, своей подлинной роли в мире, в котором он живет. Это понимание и есть предпосылка изменения феноменальной цивилизационной реальности². Социальная философия трактует метаобразование в качестве перехода от социального знания к социальному самосознанию как предповеденческой структуре, от обобщенного восприятия картины мира – к картине жизни, к пониманию человеком своего места и своей подлинной роли в обществе и природе. Стратегия метаобразования исходит из «идеала учащегося народа» по В.Вернадскому, отражает такие черты российской цивилизации, как «большое пространство» и «большое время» (по М.Бахтину), основывается на примате долгосрочных стратегий образовательной политики, направленной на формирование цивилизационной российской идентичности и культуры самосознания.

Взгляд на мир, в котором природа полагается как объект потребления, а следовательно, и как предмет разрушения, поставил человечество перед угрозой катастрофы. Такое видение мира в метаобразовании вытесняется картиной жизни. В ней человек рассматривает вопросы: как обеспечить безопасность того места, в котором только и возможно его существование, сохранить некое целое, частью которого он является? Автор идеи метаобразования в российской философии Л.Скворцов считает, что оно входит в информационную культуру, наряду с видеорядом и информационной инфраструктурой, обеспечивает переход от картины мира к картине жизни. Он пишет: «Для картины жизни в отличие от картины мира характерны два принципиальных момента: стремление к получению всех необходимых знаний условий сохранения жизни и организации исторической практики, в соответствии с этими знаниями; второе – рассмотрение действительности в образах виртуальной реальности и определение таким образом реальных последствий деятельности человека здесь и теперь, в данной исторической ситуации»³. С этой точки зрения метаобразование как структуру-процесс следует определить как процесс овладения картиной жизни.

Отметим, что при всей значимости идеи метаобразования она отражает характер образовывания, некий флер, накладываемый на содержание образования, и может никак не относиться к содержанию. Слова классика: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», – остаются в силе независимо от использования или не использования идеи метаобразования.

Существовавшая в советское время система обществоведческой подготовки была крайне идеологизирована. Это не исключало возможности (благодаря «недогматизированным» установкам преподавателей) достаточно конструктивно решать задачи общего гуманитарного (методологического, нравственно-этического, социально-психологического и т. д.) развития личности молодого специалиста. Зато в этой системе был соблюден принцип непрерывности преподавания обществоведческих дисциплин на протяжении всех лет обучения.

В постсоветский период волна гуманитаристики захлестнула практически все учебные заведения, произошел радикальный сдвиг в преподавании обществоведческих дисциплин и в школах (экологические акции, дни толерантности, переосмысление истории) и в вузах, наиболее сильные подвижки в технических вузах. Главное – преодолена их заидеологизированность. Состоялась их более или менее последовательная гуманитаризация, обобщающий смысл которой – выход к общечеловеческим ценностям и вековым российским традициям. Это относится к отечественной истории, социологии, экономике, философии и культурологии. Нельзя не отметить и снижение статуса обществоведческих дисциплин. Например, в технических университетах они нередко лишаются дисциплинирующего инструмента – экзамена.

Правомерность гуманитаристики подкрепляется в общем и целом тремя взаимосвязанными аргументами. Во-первых, статус государственного университета заставляет заботиться о достаточно широком (включая и гуманитаристику) образовании, которое способствует так или иначе наращиванию духовного потенциала личности. Во-вторых, подготовка кадров, ориентированных на исследования и разработки, предполагает достаточно гармоничное развитие будущего специалиста, формирование не только аналитических («строгое математически фундированное мышление»), но и синтетических («продуктивное воображение») способностей. Речь идет, образно говоря, о взаимообогащающем, посредством параллельного изучения физико-математического и гуманитарного знания, «сопряжении левого и правого полушарий». В-третьих, профессиональная деятельность инженера осуществляется в определенном социальном (институциональном, рыночном, правовом, межличностном и т. д.) контексте, значимость которого в техноло-

гии этой деятельности неуклонно возрастает, благодаря в первую очередь и главным образом происходящему в наши дни переходу к инновационной экономике.

«Противоестественность» гуманитаристики, с немалой долей юмора обозначенная Л.Ландау, имевшим в виду разветвленный спектр наук об обществе, культуре и человеке, состоит в том, что она изучает духовно-предметную реальность, которая надстраивается над собственно природным (биологическим, физическим и т. д.) существованием человека, составляет сферу искусственного, изобретенного. В этом ряду – знания и верования; цели, смыслы и идеалы; национальные традиции и общечеловеческие ценности; технические устройства и феномены искусства; этические, юридические, административные и т. д. нормы, правила и процедуры социальных взаимодействий; институты и организации; требования государства и запросы рынка; налоги, финансы и бизнес, как, впрочем, и многое другое, в том числе и возвышающаяся роль науки и образования в современном глобализирующемся мире. Таков, обобщенно говоря, социокультурный контекст, в границах которого как раз и происходит и подготовка, и профессиональная деятельность инженерных кадров и составной частью которого они являются. Игнорировать это многослойное обстоятельство, концептуально проявляемое гуманитаристикой, было бы не только неразумно, но и контрпродуктивно.

Гуманитаризация инженерного образования – проблема непростая, многоаспектная. Определение состава, объема, последовательности, способов и методик ввода гуманитарного знания в технологию инженерного образования – дело и чрезвычайно ответственное, и весьма непростое. На сей счет нет, увы, панацеи на все случаи жизни. Нет, да и быть не может строго выверенных и однозначных рецептов.

Бакалавриат оказался у нас в стране перед своего рода развилкой, которая уже стала острой головной болью организаторов отечественного инженерного образования. Вполне реальны и в равной мере мотивированы две полярные установки: «прагматическая», изначально и насквозь замкнутая на узкую специализацию, и «развивающая», ориентированная на наращивание интеллектуального, духовного, творческого потенциала будущего выпускника. Это две кардинально различные стратегии. И у той, и у другой есть свои и плюсы, и минусы.

Эпицентром изучения гуманитарного знания, его своего рода сверхзадачей становится формирование культуры мышления (по М.Планку – это то, что остается после того, как полностью выветрится фактический материал), в первую очередь – культуры оценочных суждений, целостного «видения» и продуктивного воображения.

Один из основоположников социологии, Макс Вебер, идеи которого и ныне широко востребованы, в начале XX столетия особо оттенил кардинальное отличие наук о природе («физики») от наук о культуре, обществе, человеке («гуманитаристики»). Если, соответственно, первые базируются на строгой логике, математически связанной дисциплине ума, позволяющей отсеивать все наносное, привходящее, привнесенное эмоциями, частными интересами, произволом субъекта, ухватывать таким путем объективную суть явлений, то вторые выстроены совершенно иначе. Общественно-научные дисциплины изначально структурированы в форме перманентного диалога конкурирующих концепций, каждая из которых располагает собственным видением социокультурных реалий, ракурсом их рассмотрения, но не обладает монополией на истину; что получилось с монопольным статусом марксизма в нашей стране, ныне вытесненным на периферию общественно-научной мысли и обретшим явно маргинальный окрас, – общеизвестно, хотя на Западе он был и остается в ряду весьма и весьма востребованных и авторитетных философских, экономических и социологических концепций. Именно благодаря многообразию подходов и интерпретаций они в состоянии достаточно широко и основательно объяснить мир людей, непрерывно иницируемые и осуществляемые ими акции сотворения, типизации и воспроизводства всего многообразия «артефактов»: верований и знаний, ценностей и норм, техник и технологий, институтов и организаций – словом, всего того, что составляет содержание их совместной жизни. Освоение утверждаемого в границах этих наук знания, лишь в самой минимальной степени опирающегося на математику и в этом смысле весьма нестрогого, «вариабельного», акцентирующего внимание на индивидуальном, личностном, самостоятельном вкладе в созидание и типизацию всего нового в мире людей, равно как и на их групповых интересах и ценностных ориенти-

рах, безусловно способствует раскрепощению интеллекта, расширению пространства свободы, самоответственного выбора, личностной инициативы, формированию того, что можно назвать «дерзновением ума».

Естественнонаучное и гуманитарное знание выступают, как нетрудно заметить, в качестве своего рода «alter Ego», которые лишь совместно, в «тандеме», одновременно и исключая, и дополняя, и корректируя друг друга, в состоянии обеспечить достаточно гармоничное развитие человека, его способностей. И это относится не только к средней, но и к высшей школе. Научно-инженерное образование и в Европе, и в Америке, если иметь в виду особо продвинутые («элитарные») вузы, всегда и системно использует развивающий потенциал гуманитарного знания. Так, например, в Массачусетском технологическом институте (аналоге МИФИ) задействован мощный департамент обществоведческих дисциплин (School of Humanities, Arts, and Social Sciences), располагающий тринадцатью кафедрами и тремя междисциплинарными центрами. Департамент предлагает студентам-«технарям» весьма и весьма богатый (даже простое перечисление заняло бы несколько страниц) набор курсов («кредитов»), из числа которых будущие бакалавры должны в обязательном порядке выбрать восемь курсов, а при желании студента – еще шесть-восемь. И помимо этого – от двух до четырех обязательных коммуникативных курсов, формирующих культуру дискуссий, деловой переписки, межличностного общения, грамотной речи и т. д. Чтобы убедиться, насколько широка и основательна тут гуманитарная составляющая в собственно профессиональной подготовке и бакалавров, и магистров, достаточно посетить сайт МТИ (www.mit.edu).

Все сколько-нибудь серьезные подвижки в деле эффективного использования развивающего потенциала гуманитарного знания обречены на провал, если не преодолено то «окостение в головах» и у студентов, и у преподавателей, которое исторически сложилось благодаря многолетней монополии марксизма на истину в последней инстанции. Парадоксально, но факт: монопольное положение марксизма уже в далеком прошлом, а привычка увековечивать любое знание из учебника, возводить его в абсолют осталась, предстает рутинной практикой изучения обществоведческих дисциплин. На Западе (в «элитарных»

вузах) подобные ситуации, вызываемые, правда, иными причинами, довольно успешно преодолеваются с помощью альтернативных учебников, массы конкурирующих авторских курсов, реальной возможности их свободного выбора, вовлечения студентов в научно-исследовательские и учебно-образовательные проекты, организации дискуссионных площадок, равно как и других системно упорядоченных и выверенных временем учебно-методических ресурсов.

Ключевой момент тут – максимально возможное использование в учебно-педагогических целях органически свойственного гуманитарному знанию разномыслия, плюрализма концепций, подходов, трактовок, суждений. Речь идет о целенаправленном вовлечении студентов в атмосферу перманентного обществоведческого диалога, в границах которого допустимы и правомерны самые разнообразные, даже взаимоисключающие позиции, но ни одна из них не располагает монополией на истину. Гуманитаризация системы образования – это один из наиболее влиятельных факторов, определивших и определяющий изменения в отечественной системе образования⁴.

Следующим существенным моментом, кстати, конфликтующим с гуманитаризацией добываемого знания, является на сегодняшний день очевидность того, что вся система образования постепенно приобретает профессиональную направленность синхронно с технической оснащенностью обывателя и ростом информационных потоков, пронизывающих его сознание.

Средняя школа перестает быть школой общеобразовательной. Изучение основ широкого спектра наук заменяется получением информации из различных областей знаний и жизненных сфер, практикуется создание специализированных школ и профильных классов, воспитание ориентирует молодых людей на карьерный рост, заменивший рост личностный. Аналогичную картину можно наблюдать и в высшей школе. Рассматривается вопрос о более узкой специализации выпускников вузов, меньше внимания уделяется общеобразовательной подготовке. Целью обучения является возможность включения специалиста в экономику современного цивилизованного мира, что определяет ориентацию на западные либеральные ценности и способствует сохранению рационалистического и материалистического мировоззрения.

Система профессионально-технического образования также переживает не лучшие свои годы. Значительно сокращается общеобразовательное обучение, а подготовка высококвалифицированных рабочих практически заменена подготовкой специалистов для сферы обслуживания.

Эти процессы объясняются ориентацией современной системы образования на рынок труда. Будущее человека стали связывать с его возможностью найти свое место в мире профессий престижных, нужных обществу.

Современное состояние российского общества таково, что многие уникальные профессии и специальности перестали быть востребованными на рынке труда, а значит, перестало быть нужным для современной экономики и огромное количество образованных, профессионально подготовленных людей. Для многих наших соотечественников такая ситуация оказалась неожиданной, а подчас и трагической.

Ориентация на рынок труда вытесняет из образовательной сферы понимание уникальности человеческой личности, ее высокого предназначения, наличия талантов и способностей. Современное образование становится безличным. Цель и смысл человеческой жизни низводятся до полезности людей в конкретной экономической и политической системе, что, естественно, приводит к конкретным педагогическим целям, среди которых определяющими являются социальная адаптация и профессионализация. В такой системе образования практически нет места общеобразовательной, или университетской, подготовке и духовно-нравственному воспитанию. Первое заменяется получением необходимой начальной грамотности и различными уровнями компетентности, второе – коммуникативными тренингами и технологиями общения.

Ранняя специализация ориентирует детей на участие в зарабатывании денег, а значит, подразумевает включение детского труда в современную экономику. Традиционно в России детей привлекали к хозяйственному домашнему труду с целью передачи им жизненного опыта, получения ими необходимых профессиональных и хозяйственных навыков и для помощи семье. Современный способ включения детей в сферу экономических отношений больше похож на эксплуатацию детского труда на малооплачиваемых неквалифицированных работах. Часто возникающий азарт зарабаты-

вания денег отвлекает детей от дальнейшего профессионального и образовательного роста, вовлекает их в сферу криминального бизнеса. Иллюзия самостоятельной жизни приводит их к отрыву от семьи, что является причиной многих современных горестей и бед как для родителей, так и для самих детей.

Наибольший ущерб современными реформами образования был нанесен его содержанию. Неопределенность ориентиров – а рынок труда изменчив и не всегда прогнозируем – привела к неуправляемой вариативности и атеистической направленности содержания образования. Ориентация ребенка, молодого человека, а значит, и всей семьи на раннюю специализацию лишает человека в первую очередь свободы профессионального определения.

Общеобразовательная школа, обеспечивая изучение основ гуманитарных и естественных наук, предоставляет возможность своим выпускникам более свободно определиться в дальнейшей жизни, так как они одинаково подготовлены для поступления как в гуманитарные, так и в технические учебные заведения. Напротив, ранняя специализация практически лишает молодых людей возможности изменить профиль своего образования в случае ошибки в избрании ими профессионального направления, что создает немало проблем в их дальнейшей жизни.

Высшая школа, осуществляя профессиональное обучение, должна обеспечить общеобразовательную подготовку, достаточную для самообразования и саморазвития в избранной сфере.

Система среднего профессионально-технического образования, давая профессиональные навыки, должна выпускать специалиста умелого, или умельца, способного освоить необходимые смежные специальности.

Профессиональная подготовка, обеспечивая человеку возможность честно заработать средства на содержание себя и своей семьи, не защищает его от внутреннего беспокойства, возникающего при отсутствии осознания цели и смысла жизни. Профессиональная подготовка есть только часть системы образования.

Можно находить сколько угодно аргументов, пусть все более глубоких, в отношении критики массовой школы; можно пытаться теоретически строить все более «постиндустриальные», «гуманистические», «информационные», «компетентностные» и прочие модели нового содержания и методов образования. Но если эта

работа будет идти исключительно в центральных научных структурах и на мозговых штурмах ученых и аналитиков, если она по-прежнему будет реализовываться лишь в схеме «главный ученый дает предложения главному управленцу, а тот спускает их вниз, к исполнению учительским массам», то с самого начала можно сказать, что она будет обречена на неудачу.

Сегодня абсолютно не может быть эффективным подобное централизованное планирование образования. Именно за счет становления здоровой конкуренции и можно в основном ожидать требуемого роста «качества, доступности, эффективности» образования.

При попытке отдать всем школам поровну и одинаково они приходят к состоянию, когда не устраивают никого. Косность сложившихся форм и содержания обучения, тяга к единообразию и практически полное отсутствие конкуренции, при механически равномерном и обезличенном финансировании школ – все это едва ли способствует оживлению перемен и реформам в области государственного образования.

Почему же идея расширения конкуренции и рыночных механизмов в образовании так тяжело пробивается? Потому, что такова пока еще господствующая парадигма, и наши многие образовательные администрации по-прежнему свято убеждены, что в стране продолжается социализм, когда царствует «лучшая в мире и бесплатная для народа образовательная система». Но в экономике страны, однако, уже господствует частная собственность, правительство всеми силами стремится стимулировать в стране законный предпринимательский дух, и сегодня человеку зарабатывать деньги на себя и свою семью и тратить их по своему усмотрению (в том числе на здоровье или на образование своих детей) – вещь не постыдная или преступная, а естественная и нормальная.

В этой ситуации рабский по своему социально-экономическому существу труд учителей и преподавателей, когда оплачивается только минимум «физического неумирания» работника; когда человек инициативным и качественным трудом не может разбогатеть; когда гасятся всякие зародыши экономической конкуренции между организациями и работниками; когда работают только негативные стимулы труда, побуждающие работника лишь выполнять минимальные задания начальства, под страхом

наказания за их невыполнение, на что единственно и работают наша инспектура, аттестационные службы и пр., – такой труд предельно неэффективен.

Следующая логическая ступень в формировании образа школы – изучение содержания образования.

Общепризнано, что последнее во все времена было и остается соразмерным процессу исторического развития человеческого сообщества. Поэтому при определении его целей и содержания, видимо, очень важно учитывать ту высокую функционально-историческую нагрузку, которую оно на себе несет. Речь идет о реализации в образовательной сфере по меньшей мере двух основных функций: во-первых, обеспечение физического выживания – адаптации человека к окружающему миру; во-вторых, удовлетворение самых различных социальных, культурных, нравственных и других потребностей личности и общества. Данные функции как раз и отражают подмеченные еще в античности «животную» и «разумную» компоненты в человеке. Более того, именно эти функции должны в значительной мере определять процесс эволюции человека и присутствовать в его жизненном и профессиональном становлении.

Роль образования здесь очевидна: оно как раз и является той единственной сферой, в которой осуществляется приобретение человеком знаний и умений, обеспечивающих его полноценное существование в окружающем природном и социальном мире. Эта роль реализуется объективно независимо не только от форм и уровней развитости образовательных систем, но и от степени осознания их организаторами предназначения школы.

Вместе с тем осмысление сущностных и глубинных целей образования и его содержания во все времена было и остается основной компонентой образовательного процесса. В нашей стране эти вопросы в педагогическом сообществе ставятся уже не первый год, и к разговору на эту тему оно уже давно «созрело».

Чем обоснован набор учебных дисциплин, можно сказать, устоялось временем. Обеспечение адекватной реальности естественнонаучной картиной мира, естественно, включает человеческое сообщество, социальную реальность, подчиненную не только природным, но и социальным законам развития, а также нормам поведения в социуме. Проблемы безопасности, выживания и здоровья обучающихся, овладение не только родным, но и иностран-

ными языками – это общепризнанный *minimum minimumum*. Хотелось бы, чтобы образование было культуросообразным, а обучающийся стал грамотным потребителем материальных и духовных продуктов общества, нормы поведения в котором он бы не только знал, но и проникся ими и, безусловно, развил свои индивидуальные природные способности, – но это отдельная позиция, которую нельзя обойти стороной.

Как определяется объем изучения предметов? Вопросов много. Обоснованных ответов, отражающих объективные потребности общества в образованных людях – специалистах, мы найдем совсем немного.

В этой связи попробуем ответить на общие вопросы: какой подход к обоснованию целей и содержания образования может быть наиболее оптимальным; как определить основное содержание программ обучения.

При рассмотрении профессионального образования в первую очередь нужно знать будущую сферу деятельности обучаемых, проводить специальные научно-исследовательские работы по ее правовому, социологическому, психологическому и другим видам анализа. Очевидно, эти исследовательские результаты должны быть исходными при определении целей и содержания профессионального образования. Перед утверждением образовательные стандарты должны публично обсуждаться академическим сообществом.

Совершенно иные акценты предполагаются в системе общего образования. Они сводятся к решению задач общего развития молодого поколения и его подготовки к профессиональной деятельности. Но последняя у ребенка, юноши или девушки в процессе их обучения имеет особенность: она сводится к процессу приобщения к достижениям человеческой цивилизации и потреблению (материально-техническому, правовому, эстетическому и т. п.) результатов ее деятельности. Иными словами, перед общим образованием ставится цель вооружить человека знаниями и умением пользоваться материальными и духовными продуктами, средствами информации, массовой коммуникации и передвижения, грамотно ориентироваться в огромном мире окружающих нас вещей.

Если рассматривать современную концепцию образования, тенденции развития его выглядят следующим образом:

– интенсивное обновление технологий, ускорение темпов развития экономики и общества, вызывающее необходимость такой организации системы образования и образовательного процесса, которая могла бы готовить людей к жизни в быстро меняющихся условиях, давать им возможность обучаться на протяжении всей жизни; динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, динамичные структурные изменения в сфере занятости, актуализирующие потребность в постоянном повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их профессиональной мобильности;

– переход к информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, обуславливающие особую важность коммуникативной и информационной компетентности личности; изменение роли и расширение пространства образования в информационном обществе; отказ от его классической модели, формирование новой концепции, ориентированной на реалии информационного общества;

– демократизация жизни, становление и развитие гражданского общества, определяющие необходимость повышения уровня готовности граждан к ответственному и осознанному выбору; необходимость гуманитаризации современного образования и соответственно гуманизации современного общества; трансформация ценностей образования вследствие антропологического поворота в современной культуре; возрастание значимости человеческого капитала.

Неслучайно многие экономически развитые и бурно развивающиеся страны, разрабатывая национальные доктрины, концепции и программы устойчивого и безопасного развития, включают в их состав как одно из стратегических направлений инновационное развитие национальных систем образования.

Из проекта «Современная модель образования...»:

«...Основой современных образовательных стандартов становится формирование базовых компетентностей современного человека:

– информационной (умение искать, анализировать, преобразовывать, применять информацию для решения проблем);

– коммуникативной (умение эффективно сотрудничать с другими людьми);

- самоорганизации (умение ставить цели, планировать, ответственно относиться к здоровью, полноценно использовать личностные ресурсы);
- самообразования (готовность конструировать и осуществлять собственную образовательную траекторию на протяжении всей жизни, обеспечивая успешность и конкурентоспособность)»⁵.

По существу речь идет об одном и том же. Система образования должна учитывать веяние времени и достижения науки и техники, гуманитаризироваться, приближаться к реальному спросу сфер человеческой деятельности и т. д. и т. п. Совершенно непонятно, каким образом с этих заоблачных высот спуститься на грешную землю и осознать, каким требованиям должен удовлетворять выпускник начальной школы, неполной средней, бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и пр. Ведь все эти этапы, даже некоторые смежные в пределах одного учебного заведения, административно разобщены. Неслучайны ежегодные массовые миграции учеников в другие школы в поисках комфортного существования (нередко с использованием ресурсов родителей).

Проблема целей и содержания образования должна иметь статус, соответствующий ее роли в обществе.

Переоценка приоритетных целей образования состоит в том, что его результаты признаются значимыми в качестве не столько показателей успешности учебного процесса, сколько инструмента результативной деятельности за пределами системы образования. Известно, что важнейшим документом, определяющим подготовку студентов в рамках любых специальностей, является учебный план. Единицей содержания профессиональной подготовки в логике компетентного подхода является профессиональная задача. Совокупность их образует «ядро» содержания, а этапы становления профессиональной компетентности определяют логику «развертывания» содержания. Таким образом, в логике компетентного подхода ведущими принципами отбора содержания вместо научности становятся социокультуросообразность и практико-ориентированность.

Есть попытки изменить методологию оценки результатов учебной деятельности студентов: четырехбалльную систему интегрированной оценки знаний и умений на балльно-рейтинговую систему контроля результатов (успешности, качества) обучения. Наряду с традиционной системой, когда каждый преподаватель в от-

дельности оценивает результаты деятельности студента в рамках одной учебной дисциплины, необходимо предусмотреть периодическую комплексную оценку уровня достижений по ряду смежных дисциплин или по группе компетенций, осуществляемую коллективом преподавателей (междисциплинарная оценка, мультидисциплинарный подход)⁶. Что тут скажешь – игры для взрослых. Великий советский физик-теоретик Л.Ландау имел привычку ставить одну из двух оценок: «+» или «-».

С ценностной основой обучения дело обстоит еще сложнее, так как в большинстве вузов она практически не рассматривается. Каждый педагог строит взаимодействие с учащимися, опираясь на собственное представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Следствием является либо хаос в выборе ценностей ученика или студента, либо стремление внешне угодить преподавателю и выработка у него соответствующих навыков. К примеру, в школе с православной ориентацией дети, не имеющие религиозного опыта дома, в школе в присутствии учителя соблюдали все необходимые правила. В отсутствие же преподавателя открыто над ним смеялись.

Школьные отметки вообще потеряли смысл, они так и называются «оценки успеваемости». К оценке знания никакого отношения не имеют. А четвертные и годовые отметки могут разве что выделить претендентов на медаль или прикрыть откровенных бездельников. Претендентов на медаль «ведут» за два года до выпуска, не дай бог какой-нибудь невнимательный учитель поставит текущую тройку (возможно, по делу), придется переписывать весь журнал с подключением всего учительского корпуса. Относительно двоек представьте ситуацию: юноша в течение года был на трех из 32 уроков по астрономии, учитель перед выбором: поставить годовую двойку (он умудрился из упомянутых трех посещений извлечь себе алиби и поставить две отметки, разумеется, двойки) или написать «н.а.» (не аттестован). Победил бездельник, не приложив никаких усилий по освоению предмета. К проблеме подключился директор и, естественно, убедил учителя поставить тройку (не подумайте, что директор принял подарок или как-то был простимулирован, нет, он заинтересован в показателях учебного процесса и рейтинга школы). Знакомая картина? Повсеместная. Тривиальная показуха.

Она, по моему мнению, не только не канула в Лету, но и стала нормой жизни. Показуха встречается чаще, чем в бывшем СССР. Самое страшное, что учат личной показухе, выгодному позиционированию себя. Понимаю, что это так называемое «требование времени» и «скромностью сыт не будешь», но что-то внутри настойчиво протестует против глянца резюме и выпячивания личных качеств, которые уже «стыдно не показать». Школа зациклилась на показухе. Цветистые общие родительские собрания своей демагогией не закрасят убогости и ограниченности администрации⁷.

Антифакторов успешного обучения в средней школе предостаточно. Одним из них, тяжело преодолимым, является разобщенность педагогов. Еще двадцати лет не минуло, когда в школе появился психолог. Кроме своей основной задачи – поиска комфортной формы взаимодействия со сверстниками, учителями, миссия психолога – способствовать сплочению учительского корпуса.

Особенностью развития школьной психологической службы образования является напряженное противоречие между большим опытом специалистов, работающих в образовательных учреждениях, и хронической «неразрешимостью» организационно-методических проблем, связанных с содержательной и нормативной неопределенностью статуса психолога в школе. Чем больше психолог показывает все, что он может делать, тем менее понятным для педагогического коллектива и администрации становится круг его обязанностей, то есть того, что от него можно ожидать и – что немаловажно в условиях нормативного финансирования – требовать⁸.

Работа с педагогами традиционно входит в сферу деятельности школьного психолога. Однако содержание ее достаточно размыто. Не всегда ясно, что понимать под такой работой – одностороннее воздействие психолога на педагогов или взаимодействие с ними. Одно понятно, что и то, и другое достаточно проблемно и является одной из «болевых» точек в работе школьного психолога, снижающей его удовлетворение от своей профессиональной деятельности, а иногда и заставляющей уйти из школы. Нередко слышишь: «С детьми можно всегда договориться, но вот учителя...» Часто приходится отвечать на вопросы такого типа: «Как уговорить педагогов принимать детей?» Почему люди, казалось бы, близкой

сферы деятельности, работающие в одном месте с одним и тем же контингентом, нередко с трудом находят общий язык, а иногда общаются друг с другом как «прибывшие с разных планет»?

Дело в том, что профессии педагога и психолога при внешней схожести имеют свои принципиальные особенности. Первые, как профессионалы, являются частью системы народного образования, которая сама по себе достаточно ригидна и при большом количестве внешних новшеств качественно за последние десятилетия практически не изменилась. Поэтому существенная часть учителей придерживается авторитарной педагогики и рассматривает ученика как «торбу», в которую нужно «запихнуть» на всякий случай как можно больше знаний, умений и навыков.

Психологическая служба в школе лежит на зам. директора по воспитательной работе, зам. директора по социальной защите и психологе. При всей профессиональной обоснованности рекомендаций что значит мнение в большинстве случаев молодого специалиста для таких опытных администраторов, в окружении которого психолог оказывается?

Администрацию в школе составляют директор, пять, а то и шесть заместителей, секретарь – чиновничий аппарат основания пирамиды, поднимающейся через могучий штат управлений к вершине Минобрнауки. Чиновничий аппарат во все времена имеет тенденцию к разбуханию. В итоге сегодня на сотрудника системы образования приходится в России чуть более 10 учащихся, в то время как в Западной Европе и Соединенных Штатах цифра в полтора раза больше. «Кто умеет, тот делает, кто не умеет, тот учит, а кто не может учить, тот учит, как надо учить» (Б.Шоу). Чиновник живет по законам Паркинсона: гарантией его занятости и социальной защищенности является корпоративная культура организации, в которой он трудится. Определяющее влияние на его поведение – его собственные цели, возможности получить повышение и материальное вознаграждение. С советских времен в нашей стране периодически проводятся конференции по так называемому «качеству образования». А под ним обычно понимают, как ни странно, совокупность количественных показателей такой системы: число победителей олимпиад, процент сдавших ЕГЭ, количество поступивших в вузы, число закупленных компьютеров или отремонтированных детских садов – под качеством образования управленцам вы-

годно понимать именно те показатели, которые характеризуют их собственную деятельность и обосновывают выделяемый им для распределения бюджет.

Россия среди стран «Большой двадцатки» является самым коррумпированным государством. На протяжении многих лет система образования устойчиво занимает вторую позицию (после правоохранительных органов). Приведу несколько известных примеров.

По Федеральному закону № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. проведение конкурсов на выбор поставщиков школьного питания возложено на руководителей бюджетных образовательных организаций, то есть на директоров школ. Однако эту работу за них делают чиновники. Именно они «выбирают» будущих поставщиков детского питания. Средняя сумма «откатов» – до 30 % оборота (только для Москвы за год порядка 2 миллиардов рублей). Более 100 млн долларов кладут они себе в карман ежегодно за подписание договоров на охрану школьных зданий. Примерно 150 млн долларов ежегодно они получают «откатом» при приобретении мебели, оборудования, учебных пособий, почти 200 млн долларов – за организацию ремонтных работ. ЕГЭ (кстати, научного обоснования не имеет) – это тоже коррупция. Но не уменьшение ее, а увеличение. Уже давно известно, сколько стоит «сдать ЕГЭ» – от 30 до 100 тыс. рублей за один экзамен. Вокруг этого экзамена создана своя империя «услуг». По некоторым данным, объем коррупции по ЕГЭ в России составляет 42 млрд рублей в год. При подключении школ к Интернету чиновниками различных уровней было положено в свои карманы, по оценке экспертов, в общей сложности более 50 миллионов долларов.

Чиновники периодически проводят проверку деятельности вузов, выдавая им лицензии и аккредитации, рынок «услуг» при проведении проверок всех уровней составляет ежегодно уже в 25 млн долларов. При проведении проверок документации в школе уже привычным воспринимается рекомендация директора: «Не успеваете, значит, отчетность “через магазин”».

Но особо значимой статьёй «доходов» является продажа дипломов о высшем образовании. Эта торговля идет на станциях метро, рынках и, площадях и, конечно же, в Интернете. Разброс цен составляет от 300 до 30 тыс. долларов. Это обусловлено тем, что только часть дипломов «выдается» на гознаковских бланках, но имеет поддельные подписи и печати. А наиболее дорогие дипломы

предлагаются «с проводкой», то есть человек, никогда и нигде не учившийся, оказывается вписанным во все официальные документы соответствующего вуза. По данным независимых экспертов, в России ежегодно продается до 100 тыс. поддельных дипломов на общую сумму до 2 млрд долларов. Как это реализовать, минуя чиновников ВАКа и Минобрнауки, пусть подскажет фантазия.

Последние десятилетия роль чиновничества неуклонно возрастает, также растут объемы отчетности. Профессорско-преподавательский состав в большей мере, чем наукой, озабочены отчетностью. При этом чиновник изощрен в средствах, он в полном объеме использует арсенал, оставшийся от советских времен, в частности, звонковую систему. Вопиющий случай: в августе 2011 г. директора московской школы «настиг» звонок из Управления – всем учителям к началу учебного сезона представить справки, что они не привлекались к уголовной ответственности (не сидели в тюрьме). Законопослушные педагоги побежали в Управление исполнением наказаний за справками, после шестичасовой очереди (немало школ нагрузили чиновники) приобрели заявку на получение вышеозначенной справки, прибыть за которой нужно через две недели. Камо грядеши? Ну не может это продолжаться вечно, не может. Для школьника – это проблемы родителей, а вот то, что студент воспринимает такую ситуацию как должное, это воистину скверно.

Объективные изменения в мире в наше стремительное время связаны с потоками информации, пронизывающими наше сознание.

В процессе становления информационного общества происходят изменения, которые существенно преобразуют характер, цели и место образования в обществе. Имеется в виду следующее.

- Информация, а не труд становятся источником стоимости.
- Способность информации и теоретического знания выступать в качестве стратегического ресурса постиндустриального общества.
- Превращение новой «интеллектуальной» технологии в ключевой инструмент системного анализа и принятия решений.
- Информация, знание становится тем «фундаментальным» социальным фактом, который лежит в основе экономического развития. Информация становится ценностью, ресурсом развития, объединяющей средой, доминантой общественной жизни и существования человека.

– Изменяется отношение «знание – реальность». Первое понимается прагматично, оно не отражает или описывает реальность, а формирует и конкретизирует ее, всякая практика становится интеллектуально насыщенной, то есть значимым становится применение комплекса знаний, позволяющее успешно решить конкретную проблему во всей её многоуровневости.

– Доступность, открытость информации становится сущностной чертой информационного общества XXI в. Информационные технологии формируют единое пространство коммуникации, благодаря чему мир становится взаимосвязанным и взаимозависимым. Увеличивается число глобальных проблем; глобализация становится одной из основных тенденций информационного общества, а динамизм – его необходимой характеристикой.

– Социальные, гуманитарные, культурные практики интенсифицируются, человек оказывается в ситуации быстро меняющихся картин мира, то есть неизвестного, «открытого» будущего. Одной из основных функций знания и образования становится предвосхищение, прогнозирование. Обращенность в будущее означает, что знание и образование становятся основным способом его формирования.

– В информационном обществе происходит кардинальное изменение в соотношении информационно-духовных и вещественно-энергетических факторов и механизмов развития. Уходит в прошлое техногенная индустриальная и постиндустриальная цивилизация с потребительски ориентированным гуманизмом.

Таким образом, переход к информационному обществу требует глубоких изменений в деятельности по производству знаний и по их передаче и усвоению и, как следствие, принципиально изменяет роль и место образования⁹.

Прежде всего меняется основная образовательная цель, которая теперь заключается не столько в подготовке знаний, сколько в обеспечении условий для самоопределения и самореализации личности. Это утверждение базируется на изменении отношения к человеку как сложной системе и к знанию, которое должно быть обращено в будущее, а не в прошлое. Критерием реализации новой образовательной модели становится опережающее отражение или степень «познания будущего». В новой образовательной парадигме обучающийся становится субъектом познавательной деятель-

ности, а не объектом педагогического воздействия. Диалогические отношения преподавателя и обучающегося определяют основные формы организации учебного процесса. Результатом становится активная, творческая деятельность обучающегося, далекая от простой репродукции.

Современный человек должен не только обладать неким объемом знаний, но и уметь учиться: искать и находить необходимую информацию, чтобы решать те или иные проблемы, использовать разнообразные источники информации для решения этих проблем, постоянно приобретать дополнительные знания – только они смогут рассчитывать на успех в информационном обществе. Следует в полной мере учитывать уровень готовности работать с компьютером «физика» и «гуманитария». Если в первом случае он давно и прочно стал неперенным рабочим инструментом, пользование которым закреплено даже на подсознательном уровне, то во втором всего лишь отрабатываются подходы к его системному использованию в учебно-педагогическом процессе¹⁰.

Проблема инноваций обычно ограничивается внедрением достижений науки и распространением передового педагогического опыта. При этом возникает образ учителя как человека, которого достаточно наполнить новыми знаниями и умениями, чтобы он стал вдохновенно и результативно использовать новые идеи и способы работы. Практически так не бывает. Нужна питательная информационная среда.

Развитие внутришкольной информационной среды (локальная сеть школы, Интернет) и поддержка учителей школы, пытающихся использовать компьютер в своих предметах, ведение оригинальных методических разработок составляет новый пласт педагогической деятельности. Каждая школа сейчас получила известную автономию в определении, чему и как учить своих воспитанников. Выбор делается с учетом своих человеческих и профессиональных возможностей, интересов учеников, пожеланий коллег, технического оснащения школы и традиций школы¹¹. Поэтому важно, чтобы последняя обрела свое индивидуальное интеллектуальное лицо, облик которого остался бы в благодарной памяти учеников.

И последнее. Универсальной характеристикой любой культуры является единство традиции и новации. Культура как мера реализации и развития человека в процессе его социальной дея-

тельности в целом охватывает способы адаптации и организации жизнедеятельности людей, является важнейшим показателем их отношения друг к другу и к природному окружению. Овладение культурой составляет содержание процесса социализации индивида. Именно для этого общество и создало систему социальных институтов и прежде всего образовательно-воспитательных учреждений. Образование есть состояние личности, ее общественно-социальный статус и способ вхождения человека в целостное бытие культуры. Его следует рассматривать как образ совокупного человеческого бытия и как механизм развития культуры, как единственное и индивидуальное предназначение человека.

В XX в. возникло противоречие между целостностью культуры и технологией ее фрагментарного воспроизводства через существующий тип обучения, между непрерывно возрастающим объемом знаний, необходимых человеку, и ограниченными условиями овладения ими. Переход в «быстрое» пространство благодаря развитию средств передачи и переработки информации оказался столь существенным и стремительным, что ни экономика, ни система образования оказались не готовыми к этому проявлению постиндустриального общества. Жизненный уклад меняется чаще, чем происходит смена поколений. Специалист практически любой сферы вовлечен в непрерывное повышение образования, иначе рискует оказаться функционально неграмотным.

В существующей ныне, но, по-видимому, совершенно бесперспективной в будущем информационно-транслирующей парадигме образования, рассчитанной на передачу знаний, трансляцию информационных массивов, скопившихся в различных отраслях науки, техники и технологии, от одного поколения к другому, компьютер и его информационно-обрабатывающие функции, несомненно, благо. Эта парадигма, несмотря на декларативные призывы к ее трансформации и даже полной замене личностно-созидательным образованием, все еще сильна, но последствия ее уже очевидной несостоятельности перед лицом глобального вызова времени становятся все более угрожающими. В отечественной культуре переход от ограниченного к неограниченному доступу к информации в силу смены условий жизни в более острой форме отразился на образовании.

Но для разрешения этого противоречия необходимо сместить позицию обучающего. Образование, как правило, отождествляют с обучением, а последнее с простым усвоением, разве что с добавкой готовности и умения распоряжаться полученными знаниями, но это уже из эмоционально-волевой сферы. Если же представить примат личности, а не знаний, то образование – непрерывное становление ее в социокультурной среде. Такая система образования уже формируется, ее нельзя не заметить, и ее основными новациями являются: переход от обучения к образованию; личностная ориентация образования, его непрерывность и развитие творческих способностей обучаемого; широкое применение информационных технологий, создание информационной среды и переход к открытому образованию. Это принципиально и требует осмысления. Использование этих новаций в образовании позволит решить проблему человека в быстро меняющемся мире, обрести новую целостность, сформировать новый образ школы, преодолевая ставшую традиционной разобщенность естественных и гуманитарных наук, осуществить поиск новых взаимоотношений человеческой цивилизации и природы, открыть новые измерения сознания, связывая их в единое целое, образуя упорядоченную систему новой культуры.

Образование перестает быть подготовкой к жизни. Тесня труд, деятельность, досуг, оно превращается в образ жизни. Если в дотехническую эпоху образование было предпосылкой и главным фактором познания, прогресса науки и техники, то сейчас они саморазвиваются. Наука и техника и создаваемые ими артефакты превращаются в непосредственное окружение, внешнюю и внутреннюю среду. Если естественный мир человек открывал и преобразовывал, то искусственный он создает и пытается понять. Понимание – форма бытия людей в искусственной среде, оно же является и сутью, главной задачей нашего образования. Более того, последнее – не учебная подготовка к профессии, специальности и всякого рода деятельности, наоборот, всякая учебная подготовка существует для образования, лишённого всяких целей.

Постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование каждой личности на протяжении всей ее жизни замыкается не на систему знаний, умений и навыков, а на набор ключевых компетентностей в интеллектуальной сфере. Это требует

принципиального обновления содержания образования, где основной упор должен быть сделан на освоении способов деятельности, требует не лучшего отбора осваиваемых знаний, умений и навыков, а отказа от знаниевой парадигмы. Это положение наиболее сложное, чаще всего декларируемое как самая насущная проблема, но далее общих рассуждений сдвигов немного. Похоже, что прошло время, когда жизнь школы беспрекословно определяет учебный предмет.

Информатизация – катализатор качественных изменений в работе школы. Но это не установка компьютеров в школах и вузах и подключение их к Интернету, это процесс изменения содержания, методов и организационных форм общеобразовательной подготовки в условиях информационного общества. Именно информатика оказывается в ряду предметов, занимающихся образованием человека, причем такого сорта, какое не способен дать ни один другой школьный предмет. Резко возрастает мотивация учеников при подготовке рефератов, докладов и сообщений. Информатика в школе становится «метадисциплиной», «надпредметом», реализующим интегративную функцию, и носителем инновационных процессов в школе. Реальная возможность изменения и в целях, и в содержании, и в методах обучения – качественные преобразования, способствующие повышению эффективности образования, в том числе: распространение практики проведения «учебных проектов», развитие самостоятельности и практическая направленность обучения, изменение взаимоотношений между учителем и учеником, новый уровень доступа к информации. Интегративный потенциал современной информатики превосходит все, с чем до сей поры сталкивалось человечество.

Успешность модернизации российского образования зависит в первую очередь от учителей-предметников. Им необходимо осваивать роль консультанта для ученика как активного исследователя, творчески и самостоятельно работающего над решением учебной задачи, широко использующего информационные технологии для получения необходимой информации. Эффективное использование современных информационных технологий, их грамотное встраивание в педагогический процесс своих учебных предметов и формирование в целом единой информационной среды позволят перейти к новой современной парадигме образования.

Есть масса хороших идей, есть многочисленная армия энтузиастов, подвижников в системе образования, беззаветно тратящая себя и живущая не хлебом единым. И опять же «но». Сегодня в России средний возраст учителя – 52 года (по Москве и Санкт-Петербургу чуть более 45), более половины работают в школе свыше 20 лет¹². Школа изыскивает «внутренние» резервы: половина педагогов – пенсионеры. Молодых сил ничтожно мало. Кроме того, 87,4 % учителей – женщины¹³. Эти диспропорции рождают проблему болезненной смены поколений в ближайшем будущем.

Неслучайно растет число желающих экстернатного обучения, а дети, внуки высокопоставленных чиновников предпочитают обучаться за рубежом. Грустно. Жалко детей, внуков, они же продолжение нас. Сегодняшнее массовое образование не ориентировано на человека.

Примечания

- ¹ В пространстве биологоса. СПб., 2011.
- ² *Скворцов Л.В.* Информационная культура и проблема метаобразования // *Культурология: Дайджест*. М., 1999. № 3; *Метаобразование как философская и педагогическая проблема: Сб. научн. ст.* Ставрополь, 2001.
- ³ *Скворцов Л.В.* Информационная культура и проблема метаобразования // *Культурология: Дайджест*. М., 1999. № 3.
- ⁴ Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000; *Никандров Н.Д.* Перспективы развития образования в России // *Философия образования*. 2006. № 1. С. 4–12.
- ⁵ *Громыко Н.* Интернет, постмодернизм и современное образование // *Кентавр*. 2001. № 27.
- ⁶ *Карпенко М.П.* О проблеме измерения знаний в обучении // *Школьные технологии*. 1998. № 4. С. 173–175.
- ⁷ *Новиков А.* Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития. М., 2000.
- ⁸ *Хухлаева О.В.* Школьная психологическая служба. Работа с педагогами. М., 2001.
- ⁹ *Хуторской А.В.* Педагогическая инноватика: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2008.
- ¹⁰ *Жожигов А.В.* Культура и образование в условиях информационного общества конф.-выставки. Ч. 4. М., 2002. С. 130.
- ¹¹ *Формирование базовых компетентностей и учебное проектирование: Сб. ст. / Под ред. Н.Ю.Пахомовой.* М., 2006.
- ¹² Национальный фонд подготовки кадров, «Полит.ру» 05.12.11.
- ¹³ Российская газета. www.rg.ru 05.10.2011.

Г.П. Юрьев

Мультипликатор субличностного доверия УллаДа и глубинная педагогика

Педагогика, экономика и доверие

Однажды коллега рассказал мне простую школьную историю:

– Как-то раз я решил попенять своему сыну-десятикласснику за то, что он получил 4 балла за контрольную работу по русскому языку из-за элементарной, с моей точки зрения, ошибки, а он мне выдал совершенно несуразный, как я вначале это воспринял, ответ:

– Ты уж лучше помолчал бы со своими замечаниями, потому что в нашей школе ты в лучшем случае был бы просто троечником, если не двоечником!

– И это он сказал мне, доктору наук, окончившему 40 лет назад школу с золотой медалью! Возмущение переполнило меня и ... вдруг отступило; я интуитивно, а затем и рационально понял, что сын прав: я уже практически ничем не могу помочь ему в решении большинства школьных заданий. Точно так же ему трудно понять, как это мы учились в старших классах без компьютера и без Интернета – прогресс информационных технологий и новых знаний просто поразительный!

Я спросил у родителя, все ли одноклассники его сына учатся одинаково по всем предметам, и услышал ожидаемый ответ:

– Конечно, нет. Успехи у детей разные, есть явные как фавориты, так и аутсайдеры в учёбе, но это всегда так было, так и должно быть, хотя не совсем понятно из-за чего.

На следующий вопрос: «Это следует понимать так, что способности приобретения и освоения новых знаний остались у детей такими же, какими были до эры Интернета? – также услышал ожидаемый ответ: – Да, так». Видимо, есть что-то такое глубинное в

человеческой натуре, что при всех прочих равных одним мешает, а другим помогает ориентироваться в огромных массивах разнородной информации.

Последний вопрос, а точнее утверждение, звучит так: если есть что-то глубинное в алгоритмах передачи и приобретения новых знаний, и это никто не отрицает, то логически следует предположить, что для достижения конкретных образовательных целей можно и нужно использовать опыт глубинной педагогики как дополнение к рациональным способам обучения. Краткое содержание этой достаточно новой темы изложено в данной статье.

Начну с определений. *Глубинная педагогика*¹ – это междисциплинарная наука о специально организованной деятельности учителей и психологов по формированию субличного мотивации учеников к адекватному восприятию и усвоению ими стандартных программ воспитания, образования и обучения. Она основана на базовых принципах педагогики и глубинной этики², использует их понятийный аппарат для описания технологии инструментального измерения и целенаправленной коррекции *мультипликатора субличного доверия*³ в системе коммуникативных отношений учеников и преподавателей.

Термин «мультипликатор доверия»⁴ в научно-практический дискурс ввёл Д.Акерлоф, экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, основоположник информационной экономической теории. Этот термин развивает родственное понятие «мультипликатор Кейнса», который исходит из такой целостности человека, в которой иррационально действует «animal spirits» – эмоции, влияющие на поведение людей при принятии экономических решений. Кейнсианская концепция иррационального начала завоевала популярность у экономистов, поскольку хорошо поддавалась математическому моделированию и численной оценке⁵.

Для понимания сущности глубинной педагогики целесообразно привести краткие сведения о мультипликаторе Кейнса, известном миллионам студентов во всём мире⁶. Суть в том, что любое государственное стимулирование дает людям деньги, которые они тратят, создавая круги потребления. Изначальное стимулирование, часть которого они потратят, – это первый круг. Эта часть называется «предельной склонностью к потреблению» (marginal propensity to consume, MPC). Таким образом, изначально увели-

чение расходов приводит ко второму кругу таковых, теперь уже со стороны населения, а не государства. Эти же расходы в свою очередь оборачиваются доходом для другой группы населения. Она тоже тратит часть полученного дохода (третий круг расходов, MPC в квадрате). Но это еще не конец. Расходы продолжаются круг за кругом, и, таким образом, общий итог изначального государственного расхода в один доллар можно описать формулой: $\$1 + \$MPC + \$MPC^2 + \$MPC^3 + \$MPC^4...$

Итоговая сумма не является бесконечной величиной, её значение равно $1/(1 - MPC)$ – это и есть мультипликатор Кейнса. Данная сумма может значительно превышать размер изначального государственного стимулирования. Допустим, если MPC равно 0,5, мультипликатор Кейнса равен 2. Если MPC составляет 0,8, мультипликатор увеличится до 5.

Таким образом, каждый доллар, потраченный государством, в конечном счете становится доходом людей. Существенные коррективы вносит «мультипликатор доверия», который отражает изменения в доходе как следствие изменения доверия, каким бы образом оно ни измерялось или определялось. Приведу цитату из статьи Акерлофа: «Мы также можем принимать мультипликатор доверия за мультипликатор потребления, как следствие наличия нескольких кругов расходов. Обратные связи в этом случае будут интереснее, чем в приведенном ранее простом примере кругов потребительских расходов. Изменения в доверии приведут к изменениям в доходах на следующем круге, а каждое из этих изменений будет в свою очередь влиять на доход и доверие на всех последующих кругах»⁷.

Автор статьи предлагает сделать логический переход от экономики к системе получения, сохранения, передачи и освоения различных видов знаний как важной части нематериальных активов, тесно связанных с экономическими реалиями государства. В таком рассмотрении можно утверждать, что каждое воспринятое и освоенное на разных уровнях общего и специального образования знание, переданное государством своим ученикам с помощью преподавателей, преобразуется в их будущие доходы. Это в идеале, который В.И. Даль облёк в известный афоризм: «Как из копеек составляются рубли, так из крупинок прочитанного составляется знание»⁸. В реальности же иррациональное и мультиаспектное

этическое, мировоззренческое, ролевое, возрастное, эмоциональное и другие виды недоверия учеников и преподавателей друг к другу могут неосознаваемо и скрытно воспрепятствовать адекватному пониманию и освоению информационного капитала рациональных знаний. Из этой логики следует, что в образовательные системы разного уровня необходимо ввести как диагностическую, так и коррекционную работу с иррациональной составляющей социального человека, в частности с его интуитивно-эмоциональными ожиданиями и доверием к себе и другим.

Хотя последнее давно научились определять социологическими опросами, но, по замечанию Д.Акерлофа, тесты доверия могут не измерить иррациональное начало, а отразить лишь ожидания потребителей относительно их текущих и будущих доходов, и, кроме того, в разное время сила его (доверия) влияния на них бывает разной⁹.

Суммируя логически и статистически понятные идеи опытных экономистов, можно констатировать, что проблема распознавания доверия в первую очередь связана с малой диагностической точностью его измерения. Следовательно, без надёжного инструмента трудно дать адекватную оценку иррациональной реальности. Сложные вопросы валидности и достоверности социально-экономических тестов не могут быть решены в традиционной психологической парадигме абстрактного эталонного человека из репрезентативной выборки. Это замечание относится к известным проблемам психологического тестирования, рассмотрим их подробнее.

Проблемы психологического тестирования

Аргументированные рассуждения о критериях интерпретации, унификации и стандартизации психологических и психофизиологических тестов уместно предварить критической оценкой современного состояния этой проблемы.

Общепринято положение о том, что разные схемы интерпретации психологических и психофизиологических исследований жёстко завязаны на специфику конкретных методик. Набор анализируемых шкал для каждой методики свой, каждая из них работает в рамках своих подходов и использует терминологию, отражающую

щую таковые. В качестве шкал могут выступать разнотипные категории. В одном случае последние как-то связаны с личностными характеристиками, в другом – с психодинамическими, в третьем – с какими-то темами, в четвертом – с возможными вариантами психологической защиты, в пятом – с типами реакций на ситуации, в шестом – с какими-то абстрактными категориями и т. д. По используемой терминологии иногда можно понять, в рамках какого подхода или конкретной методики осуществлялось исследование, а в других случаях требуются специальные знания, чтобы вникнуть в интерпретации результатов. Некоторые типологии личности очень похожи по своей сути, но при этом используют разную терминологию. Встречаются и противоположные ситуации, когда одинаковые термины в разных типологиях личности несколько отличаются, иногда даже принципиально, по своему смыслу.

Многие авторы подчеркивают необходимость наличия полярных черт у одного и того же человека и арсенала разных подходов к решению проблем в зависимости от конкретной ситуации. Каждая методика работает в рамках своего теоретического подхода и использует преимущественно свою терминологию, отражающую его. С другими подходами конкретная методика может абсолютно не совпадать ни по терминологии, ни по задачам проведения исследования. Совершенно естественно то, что психология и психофизиология применяют различные подходы в исследованиях человека и поэтому выявляют разные закономерности, что полностью соответствует принципу дополнительности Н.Бора.

Своими разнонаправленными подходами психологическая деятельность существенно отличается от медицинской и педагогической сфер, специалисты которых после окончания вуза практически сразу могут начинать самостоятельную работу, потому что обучаются по унифицированным методикам и программам.

Приведу мнение декана факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, председателя совета по психологии Учебно-методического объединения (УМО) по классическому университетскому образованию в РФ Ю.П.Зинченко на эту тему: «Говоря об унификации, мы затронули достаточно болезненный для всех психологических факультетов вопрос: что такое психология и какой психологии в каждом из вузов учат? Не секрет, что психология в Московском университете отличается от психологии в

Санкт-Петербургском, Ярославском. <...> Поэтому проблема унификации подготовки психологов стоит не только в практической области. Прежде всего, должна быть общая модель построения образовательного процесса на факультетах психологии. Иначе мы по-прежнему будем напоминать “лебедя, рака и щуку”. Необходимо наладить диалог между научными школами. <...> Иначе, получив богатый набор знаний, психолог будет вынужден создавать собственную психологическую теорию и собственную психологическую практику»¹⁰. От себя добавлю, что именно так и происходит в разных сферах психологической деятельности.

Суть проблемы интерпретации, унификации и стандартизации психологических тестов, по моему мнению, проста: то, что *доступно поэлементному рациональному пониманию* в терминах общих сходств и различий, является *объективным иррациональным препятствием* для практического использования разных методов и методик в конкретных диагностических и терапевтических случаях. В качестве примера к вышесказанному приведу выдержку из антологии по психотерапии¹¹.

Р.У.Эмерсон: «Давайте подумаем о Джоне: он испытывает боль каждый раз, когда поворачивает голову. Пытаясь избавиться от страданий, он может обратиться к ряду специалистов, а начнет с того, о котором на основании своего опыта и “своих” представлений думает, что тот поможет ему лучше других.

И что же? Джон наверняка обнаружит, что точка зрения каждого специалиста и предлагаемые этим специалистом меры будут самым тесным образом связаны с образованием и жизненным опытом этого специалиста. <...> Каждое лечение может оказаться эффективным, укрепляя в своих убеждениях как Джона, так и соответствующих специалистов. Весьма вероятно, что и сам Джон, и специалист, к которому он обратится за помощью, станут упорно отстаивать свои взгляды на методы лечения, сомневаясь в возможности избавиться от этого недуга каким-либо иным способом».

Марк Твен саркастически заметил по поводу этого феномена: «Если единственный инструмент, которым вы располагаете, это молоток, то множество различных предметов покажутся вам гвоздями».

От себя в пику М.Твену замечу, что идея универсального инструмента не так уж и плоха, если следовать естественной природе человека: огромные массивы изначально разнородной внешней

и внутренней информации обрабатываются и аппроксимируются в группу конечных и понятных действий человека. Следовательно, есть какая-то общая для всех людей социальная категория, вокруг которой формируется облако индивидуально значимых смыслов и которую можно использовать в диагностических целях. Это доверие. В качестве примера подходит актуальная для сегодняшнего дня тема массового недоверия населения к результатам выборов в Государственную Думу Российской Федерации 6-го созыва (04.12.2011). Оно сконцентрировалось в центре Государства российского на Болотной площади (17.12.2011) и на проспекте Сахарова (24.12.2011) сотни тысяч совершенно разнородных и не обездоленных судьбой людей, лишившихся всего лишь последней иллюзии социального доверия к властной вертикали. Вроде бы абстрактная идея поправленной справедливости через виртуальные сети Интернета организовала множественную телесность граждан в единое действие, и это энергетически мощно, и это можно измерять и сравнивать.

Реальная возможность адекватной диагностики и коррекции иррационального начала социального человека появилась после создания технологии УллаДа с двумя измерительными инструментами в её составе, это «згоскопия» и «цветография».

Авторское предложение по унификации и стандартизации тестов

Всё сказанное выше подводит к предварительной формулировке новой научной задачи в проблеме теоретической и практической психологии: *создать, апробировать и внедрить в педагогику технологию глубинной интерпретации, унификации и стандартизации психологических и психофизиологических методов и методик.*

Аргументацию и алгоритмы решения этой задачи можно изложить так:

в структуре образовательной деятельности одним из ведущих условий успехов учеников и учителей является критерий взаимного доверия;

это нечётко измеряемое понятие требует разработки такого унифицированного психологического и психофизиологического подхода, который будет понятен ученикам, педагогам и родителям;

он в свою очередь должен быть не только междисциплинарным, но и актуальным для всех участников образовательных коммуникаций;

абстрактные морально-этические и конкретные экономические мотивации являются общезначимыми актуальными критериями для всех реальных участников учебной деятельности, о чём, к сожалению, свидетельствует мощная коррупционная составляющая российского образовательного процесса;

унифицированный концепт «мультипликатор субличного доверия» (МСД) как индивидуализированный прототип экономических действий может стать междисциплинарным интерпретационным и стандартизированным критерием в программах глубинной психологии и педагогики после его этической и психофизиологической адаптации к биоэтическим и социально-экономическим реалиям образовательной среды.

Теоретическое и практическое обоснование авторского предложения

Первой теоретической основой авторского предложения является фундаментально-прикладное мультидисциплинарное направление науки «Трилемматический материализм биоэтических методов диагностики, профилактики и лечения», Г.П.Юрьев (1997–2011 гг.)¹². В результате медико-биологических, социально-психологических и психофизиологических исследований автор сформулировал оригинальное естественнонаучное обоснование виртуально-мёбиусной топологии биосистем и алгоритмы иррационально-рациональных методов диагностики и коррекции в разных видах социальной деятельности человека. Это технология «УллаДа» («Эгоскопия», «Цветография») инструментального измерения, оцифровки и сравнения иррациональных, эмоционально-волевых и рационально-этических компонентов субличных и межличностных коммуникаций человека для их оценки в парадигме 4-х типов биоэтических суждений: «хорошо о хорошем», «плохо о плохом», «хорошо о плохом» и «плохо о хорошем» и 3-х способов (линейном, циркулярном, мёбиусном) регуляции «социального человека». Рассмотрим некоторые основные положения этой теории более подробно.

Общеизвестно, что внутренний мир «социального человека» противоречиво включает в себя естественные пластичность познавательных и воспитательных действий и одновременно жёсткое сопротивление действиям других людей. Внутренне-внешняя интуитивно-эмоционально-рациональная самоорганизация индивидуума осуществляется, как минимум, в 3-х основных контурах линейного, циркулярного и мёбиусного (биоэтического) типов управления.

В процессе обучения и воспитания у человека формируются устойчивые знания о том, «что такое хорошо и что такое плохо», и соответствующие этим знаниям поведенческие навыки и суждения: «хорошо о хорошем» и «плохо о плохом» – это нормальный вариант. Однако достаточно часто после действия внутренних и/или внешних факторов среды у них спонтанно формируются перепутанные (мутировавшие, ошибочные) стратегии и суждения: «хорошо о плохом» и «плохо о хорошем», которые являются благодатной почвой для созревания поведенческих «сорняков» и ошибок, включая девиантные поступки. Из-за этой перепутанности у личности закономерно нарушается регуляция психосоматического здоровья, а также восприятие, усвоение и воспроизведение учебного материала, нивелируется мотивация к приобретению новых знаний и навыков.

Самое главное в этом процессе то, что перепутанные модели суждений и действий маскируются и, следовательно, не воспринимаются человеком как полунезависимые и ситуационно активные части личности – *субличности*. Они (субличности), по определению всемирно известного итальянского врача-философа Р.Ассаджиоли (1889–1974), представлены индивиду в виде внутренних голосов, часто противоречащих друг другу.

Из этого следует, что если предоставить учителю и ученику инструментальную возможность распознавать свои нормальные и мутировавшие субличности, а затем научить их управлять ими, то существенно изменится психологическое и телесное здоровье индивидуума, его способности к учебе и сформируются устойчивые мотивации к образованию. Второе важное следствие диагностики и обучения – это моральное, психологическое и телесное оздоровление отношений между учениками, что прямо влияет на успешность педагогической деятельности.

Решение указанных задач можно осуществить с помощью комплексной мультидисциплинарной технологии, в основе которой лежит согласование противоречий между интуитивно-эмоциональной логикой разума, которая как бы бессмысленна (иррациональна), потому и определяется ничем не значащим словом Улла, и рациональной логикой ума (Да), при выборе решений типа «или – или». Именно этот внутренний конфликт позволяет, если так можно выразиться, полностью раскрыть внутренний мир человека, помочь ему навести в нём порядок, научить личной психологической безопасности и профилактике социальных дисгармоний. Задача такого раскрытия неимоверно сложна как с психологической, так и с инструментальной точки зрения, и она впервые в мире решена в технологии УллаДа.

Второй теоретической основой является Кейнсианская теория экономики, о чём сказано в первой части этой статьи (Педагогика, экономика и доверие). *Практической основой* авторского предложения является синтез двух теоретических оснований в мультиагентной парадигме техноэтических систем «человек – техника – человек», что позволяет объединить социальные, профессиональные, психологические, психосоматические и другие реальности человека в, так сказать, «живом» электронном паспорте человека¹³.

Вначале немного теории: любая мультиагентная система состоит из агентов, коммуницирующих между собой в какой-то дружественной для них среде. Агент – система, находящаяся в ней, действующая в среде и воспринимающая ее. Агенты способны к независимым действиям, представляя интересы владельца (пользователя). Многоагентная система (МАС) – та, которая содержит агентов, взаимодействующих между собою. Для этого агенты должны уметь сотрудничать, координировать действия и вести переговоры. Рациональный агент действует таким образом, чтобы он мог достичь наилучшего ожидаемого результата. Это передовая область научно-практических исследований, которые находятся на стыке нескольких направлений, таких как: искусственный интеллект; разработка ПО; распределенные системы; робототехника и наномеханизмы; экономика; психология и прочие гуманитарные науки.

Перейдём от теории к практике: общеизвестно, что экономические отношения в обществе возникают как специальные коммуникации внутри социальных групп и между их членами.

Концепция УллаДа исходит из мультиагентного принципа структурно-функционального устройства человека как «большого» социального агента, встроенного в общее коммуникативное поле. Каждая субличность как миниагент целостной биоэтической системы «человек» является прототипом реальных и потенциальных действий индивидуума в социальной реальности бытия, обладает своей интенцией, мотивацией и другими свойствами личности в относительном миниэнергетическом измерении. Алгоритмы иррационального поведения человека порождаются внутри личности в субличных коммуникациях, т. е. между миниагентами социальной среды.

Критерий смысло-энергетических (психофизиологических) затрат в процессе мультиагентной жизнедеятельности является внутренним аналогом и прообразом внешних экономических расходов и приобретений. Поэтому они оцениваются одинаковыми по смыслу характеристиками и метафорами, например: польза, вред, выгода, накопление, расход, перерасход, доверие, обман, целесобразность, ожидания, надежда и т. д. Из этого логично следует, что иррациональное начало в человеке во многом основано на субличных смысло-энергетических и эмоционально-волевых устремлениях предполагаемой выгоды, пользы, победы. Следовательно, идею Кейнсианской экономической модели можно адаптировать для индивидуального и коллективного измерения субличных смысло-физиологических паттернов, что и воплощено в технологии УллаДа.

При этом статистическая достоверность синхронного мультиагентного измерения личности на порядок выше, чем стандартная Кейнсианская модель, так как диагностическая система (Эгоскопия, Цветография) оперирует параметрами *равнопорождённых субличностей*. В классических же исследованиях психологи и психофизиологи пользуются данными асинхронного измерения параметров *разнопрождённых индивидуумов*, что вынуждает их вводить разные поправочные коэффициенты для повышения достоверности результатов.

В таблице 1 сравниваются разные методы по числу диагностических аргументов: чем их больше, тем точнее и надёжнее диагностика. Объединение методов мультиплицирует диагностических аргументов до 100 %.

Таблица 1

**Методические возможности распознавания
внутренне-внешней согласованности и правдивости
ответов испытуемых в зависимости от числа
диагностических аргументов метода**

<i>Диагностический аргумент метода</i>	<i>Психологические тесты</i>	<i>Классическая полиграфия</i>	<i>Цветография</i>	<i>Эгоскопия</i>
Субъективный балл теста	Есть	–	Есть	Есть
Цветоассоциативный оператор теста	–	–	Есть	–
Синхронность регистрации полимодальных показателей	–	Есть	Есть	Есть
<i>Канал X: электроэнцефалограмма (ЭЭГ)</i>	–	–	–	Есть
<i>Канал Y: электрокардиограмма (ЭКГ), фотоплетизмограмма (ФПГ), кожный показатель (КП)</i>	–	Есть	–	Есть
<i>Канал Z: (пиктомоторика на электронном планшете)</i>	–	–	Есть	Есть
<i>Показатель МСД (мультипликатор субличностного доверия)</i>	–	–	Есть	Есть
<i>Показатель КС (конфликт субличностей): Q-конфликт</i>	–	Есть	Есть	Есть
Число аргументов метода	1	3	6	7
Относительный % диагностических аргументов метода	13%	38%	75%	88%

Фактически новый критерий – *мультипликатор субличности доверия*, тестовая величина которого вычисляется по специальной формуле ($\pm\sqrt{X^2+Y^2+Z^2+\dots n^2}$), – маркирует *иррациональную эмоционально-волевою значимость* конкретной темы среди других исследованных, а также иерархию скрывааемых интенций.

При этом следует отметить, что *минимальная рассогласованность*, вычисляемая как максимальная разница между арифметическими величинами показателей (конфликт субличностей $\pm Q = 0-2$), соответствует максимально экономному, целесообразному расходу психофизической энергии для реализации согласованных субличных устремлений в этой теме. Метафора: могу долго заниматься любимым делом и не устать.

Максимальная рассогласованность (конфликт субличностей $\pm Q = 9-12$) соответствует избыточному, нецелесообразному расходу психофизической энергии для реализации противоречивых (конкурентных) субличных устремлений по типу «лебедь, рак и щука». Метафора: вроде ничего особенного не делал, но страшно устал.

В результате пиктологических тестирований можно сформировать визуальную картину внутреннего мира человека, мультиагентную карту субличных свобод и зависимостей от самых различных причин, вычислить степень внутренней свободы человека (рис. 1).

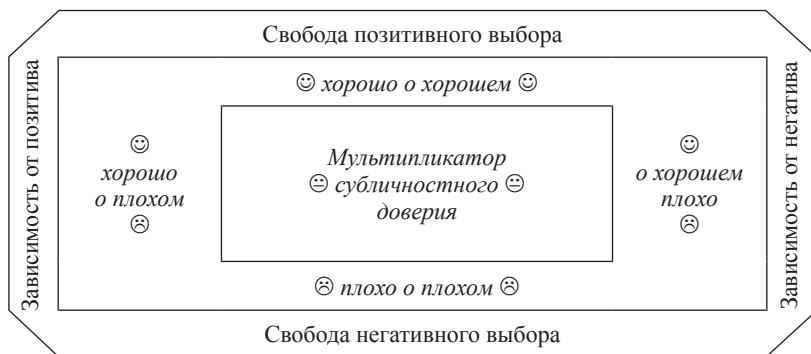

Рис. 1. Биоэтический джойстик субличных свобод человека

По распределению прямых и мутировавших субличностных моделей в серии тестовых решений можно вычислить степень индивидуальной субличностной свободы человека, а затем и контактной социальной группы по давно известным в математике формулам, например, с помощью критерия χ^2 (Хи-квадрат) Пирсона, U-критерия Уилкоксона – Манна – Уитни и других статистических методов. По сути, это живая *алгебра субличностных свобод человека*. Не одной, а множественных свобод и зависимостей личности. По результатам объективных измерений можно строить целенаправленную коррекцию мутировавших социальных блоков и этим действием помогать целостной личности настраивать свою индивидуальную гармонию.

В процессе апробации и внедрения нового инструмента измерения субличностных структур учеников и студентов автор получил фактический материал, позволяющий по-новому оценить и скорректировать структуру обучения и воспитания для повышения эффективности преподавательской деятельности, а также для создания оптимальной образовательной среды в учебных заведениях.

Мультипликатор субличностного доверия позволяет унифицировать и стандартизировать результаты специальных психологических и психофизиологических исследований человека, сохраняя при этом строго индивидуализированный подход к эмоционально-волевой структуре его личности. Весь массив разнородной информации о каждом человеке можно будет свести в единую систему простых научных терминов, понятных всем участникам образовательного процесса. Автор уверен, что за новым концептом «мультипликатор субличностного доверия», который можно измерять как контактно, так и дистантно с помощью цветографической облачной «Интернет-технологии и УллаДа», большое будущее.

Примечания

- ¹ Глубинная педагогика (англ. depth pedagogy) – авторский термин, синтезирующий в себе понятия педагогики и глубинной этики в инструментально-логическом измерении. (Прим. авт.)
- ² Юрьев Г.П., Скоморохов А.А., Харламова Н.И. Глубинная этика в инструментальном измерении (Эгоскопия и Цветография) // Материалы науч.-практич. конф. поликлиники № 1 РАН, Москва / [науч. ред.-сост. Г.П.Юрьев]. М., 2011. С. 345–366.

- 3 Мультипликатор субличностного доверия (the multiplier of subpersonal confidence) – термин Г.П.Юрьева, развивающий понятия «мультипликатор Кейнса» и «мультипликатор доверия» Д.Акерлофа применительно к субличностному содержанию педагогики и этики человека. (*Примеч. авт.*)
- 4 Мультипликатор доверия (confidence multiplier). См.: *Акерлоф Дж.* (George A.Akerlof). Animal Spirits: доверие и его мультипликаторы. Статья на сайте: http://www.elitarium.ru/2011/10/03/animal_spirits_doverie_multiplikatory.html
- 5 Среди ведущих представителей этого направления – лауреаты Нобелевской премии по экономике Л.Клейн, Ф.Модильяни, П.Самуэльсон, Дж.Тобин, Дж.Акерлоф и другие крупные ученые. (*Примеч. авт.*)
- 6 *Акерлоф Д.* Animal Spirits: доверие и его мультипликаторы, статья на сайте: http://www.elitarium.ru/2011/10/03/animal_spirits_doverie_multiplikatory.html
- 7 Там же.
- 8 Афоризмы, см. на сайте: <http://frazochka.ru/authors/3630.html>
- 9 *Акерлоф Д.* Animal Spirits: доверие и его мультипликаторы, статья на сайте: http://www.elitarium.ru/2011/10/03/animal_spirits_doverie_multiplikatory.htm.
- 10 *Зинченко Ю.П.* Психологам нужна сертификация. Статья в № 08/2007 журн. «Школьный психолог» издат. дома «Первое сентября» <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200700812>
- 11 Психотерапия – что это? Современные представления / Под ред. Дж.К.Зейга и В.М.Мьюниона / Пер. с англ. Л.С.Каганова. М., 2000.
- 12 *Юрьев Г.П.* Трилемматический материализм биоэтических методов диагностики, профилактики и лечения // Материалы научно-практич. конф., посвящ. 65-летию поликлиники № 1 РАН, Москва / [научн. ред.-сост. *Г.П.Юрьев*]. М., 2011. <http://ullada.ru/publ>
- 13 *Рассел С., Норвиг П.* Искусственный интеллект. Современный подход. Вильямс, 2007. 1408 с. См.: http://aivanoff.blogspot.com/2007/12/blog-post_18.html.

М.А. Пронин

Виртуал команды – феноменология и теоретическая модель командообразования

Введение

Согласно Акмеологическому словарю¹, команда – это сложное образование: «Команда управленческая (К.у.) – группа, ориентированная в первую очередь на решение организационно-управленческих задач руководителя, обеспечивающая усиление его влияния на организационную структуру и людей в этой структуре как на явном, так и на латентном уровнях.

К.у. в широком смысле – это группа людей, осуществляющая реальное руководство и управление в организационной структуре; в более узком смысле – это группа единомышленников, реализующая задачу, как совпадающую, так и не совпадающую с целями той организационной структуры, в рамках которой она официально функционирует.

К.у. отличается как от управленческой группы, которая выступает формально-иерархическим функциональным объединением управленцев, так и от коллектива, прежде всего реализующего деятельность, заданную извне. При этом управленческая группа может психологически выступать как в качестве команды, так и команда может быть коллективом.

Одной из особенностей К.у. является то, что, в отличие от коллектива, который всегда функционирует на уровне явной организационной структуры, она может и в большинстве случаев реально действует на уровне латентной организационной структуры.

Понятие К.у. шире, чем управленческая группа. Будучи ориентированной на реализацию организационных целей, управленческая группа может входить в состав команды руководителя, но может и полностью с ней не пересекаться. В значительной мере это определяется как характером его собственных задач, так и мерой его участия в формировании управленческой группы.

Возможно построение типологии К.у. по различным основаниям: в зависимости от их функциональной роли в организационно-управленческой структуре (команда “под идею”, команда “под конкретную управ-

ленческую задачу”, команда “защиты руководителя”), от позиции руководителя (“моя команда” – “наша команда”, “своя команда” – “формально-иерархическая команда”).

Преобладание при формировании команды мотивации “защиты себя” или “защиты дела” позволяет выделить следующие варианты формирования управленцем К.у.:

– “защита себя” (подбор людей по недостаткам для повышения управляемости, подбор по преданности для защиты в настоящем и будущем, подбор на основе неформальных связей для укрепления своей позиции, подбор-компромисс между группировками и др.);

– “защита дела” (подбор по реальным достоинствам, перспективный подбор на основе оценки потенциала, подбор единомышленников, подбор под свою задачу, подбор команды под заданную извне задачу и др.)»

Вот такое определение. Достаточно пространное и вызывающее вопросы не меньше, чем уважения к столь подробному описанию палитры феноменов проявления команды, группы, управленческой группы, коллектива и прочих вариантов и типов ее разновидностей. Определение свидетельствует о том, что попытки свести классификацию многомерного объекта к одной или двум осям (основаниям) малопродуктивны. В стороне остается и внутреннее восприятие команды у ее членов. Тем не менее приведенное определение отражает преобладающие в управлении взгляды на команду, ее описания и понимание.

Виртуальная психология оперирует виртуалами², и нас интересует виртуал команды, иной взгляд на данный управленческий (социальный) феномен.

Виртуал команды – новое для отечественного и мирового управления понятие, на наш взгляд, позволяющее ухватить все многообразие феноменологических проявлений командообразования. Настоящая работа ставит перед собой задачу лишь первой иллюстрации данного утверждения.

Виртуальный человек и виртуал команды

Разработка понимания онтологии внутреннего пространства (мира) человека, как бы мы его ни называли: психологическим, субъективным, духовным, антропологическим, субъектным и т. п. – была, есть и останется одной из фундаментальных задач философии и науки.

Практические затруднения, возникающие с «субъективным фактором» при решении сложных и/или новых задач (таких, как реформы, инновации, модернизация и т. п.), упираются не только в отсутствие конкретных знаний о возможном поведении человека – в самом широком гуманитарном смысле этих слов – в тех или иных новых/непривычных для него условиях и не столько в недостаточное наше представление о конкретных причинно-следственных зависимостях, результатах и эффектах в хитросплетениях воздействия и взаимодействия внешних факторов и внутренних реакций человека, сколько в недостаточно оформленные наши представления об онтологии его внутреннего мира. В данной области виртуалистика разработала идеализированный концепт «виртуальный человек», имеющий онтологический статус, ключевой для понимания феноменологии формирования команды.

Виртуальный человек как теоретический конструкт включает компоненты – элементы и их свойства – виртуальные реальности телесности, сознания, личности, воли, внутреннего и внешнего человека. Полагается множественность каждой из реальностей, что находит подтверждение как в наших исследованиях, так и в сопоставлении с имеющимися научными данными, например, в выделении интегральной психологией субличностей у индивида. Одновременно полагается иерархичность их развертывания и свертывания, поэтому отдельное место в работе виртуалиста, практика–артевта, занимает анализ–диагностика целостности виртуала конкретного человека, отдельного виртуального события (такого, как ошибка или бронхоастматический приступ) или единичного виртуального образа, который тоже можно назвать виртуалом, и виртуала группы: семьи, коллектива, команды, организации и пр. Виртуал, кстати, может включать традиционную систему «человек-машина».

Имея структуру концепта «виртуальный человек»: телесность, сознание, личность, воля, внутренний человек – достаточно просто увидеть феноменологию командообразования – образования коллективной (групповой) целостности: телесной, ментальной (концептуально-понятийного единства), рождение единой личности, проявления коллективной воли, рождение духа команды.

Ниже будут приведены примеры – рассказы участников Великой Отечественной войны³, иллюстрирующие феноменологию проявлений командного виртуала – виртуальной реальности команды, с моими краткими комментариями.

Феномен коллективной телесности, сознания и личности

Рассказ в книжке называется «Передислокация (Пражская операция)».

«...Сейчас уже и не помню, каким образом начался разговор. Но для меня этот рассказ тоже явился неким эталоном того, что такое на самом деле была война – когда согласованное напряжение всех сил огромного количества людей позволяло решать задачи, масштаб которых намного превышал обычные человеческие возможности...

– Один раз мы по приказу переходили с одного фронта на другой. Шли пешком целую неделю – шесть дней, причем по территории, занятой немцами. Прошли за это время шестьсот километров.

– Папа, постой, постой! Ничего не понимаю. Это же в день по сто километров получается.

– Да. Но не за день, а за сутки.

– Ну, вот я – геолог, и что такое проходить большие расстояния, понимаю. Я могу представить себе, но с большим трудом, что один раз за сутки это можно сделать. Но шесть дней подряд?! Не понимаю.

– Правильно. А у нас в этом эпизоде специальный строй применили. Становятся взводом, по четыре человека в ряд, в полном снаряжении, с вещмешками и берут друг друга под руки. Те двое, что в середине, свои руки просовывают под вещмешок впереди идущего. Все идут в ногу, довольно быстро, и те, кто в середине, на ходу спят! Те, кто снаружи, следят, чтобы спящий товарищ не упал, если нужно, поддерживают. Потом меняются. В сутки шли по двадцать часов, плюс два часа на сон и еще два часа суммарно – переобуться, поесть и отдохнуть несколько раз. Конечно, если кто ноги в кровь сбивал или из сил выбивался, то давали возможность отдохнуть на подводах или машинах. Ну и разведчики, которые поменно впереди шли, конечно, тоже необходимый отдых получали: им-то обязательно нужно быть внимательными. Так ведь еще и стычки с немцами происходили: они время от времени на нашем пути заслоны выставляли. Вот это, конечно, было неприятно. Разведчики подходили к такому заслону, завязывали бой. А нам команда: “В цепь!” Все просыпаются, а поскольку все приемы давно отработаны, то моментально рассыпаются цепью в стороны от дороги, занимают позиции и готовятся к стрельбе и

к атаке. Наша артиллерия и минометы начинают немцев обстреливать. Но обычно до атаки дело не доходило – после небольшого боя немцы, как правило, отходили, поскольку их заслоны были немногочисленные, а у нас по каждой дороге шла не рота и не полк – больше. Вот как только немец отойдет, тут-то и начиналось самое сложное: исполнение команды “Стройся!”. Все же, как только ложились в цепь, так сразу засыпали! Попробуй всех спящих солдатиков по кустам собери, чтобы, Боже упаси, не забыть кого! Очень непросто это было.

– Папа, а что нельзя было на машинах всех перевезти?

– Понимаешь, машины, конечно, были. Но они везли свой груз и на всех техники все равно не хватало. Это же считай, вся наша 18-я армия передвигалась. Если бы полк или дивизию надо было переместить, то да, можно было бы из других частей дополнительно техники набрать. А так все вместе двинулись. Потом, подумай, какую массу груза – продовольствие, боеприпасы, горючее для всей техники и прочее хозяйство – на какое большое расстояние надо было за короткое время перевезти – тех машин, что были, и так едва хватало. На пехотинцев техники тогда не полагалось. Поэтому пешком шли.

И потом есть простое правило. Как бы ты противника не уничтожил, дух его не сломил, позиции не разбомбил, но пока пехота не прошла и не заняла территорию, победа не достигнута. Вот мы и шли...»

Комментарий.

Рассказ интересен и сам по себе, и важен тем, что демонстрирует способ формирования единой (общей) телесности, сознания, личности и воли – в данном случае взвода. Кто-то в сознании, а кто-то спит. Кто-то командует. Кто-то ведет разведку, и т. д. Очень прозрачный пример, не находите?

Кстати, слова корпоративность, корпорация от слова корпус – тело. Да и само оно в армии указывает на специфическое полифункциональное войсковое объединение.

Еще один способ формирования общей телесности, по преданиям, применял Чингисхан. Если хоть один человек из десятка попадал в плен – казнили десяток. Если десяток – казнили сотню. Если сотня – казнили тысячу. Очевидна решаемая управленческая задача: коллектив должен чувствовать свои «части», свою телесность.

Феномен проявления командного концептуально-понятийного единства

«Когда бежишь в атаку, целиться в кого-то некогда. Ты должен бежать 3–4 секунды до намеченной заранее ямки, а пока бежишь, успеть наметить следующую. Чуть задержался, заметался, тут в тебя обязательно попадут. *Мне это опытные солдаты сразу объяснили, как только я на фронт попал. Это одна из премудростей боя, кто ее освоил, живет дольше, это точно* (здесь и далее выделено мной. – М.П.). Обычно ведь как бывает – в отделении до наступления десять человек, из них трое или четверо – опытные, обстрелянные. Заканчивается наступление – осталось четверо: трое “стариков” и, может быть, один молодой, освоившийся. Остальные или ранены или убиты. Отделение опять пополняют, и хорошо, если опытными бойцами, после госпиталя».

Комментарий.

Осознанность и произвольность – понимание того, что делаешь, – отличает профессионала от непрофессионала, молодого – от опытного специалиста. Кто-то заметит, что есть ноу-хау, неизреченные экспертные знания, молчащие знания и пр. Все так. Здесь пример важен для понимания процессов формирования сознания опытного боевого подразделения. Конечно же, в данном примере концептуально-понятийный пласт не рассмотрен в буквальном смысле, но пространство мышления и внимания опытного бойца в атаке его философию, несомненно, раскрывает.

Феномен формирования коллективной (командной) личности

«Вот представь себе ситуацию. Стоим в обороне, готовим наступление. Против нас – старый противник, нас хорошо знает. Мы уже пробовали его сбивать с позиций, перед тем как фронт стабилизировался, – не получается. Что делает наше командование? За несколько дней до наступления перебрасывает нас на другой участок. Начинается наступление, и мы идем, и нового для себя противника гоним и гоним. Он так упрется, мы его эдак берем. Чтобы он ни делал, не может нас удержать и все. Через две-три недели вдруг – перестает у нас получаться. С какого бока не зайдем, какие уловки не применим, не идет дело: все атаки отбивает! Командование засылает разведку – узнать, что за часть у немцев против нас воюет. Разведчики либо документы после вылазки принесут, либо языка

возьмут. И что ты думаешь? Перед нами старые знакомые. Немецкое командование узнало, кто у нас на этом участке воюет, и выставило против нас того, кто нас знает и может сдерживать. И мы уже можем продвигаться, если только немца обстоятельства заставляют отходить. Вот так».

Комментарий.

Еще один пример, доказывающий то, что командная личность – не надуманная вещь: и немецкое, и советское командование учитывало коллективный почерк своих подразделений и подразделений противника.

Как говорят опытные подводники, экипаж подводной лодки – это один человек! Если кто-то заболел, то происходит перераспределение здоровья между другими – боевые товарищи заменяют больного, «становятся здоровее»!

Вот еще один пример «перераспределения» ответственности, а вернее – жизненного потенциала в команде. Рассказ «Как бросать гранаты».

«Ты чего, <биип>, думаешь, как в кино, так и на самом деле было, <биип>?! Конечно, <биип>, если рядом с тобой комиссар с пистолетом в окопе сидит и приказывает с гранатой из окопа вылезать и под танк – как миленький вылезешь и будешь кидать эту гранату... Так в бою ты можешь и уцелеть, а вот комиссар точно пристрелит за невыполнение приказа. Только толку от таких “подвигов” немного было, <биип>! Когда я первый раз в бой попал вместе с другими бойцами, необстрелянными еще, то как раз на нас танки немецкие пошли. *“Старики” нам приказали вообще сидеть на дне окопа и не рыпаться*, потому что немцы лупили по окопам так, что не высунешься. *Они сами, без нас отбивались* – разобрали противотанковые гранаты и кидали их на звук подходящего к окопам танка. А чтобы попасть, по окопу перебежали к тому месту, куда танк подходит. А граната, <биип>, тяжелая, около килограмма, ее далеко и не кинешь. При мне, рядом, бывалый солдат так гранату в танк и кинул. Удачно кинул, гусеницу танку перебил, поэтому танк до нас не доехал. Но пока он кидал, и его рука с гранатой над бруствером мелькнула, из танкового пулемета ему в эту руку немец две пули всадил, <биип>! Голову бы он высунул, ему бы голову разнесло, <биип>, А ты, <биип>, говоришь, из окопа в полный рост с гранатой, <биип>, как в кино, <биип>. Слушать противно, <биип>! Я такие фильмы и не смотрю никогда, вранье все, <биип>, <биип>!»

Феномен проявления командной (коллективной) воли

Рассказ называется «Прорыв колонны».

«Где-то подо Львовом уперлись в немца, стоим уже несколько дней. Линия фронта проходит поперек долины, а по долине идет дорога, вполне приличная, не проселок. Сил у нас и у немцев примерно одинаково, но немец сидит в обороне, на нас не давит, поскольку Львов и так почти окружен. А метрах в двухстах в тылу за нашими окопами вся долина довольно круто поворачивает, и что там, за поворотом, ни нам, ни немцам не видно. И вот около полудня слышим сзади – гул моторов. Смотрим выезжают из-за поворота несколько автомобилей «Додж 3/4» американских с нашими реактивными установками. Автомобили эти были немного покрупнее «виллиса», а реактивная установка – не от «катюши», поменьше, может быть – авиационная. Водитель там сидит слева в отдельной кабине, а справа от него – установка и направляющие стоят почти горизонтально. В установке то ли шесть, то ли во семь реактивных снарядов. А у водителя – кнопка запуска. И вот только первый автомобиль повернул и встал вдоль долины, водитель прямо на ходу нажимает эту кнопку и снаряды с небольшим интервалом начинают лететь в сторону немцев. И никуда он особенно, судя по всему, попадать и не собирался, потому что разброс этих снарядов был большим: то он ямку объедет, а снаряд в склон долины долбанет, то машина в другую ямку немного нырнет – так чуть по своим не влепит. Как только у первой машины боекомплект весь вылетел, она отворачивает в сторону, водитель вылезает и по-быстрому из кузова берет другие снаряды и заряжает свою установку. А в это время уже вторая машина пускает свои снаряды, а за ней идут в готовности еще штук десять “Доджей”. Первая машина как готова, встает в хвост последнему “Доджу”, едет и ждет своей очереди стрелять. Таким порядком они едут и непрерывно стреляют. Ну, в общем, шороху навели – немцам ничего не видно за разрывами и за дымом, они только по сторонам кинулись, подальше от этого безобразия. Да и наши немного растерялись – не знал же никто, что происходит, тоже в стороны стали расплзаться. Так эти “Доджи” и проперли через нас и через немцев. А за ними – Т-34, броневики, грузовики с пехотой, с грузами, целая колонна, батальон пехоты, не меньше. Ну и замыкали всю колонну тоже танки. А когда колонна шла через немецкую полосу обороны, и танки, и пехота тоже не стеснялись, если нужно, стреляли. Длилось это недолго: минут через двадцать, тридцать уже все затихло – этой колонны как и не было. Так и ушли они по этой дороге в тыл к немцам выполнять какую-то свою задачу».

Комментарий.

Командная реальность телесности создает возможность для проявления командного сознания, далее следует личность и наконец – воля.

Когда данные пространства сформированы, возникает возможность проявиться командному духу – добродетели команды, особому состоянию силы, мужества и доблести у воина в бою, когда многие вещи разворачиваются как бы сами собой, легко и непроизвольно. В вышеприведенном примере опешил от слаженности действий колонны, идущей в немецкий тыл, не только противник, но и наши.

Надеюсь, что примеры все сказали сами за себя, если нет, то мой комментарий был уместен.

Феномен разворачивания командного (коллективного) внутреннего пространства

Рассказ называется «Кровь».

Это уже мое описание – моя история, а не из книги, что цитировалась выше.

Полагаю полезным оговорить следующий момент: большинство читателей подумают, что предлагаемый текст скорее художественный, чем научный. Соглашусь, но замечу, что феноменологическое описание требует предъявления ситуации и ее очевидную зримость для читателя, иначе теоретические рассуждения и выкладки «повиснут в воздухе». Поэтому «художественность текста» – здесь мера необходимая, вынужденная.

Речь в предлагаемом примере пойдет о разворачивании управленческих виртуалов – пространств деятельности людей, – о динамическом аспекте командообразования. Особо обращаю внимание на то, что виртуал командных (коллективных) действий может развернуться из любого элемента любой реальности, но лишь таких, что имеются у каждого из участников коллективного действия.

«День ничего не предвещал. Стояла глубокая осень. Шла полоса типичной ленинградской погоды: дни походили один на другой и в этой череде однообразно тоскливых дней, произошла эта история. Лет уж двадцать минуло с той поры, но вижу все до мело-

чей. Не могу вспомнить лишь одного, что было до – перед самим событием, – и сразу после него: ретроградная и антеградная амнезия, как говорят коллеги-врачи.

Проходили мы тогда военно-полевую хирургию, и в плане наших занятий стояла тема “заготовление... крови в войсках”. Порядок организации этого процесса нам, слушателям военно-медицинской академии, предстояло изучить, что называется на месте: гарнизонная станция переливания крови производила забор крови в одном из военных училищ города Ленинграда...

Как обычно, с утра моросил дождь, хмурое питерское небо стояло прямо над лужами, сырой, холодный, мерзкий ветерок хотя и не так уж, чтобы дул, но пробирал до костей. В **этой серой унылой** пелене мы и прибыли на место.

Добротное дореволюционное здание, еще юнкерского училища, отзывалось эхом шагов в пустынных длинных коридорах казарменного корпуса. Высокие сводчатые потолки, лепнина, вытянутые арочные окна, широкие лестницы с дымчатыми мраморными ступенями, черным кованым металлом решеток перил и отполированным за столетие руками благородством темных поручней, стены в сажень толщиной, гармонично окрашенные в классическое сочетание бежевого и белого цветов, и никого кроме одиноких дневальных, взирающих на нас как на инопланетян: все на занятиях, а тут вдруг летчики – мы будущие авиационные врачи носили голубые погоны, – ищущие казарму такого-то курса...

Личного состава курса, куда мы пришли, не было. Как оказалось, командование воспользовалось днем донора – когда нет занятий, – для решения каких-то своих воспитательных задач. Не прибыли еще на место и коллеги со станции переливания крови. Ожидание дало возможность мне немного побродить, почувствовать иной, отличный от привычного академического, строй армейской жизни. Вдохнуть, ощутить неожиданное сочетание благородного микроклимата старинного здания и резкого аромата молодой, наполняющей его жизни...

Вдруг появился личный состав станции – медсестры, врачи и основная рабсила – военные санитары. За суетой развертывания медицинского оборудования я не сразу обратил внимание на майора медицинской службы – начальника станции переливания крови. Невысокий и щуплый, если не сказать, неказистый, такой же

серый и обыденный как осенний ленинградский день и его серая вытертая, совсем без ворса парадная шинель, он производил впечатление человека отсутствующего и даже лишнего: процесс, налаженный и отработанный, катился сам собой. Сапоги, португя, шинель его – опрятные, но уже выдавшие виды, – офицерский загар – все отличало его и от моих преподавателей по академии, и от его же коллег, облаченных в белые халаты.

Я почему-то начал “тенью” ходить за ним, и вдруг я ощутил и свою собственную сторонность происходящему. Все работают и все знают, что делать, и майор знает, что должно быть и что происходит, и только я и мои однокашники, которых, как и меня, насколько я видел, никто не замечает, – здесь то ли зрители, то ли статисты...

Организационная суета угасла. Все развернуто. Все готовы. Повисла тишина. Майор неторопливо прохаживается по коридору. Все ждут. Атмосфера как в театре перед занавесом.

Наконец появляется курс. Сначала курсанты, построенные во взводные коробки в колонну по четыре, с ними курсовые офицеры, и, наконец, начальник курса и замполит. Просторный коридор с высоченными сводчатыми потолками позволял свободно двигаться выстроенной, слаженной военной махине.

– Ку-ууурсс... Стой! – разнеслось в коридоре над ровным, уверенным шагом полутора сотен здоровых, молодых тел.

На счет раз, два, что я, проверяя про себя, отсчитал, курс четко встал и замер.

– Напра-аа-во!.. Равнясь!.. Смирно!..

Начальник курса принял доклад дежурного офицера и отдал команду вольно. По строю пошло сдержанное оживление. Командование курса и начальник станции переливания крови представились друг другу и стали, по-видимому, обсуждать суть дела. Разговор их продолжался не долго: курс готов, готова к работе и станция. Во время разговор я увидел вопросительный кивок головы начальника курса в нашу сторону – в сторону «статистов», – майор что-то ему ответил, тот понимающе кивнул головой еще раз... Какие-то последние согласования... Все, обстановка ясна. Все пойдет своим чередом.

Все так и пошло. Вновь прозвучали команды: “Равнясь! Смирно!..” – строй замер. Начальник курса еще раз принял доклад, что-то сказал о запланированном дне донора и передал слово

начальнику станции переливания крови. Майор вышел вперед и начал говорить о порядке работы. Говорил он не много, все по существу дела, прямо, просто и без обиняков. Слушали его курсанты серьезно: выяснилось, что это первый день донора в истории их жизни и в истории их курса. **В конце своего обращения майор задал традиционный вопрос: “Есть ли вопросы?”** Общее напряжение к этому моменту несколько спало, и из строя донесся чей-то бравирующий с ехидцей голос: “А мы не обязаны кровь сдавать! Вообщето, это дело-то – добровольное!”

Все замерли в ожидании.

– Вы так считаете? – майор обратился ко всем, ничуть не смутившись.

– Да! – послышались и другие голоса из строя.

Строй ожил и забурился... Майор посмотрел через плечо на командование курса – офицеры своим видом показывали, что дело тут тонкое, курс – вот он, – разбирайтесь, мол, сами...

– Если вы больны или плохо себя чувствуете, то, конечно, кровь вы сдавать не должны, – попытался разрядить ситуацию майор.

Буза хоть и шутками, начала нарастать...

– Значит, говорите – не обязаны!?

– **Нет! Не обязаны!** – в ответ уже дружный хор курсантов, стоящих по стойке вольно.

– **Хорошо!** – **обращаясь ко всем, сказал майор, обернулся к начальнику курса и попросил его – Прикажите, пожалуйста, принести Устав вооруженных сил!**

Над всеми повисло замешательство. Я тоже удивился: вроде в Уставе про это нигде не написано...

– Дежурный, принести Устав! – отдал приказ начальник курса с некоторым внутренним недоумением.

– **Дневальный, принести Устав!** – дублировал команду дежурный сержант, крикнув в гулкий конец коридора.

Вдалеке было видно, как дневальный из тумбочки достал знакомую малиновую книжку и шагом, не спеша, направился в нашу сторону. Курсанты, да и мы – статисты, – замерли заинтригованные. Офицеры с серьезными, но тоже с явно озадаченными лицами, взирали на происходящее. Больше других недоумевает замполит, отметил я про себя. Один майор – начальник станции переливания

крови, – был спокоен. Он просто стоял один перед строем и ждал, когда ему принесут Устав, не обращая внимания на происходящее. Напряжение нарастало...

– Бегом! – зло крикнул замполит.

И дневальный рысью полетел к нам. За три шага до начальника курса перешел на строевой, но тот, дернув рукой, показал ему пальцем на майора.

И вот, Устав в левой руке майора. Он поворачивается к насто-роженному строю. Все молчат. Я все хорошо вижу, т. к. замечаю, что стою почти по середине коридора, прямо передо мной майор, за его спиной слева от меня все офицеры, курс – справа. Партер...

Все ждут. Ждет и майор.

Догадываясь каким-то шестым чувством, что сейчас что-то должно произойти, понимаю неуместность своего положения и тихонечко сдвигаюсь ближе к стене.

Майор подается немного назад и через левое плечо выразительно смотрит в глаза начальнику курса. Тот, наконец, понимает, стряхивает замешательство, поворачивается к курсу:

– Куу-рс!.. Равня-йсь!.. Смирно!.. – звучит его команда жестко, но с отчетливым ожиданием...

– Курс, – обращается майор, – слушай Присягу! – отрывает первую страницу Устава, где опубликована Присяга, и начинает читать.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников...

Вижу, как, начиная улавливать пафос момента, офицеры, мои однокашники вытягиваются по стойке смирно. Чувствую, что, и я сам тоже внутренне собрался.

– Я клянусь, – продолжает читать майор, – добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству...

Майор читает, а я про себя думаю – к чему это он клонит? Вижу недоумение и в лицах курсантов. Смотрю – и офицеры озадачены не меньше...

– Я, – продолжает он дальше, – всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови! – с ударением на “крови” читает майор, делает паузу...

Строй аж покачнулся! В этот миг в моей голове проносится: “Вот сукин сын!”. В меня бьет горячая волна, идущая от курсантов, да и самого, что называется, пробрало...

Майор же держит паузу. Поднимает голову, смотрит на строй и говорит, с металлом в голосе, с расстановкой чеканя слова:

– Для господ курсантов, ... позабывших слова Присяги, ... читаю еще раз! – Не щадя своей кро-ови, – выделяет он, – и самой жизни для достижения победы над врагами...

Вижу, как начальник курса становится красным как рак. На лицах курсовых офицеров – ошалелое восхищение. Замполит бледнеет, втягивает голову в плечи и, сгибая руки в локтях и сжимаемая кулаки, приседает как перед борцовской схваткой...

– Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся*. – Заканчивает майор в звенящей тишине. Заканчивает, гулко захлопывает Устав и, не поворачиваясь, отставляет левую руку с ним за свою спину назад...

Заключительная сцена в «Ревизоре» Н.В.Гоголя – ничто, по сравнению.

Первым пришел в себя дежурный – подхватил из рук майора книгу и отскочил в сторону. И правильно сделал. Поперек его траектории отхода уже двинулся к строю начальник курса.

– Куу-рс!.. – взревел он с потягом, охватывая все пространство этажа. – У-ууу, с...! Я вас научу Родину любить! – безошибочно прочитал я в его голосе.

Курс, и так уже стоявший по стойке смирно, вытянулся как струна.

– Отставить!.. – курс как один человек – подался назад.

– Куу-рс!.. – громыхало в коридоре, – Напра-во!.. – Рота почетного караула Кремля – цирк на палочке. – Куу-рс! На сдачу крови,.. Шагом!.. Марш!..

* Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР. – М.: Воен. Изд-во МО СССР, 1970.- С. 5.

Курс – монолит, железобетон, – двинулся на сдачу крови.

Курсовые офицеры, обретя невидимую опору понимания и назначения своего присутствия, пристроились и зашагали в ногу с курсом... Замполит, проходя мимо дежурного по курсу, зло вырывает у того из рук малиновую книжку Устава. Да, дело-то, оказывается, – политическое, отметил про себя я, переводя дух от только что произошедшего...

Курсанты, обнаженные до пояса, с серьезными лицами выстраивались офицерами в очереди к развернутым пунктам забора крови, медперсонал слаженно работал, замполит со строгим лицом деловито курсировал по всему пространству, сжимая в руке Устав. Все организовалось и запустилось, будто по взмаху волшебной палочки.

Майор – начальник станции переливания крови, – вновь посерел, приобретя обыденный, незаметный вид, сложил руки за спиной и стал прошаживать по коридору, не обращая особого внимания на налаженный процесс...

Была, правда, еще одна сцена, что врезался в память, нарушая общую идиллию, но добавляя еще один яркий мазок во все происходящее.

Один из курсантов стал «увиливать», но дезертирство было пресечено на месте. «Вы сачок, курсант такой-то!» – ревел замполит: «Сдать кровь!»

– Я не могу, у меня же был гепатит! – жалостливо возражал курсант с обидой в голосе.

– Я вам покажу гепатит... У вас на все есть свой гепатит... Сдать кровь, курсант такой-то!.. Сестра, – обратился замполит к медсестре, – Возьмите у него кровь!

– Я не могу, если у него был гепатит, – возражала испуганная медсестра. – Мы не имеем права брать кровь, если человек переболел гепатитом, т. к. **можем заразить больного, которому ее перельют**, – оправдываясь, лепетала медсестра...

– Я вам приказываю – взять кровь!

– Что я с нею буду делать?

– Возьмите кровь у курсанта такого-то и отдайте ее ему! Пусть он с ней, что хочет – то и делает! Взять кровь!.. Сачок!.. – после чего последовало перечисление всех прегрешений этого курсанта.

По насмешливому виду его товарищей, я смог догадаться, что этот курсант был человек, действительно, “заслуженный”...

После произошедшего организация забора крови, развертывание и свертывание медицинских сил и средств, все это уже стало малоинтересным. Как не удивил меня и тот самый курсант, убегающий куда-то по коридору с полиэтиленовым медицинским пакетом, заполненным своей кровью. Ведь все шло уже своим чередом, это была обычная, будничная текучка. Помню свое настроение и внутреннее состояние когда я возвращался в академическое общежитие слушателей, повторяя про себя ожившие слова присяги, не обращая внимания на промозглый сумеречный ленинградский вечер, и вспоминал этого майора... Я шел, заложа руки за спину, сливаясь своей намокшей серой шинелью с лужами, домами, небом... Пешеходы проходили мимо, не замечая меня, и город жил какой-то своей, одному ему понятной, обыденной жизнью...»

Комментарий.

Итак, в данном рассказе, надеюсь, достаточно ясно представлено как развертываются миры в управлении – пространство совместных действий офицеров, курсантов, сотрудников станции переливания крови...

Еще раз обращаю внимание на то, что пусковым крючком, запустившим порождение пространства слаженных, согласованных совместных действий, стало слово «кровь» из текста Присяги. Оставим в стороне возможные замечания о «несерьезности» аргументации или даже об откровенной манипуляции со стороны начальника станции переливания крови: один элемент – одно слово – запустил самоорганизующийся процесс деятельности более чем сотни человек.

Заключение

В настоящей работе многое осталось «за кадром». Тем не менее следует подчеркнуть, что системная модель командного виртуала охватывает статический и динамический модулы бытия команды, ее онтологическую структуру (элементы, порождающую и порожденную реальности, роторную и дивергентную компоненты), инвариантную траекторию становления в пространстве физически реализуемых состояний с иерархией. Порожденный феномен актуального существования команды на уровне целост-

ности, определяемый через понятие «виртуал команды», включает обыденное (консуетальное) состояние и регистры развала деятельности (ингратуалы) и сверхэффективного ее функционирования (гратуалы). Уже формализовано понимание нормальной и патологической онтологии в пирамиде командного виртуала, включая его телеономическую (целевую) и деятельностьную составляющие, а также его тело и оболочку, что также не было рассмотрено, как и не были приведены феноменологические примеры (видовые проявления) – казусы, нормы и патологии при синомичном и аномичном способе формирования виртуса (в обыденном понимании – духа) команды.

Все это – предмет для последующего более подробного сообщения.

Примечания

- ¹ Акмеологический словарь / Под общ. ред. А.А.Деркача. М., 2004.
- ² Виртуал – 1) обобщенное название для виртуальных событий, виртуальной реальности, совокупности виртуальных реальностей, фрагмента виртуальной реальности в противопоставлении себе; 2) видовое название для гратуала и ингратуала в противопоставлении консуеталу. Виртуал, в отличие от других психических производных, вроде воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение своего собственного ума, а как реальность. Виртуал обладает следующими свойствами: непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективированность, измененность статуса телесности, сознания, личности и воли (*Носов Н.А.* Словарь виртуальных терминов // Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 7: Тр. Центра профориентации. М., 2000).
- ³ *Яковлев Ф.* Рассказы моего отца. Как воевали на той войне. М., 2004. Здесь и далее примеры из данной книги. Книга же любезно предоставлена автору А.Ф.Яковлевой – старшим научным сотрудником Ин-та философии РАН, за что ей выражаю искреннюю признательность.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

Из истории формирования проблематики комплексного изучения человека (Дейчландсбергские симпозиумы)

В 1980-х гг., по признанию не столько отечественных, сколько главным образом зарубежных специалистов, советская философия занимала достойные позиции в мировой философии. Свидетельством тому могут служить даже изменения чисто формального характера: включение русского в число официальных языков Всемирных философских конгрессов, избрание академика И.Т.Фролова вице-президентом Международной федерации философских обществ, проведение в Москве **VIII Международного конгресса по логике, методологии и философии науки** и, наконец, проведение впервые в России XIX Всемирного философского конгресса. В содержательном плане эти изменения были обусловлены тем мощным развитием, которое получила в 1970–1980-е гг. в нашей стране проблематика философии и этики науки, глобальных проблем, а также новый, гуманистический облик советской философии, вызывавший чрезвычайный интерес за рубежом в годы перестройки. В период перестройки советская философская мысль отнюдь не воспринималась как провинциальная.

В этот период можно говорить об известной синхронности в развитии западной и отечественной философской мысли. Но ещё раньше, в 1970-е гг., когда после всеобщего экономического кризиса, вызванного резким ростом цен на нефть, обострились различные социальные проблемы, во всём мире началось серьёзное изучение социальных последствий научно-технической революции, связанных с появлением совершенно новых проблем: ухудшение экологической обстановки, ограниченность ресурсов, обострение демографической ситуации – получивших позже название глобальных проблем.

В Советском Союзе инициатором исследования глобальных проблем был И.Т.Фролов, который в целом ряде своих работ осуществил их глубокий анализ. Он подходил к глобальным проблемам прежде всего как философ, выдвигая в качестве идеала гармоничную коэволюцию общества и природы. И.Т.Фролов разрабатывал глобальную проблематику синхронно с западными коллегами. Совместно с ними он участвовал в соответствующих проектах международных организаций (ЮНЕСКО, ЮНЕП и др.). Как верно отметила Н.В.Мотрошилова, «Иван Фролов стал одним из тех, кто в отечественной науке и философии заложил основы нового и весьма перспективного научно-теоретического, богатого практическими следствиями направления – учения о глобальных проблемах современности, биоэтики, этики науки в целом. И что принципиально важно, это было сделано синхронно с мировым научно-теоретическим опытом, в дискуссиях с зарубежными и отечественными коллегами»¹.

Синхронность философского развития обеспечивалась интенсивным обменом мнениями, который только расширялся от года к году. В ходе взаимно уважительного диалога, при готовности слушать и слышать друг друга и вместе решать общемировые проблемы, российская философская мысль подчас задавала тон и влияла на выбор приоритетных направлений исследований. В частности, тема XVIII Всемирного философского конгресса в Брайтоне (1988 г.) «Философское понимание человека» была предложена советскими учеными. В нашей стране в 1980-е гг. сложилось мощное исследовательское направление комплексного междисциплинарного изучения человека. Лидером этого направления, объединившего не только философов, но и психологов, нейрофизиологов, генетиков и специалистов других наук, выходящих на проблему человека, стал академик И.Т.Фролов. В организационном плане формы объединения исследователей этой области становились всё масштабнее: в 1983 г. была проведена Первая Всесоюзная конференция по комплексному изучению человека, в 1987 г. был образован Научный совет при Президиуме АН СССР по комплексному исследованию человека, в 1989 г. был создан Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке и принята академическая программа научных исследований «Наука, общество, человек», в 1991 г. было принято решение об организации Института человека РАН.

Развитие по нарастающей этих организационных форм отражало изменение проблематики научных и философских исследований в сторону приоритета проблемы человека. Ранее в философском плане она изучалась в рамках философской антропологии. Несмотря на многие интересные результаты, полученные философскими антропологами в XX в., они не слишком продвинулись вперёд от своей исходной точки – дискуссии вокруг содержания понятия «природа человека». Всё более актуальной становилась идея комплексного изучения человека в его целостности. Требовался пересмотр неокантианской традиции разделения на науки о природе и о культуре, вследствие которой человек брался, с одной стороны, как природное существо, а с другой – как обладающее свободой воли, генерирующее символы и руководствующееся смыслами и ценностями. Философское понимание человека нуждалось в оплодотворении результатами исследований наук и требовало более широкой площадки для изучения. Ею стала философия науки.

Логика, методология и философия науки заняла лидирующие позиции в мировой философской мысли в 1970-е гг., оставив далеко позади по степени интереса и актуальности более традиционные дисциплины, в частности, философию природы. При этом фактом является то, что к 1980-м гг. именно в рамках философии науки выросло направление комплексного исследования человека, причём это происходило синхронно в России и на Западе. Могли быть иные пути формирования интереса к философским аспектам проблемы человека, но получилось всё именно так. Имеет смысл разобраться: почему?

Философия науки – дисциплина в высшей степени рефлексивная. Наука, развёрнутая во всем многообразии, имеет своим предметом все сферы окружающей человека реальности и его самого. Исключение составляет лишь аспект целостности, который не схватывается наукой в силу самой её природы. В свою очередь философия науки как бы удваивает рефлексивность, делая предметом научное изучение действительности. При таком подходе на первый план выдвигается сторона науки, связанная с её существованием как одной из форм человеческой деятельности. Если же избран подобный угол рассмотрения, то аспект целостности, фиксирующий единство и взаимосвязи проявлений человека, становится доступным. Философия вступает в свои права.

Кроме того, наука демонстрирует нам сущность человеческой деятельности, так сказать, в чистом виде. Всякая человеческая деятельность имеет две стороны: репродуктивную и генеративную. В научном творчестве приоритет отдаётся последней. Размышляя о науке, мы с необходимостью имеем в виду человека, занятого конструированием того, чего ранее не было в природе. С течением времени всё большее число природных процессов протекает при непосредственном воздействии человека, а иногда и под его управлением. Поэтому изучение науки становится изучением человека, охватившего своей деятельностью всю доступную ему природу. Поскольку мы понимаем науку как деятельность человека, не можем ограничиваться лишь гносеологическим аспектом её анализа, а должны учитывать также этический и практический аспекты.

Вот суть того нового взгляда, который был получен в дискуссиях специалистов по философии науки в середине 1980-х гг. Показательны в этом отношении выводы, сделанные президентом Международной федерации философских обществ Э.Агацци на Всемирном философском конгрессе в Брайтоне в 1988 г.: «Научная деятельность – род человеческой деятельности, и в этом своём статусе она не может не ориентироваться на ценности»². Этический, ценностный аспект должен приниматься во внимание не только при оценке применения результатов научных исследований, но и при постановке исследовательской задачи, при выборе путей и средств её решения. Это необходимо, поскольку сегодня объектом исследования выступают не фрагменты природы как таковые, а человеко-природные комплексы, включённые в планетарную орбиту человеческой деятельности. Негуманное изучение человека искажает истину, будет ненаучным.

Наряду с учётом этической, ценностной стороны научной деятельности, необходимо уделять внимание и её социально-практической стороне. Сегодня, например, нельзя даже затронуть вопросы генетики человека, не обратившись к массе сложнейших социальных проблем. В условиях социально разделённого общества возникает проблема доступа граждан к вновь созданным наукой возможностям, их недобросовестного использования специалистами, заведомо более информированными, чем неспециалисты, проблема чисто функционального отношения к человеку, игнори-

рования его самооценности. Весь этот комплекс проблем необходимо учитывать. Здесь нельзя ограничиться императивом времён Галилея и Бэкона: «Ничего кроме чистой науки!».

Прекрасной исторической иллюстрацией, наглядно демонстрирующей изменение проблематики философии науки в сторону формирования комплексных подходов к изучению человека, могут служить симпозиумы по сквозной теме «Наука и гуманизм», проводившиеся в течение десяти лет с 1979 по 1988 гг. в Австрии в г. Дейчландсберге. Организаторами их были Исследовательский институт им. Людвига Больцмана при Университете г.Граца (Австрия) и Институт науки и общества при Университете Эрлангена-Нюрнберга (ФРГ).

На обсуждение выносились следующие темы: «Социальная теория, научная теория и естествознание» (1979), «Основные направления научных исследований» (1980), «Влияние ценностных факторов на научные исследования» (1981), «Факторы и критерии выбора исследовательских программ» (1982), «Структуры, регулятивы и закономерности развития науки» (1983), «Значение концепций природы для наук о культуре» (1984), «Место и роль субъекта в философских концепциях природы XX века» (1985), «Научное познание и гуманность: структура и динамика процессов и решений, направленных в будущее» (1986), «Гуманистическое содержание наук: изменение основополагающих ценностей (тенденции в философии и науковедении)» (1987), «Научный прогресс и условия возрастания гуманности» (1988).

Инициатором проведения симпозиумов был австрийский профессор Й.Гёчль и директор Института науки и общества при Университете Эрлангена-Нюрнберга К.Буррихтер. Й.Гёчль обеспечивал патронаж ежегодных симпозиумов со стороны правительства федеральной земли Штирии. Президент МФФО А.Димер оказывал поддержку и принимал участие в работе симпозиумов. К дискуссии приглашались специалисты по философии науки из европейских, главным образом немецкоязычных стран: Австрии, ФРГ, Западного Берлина, Швейцарии, Нидерландов. Основным смыслом встреч заключался в налаживании диалога между учёными Западной и Восточной Европы. Поэтому приглашались и учёные из европейских социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР, Чехословакии. Советские философы участвовали в Дейчландсберг-

ских симпозиумах с 1982 г. В разные годы среди советских делегатов были ведущие специалисты в области философии и этики науки: И.Т.Фролов, Ю.В.Сачков, А.А.Гусейнов, Г.Л.Белкина и др. Каждый день на симпозиуме заслушивался один или два приглашённых докладчика, а затем следовала общая дискуссия.

Само перечисление тем симпозиумов показывает нам вектор смещения интересов участников: от специальных проблем философии науки к проблеме человека, которая ставится отнюдь не в абстрактно-философском плане, а в связи с острыми коллизиями, вызванными стремительным развитием науки, её вмешательством в образ жизни, а то и в саму природу человека. Соответственно на первый план в дискуссиях участников выдвигались вопросы о том, как реагировать на происходящие изменения, как по-новому мы должны понимать науку, какие новые ценности необходимо сформулировать, чтобы дать ответ на вызов современной биологии, какой в результате этих изменений должна стать философия?

В дискуссиях IV симпозиума 1982 г. на тему «Факторы и критерии выбора исследовательских программ» обсуждению подверглись вопросы оценки современной стадии НТР, система детерминант, определяющих развитие науки сегодня, соотношение условий и законов в анализе эволюционных процессов. Л.Захер (Австрия) утверждал, что можно согласиться с концепцией НТР, представленной в работах Радована Рихты (Чехословакия), но подобная революция в социалистических странах фактически не происходит. В ходе дискуссии много внимания уделялось специальным проблемам философии естественных и гуманитарных наук, например, роли случайности в статистических закономерностях или наличию объективных законов в истории, роли ЭВМ в формировании современного языка науки, понятиям цели и самоорганизации. Но основное внимание было уделено проблеме соотношения ценностных установок и закономерностей развития науки. В работе симпозиума принимал участие президент Международной федерации философских обществ А.Димер (ФРГ).

В центре внимания симпозиума 1983 г. на тему «Структуры, регулятивы и закономерности развития науки» была проблема возможностей, которые наука предоставляет для выбора путей развития общества³. Спорным оказался вопрос о научном предвидении будущего. Л.Крюгер (Западный Берлин) утверждал, что возлагать

свои надежды на науку было бы ошибочным: наши знания никогда полностью не соответствуют объектам. Ю.В.Сачков обратил внимание собравшихся на моменты преемственности в развитии знания, на роль технологических и социальных потребностей в развитии науки. К.Вессель (ГДР) доказывал, что развитие научного познания характеризуется не только «асимметрией» (будущее открыто, прошлое свершилось), но и определённой «симметрией» (альтернативность, объективные моменты выбора в прошлом). Участники дискуссии отметили, что синергетика и системный анализ более эффективно описывают подобные ситуации, чем вероятностные (статистические) методы.

Дискуссии касались проблемы соотношения социальных факторов и внутренней логики развития науки, естественного и искусственного в познании, роли истории философии в раскрытии закономерностей развития естествознания. В докладе Г.Л.Белкиной «Социально-этические регулятивы научного познания» подчёркивалось, что наука опирается на ряд методологически-нормативных ценностей, которые часто имеют абсолютное, универсальное значение. Именно она как целое, как особый социальный институт детерминирует свою ценность как средство достижения практических целей человечества, что в одинаковой степени касается как прикладной, так и фундаментальной науки. Именно она как целое лишь тогда может выполнить свою главную социальную функцию, когда ориентируется непосредственно на истину как цель и исходит из объективности познания как высшей ценности, а не руководствуется «оптимумом» достижимого при наличных условиях, что, по мнению некоторых ученых, является главным исходным пунктом прикладной науки. Особое значение это приобретает, когда мы рассматриваем социально-этические и гуманистические регулятивы научного познания. Наука для человека – лишь такая всеобщая социально-этическая, гуманистическая ориентация образует универсальную основу оценки науки с той точки зрения, насколько она способна подчинять свои имманентные цели всеобщей цели социального развития человечества, когда реализация сущностных сил человечества становится самоцелью.

В дискуссии по этому докладу обсуждались вопросы: насколько этика включена в сам «механизм» науки – или же должна вноситься в неё извне; есть ли внутри науки тенденции и возможности

преодолеть определённые противоречия, возникающие между наукой и этикой; в каких отношениях находятся между собой естественные и гуманитарные дисциплины. Вывод дискуссии – преодоление указанных противоречий возможно при соблюдении принципа приоритета человека.

В.Крон (ФРГ) затронул проблему свободы человека в научно-технической среде, способной к самоусложнению: считать ли здесь человека творцом или же звеном информационных процессов. Г.Хёрц (ГДР) говорил о социальной стороне научно-технической деятельности, подчеркнув, что техника не есть просто прикладное измерение естествознания, а особый род научной деятельности, в основе которого лежит конструирование.

Представители западной философии науки выразили явный скептицизм относительно существования законов исторического развития познания. Научное познание, с их точки зрения, есть такая деятельность человека, которая не имеет собственных закономерностей: открытие нового заведомо не может быть закономерным. Эта деятельность регламентируется нормами, которые сложились в обществе и не имеют отношения к собственно развитию науки. При этом вопрос об источнике данных норм остаётся открытым. В своих утверждениях представители западной философии науки исходили преимущественно из позиций конструктивистской, лингвистической и инструменталистской философии. В высказанных на симпозиуме идеях можно видеть ранние формы современного конструктивизма в эпистемологии и популярной сегодня идеи технауки.

На VI симпозиуме 1984 г. на тему «Значение концепций природы для наук о культуре» в пленарном докладе «Мышление о природе: философские и культурологические аспекты» И.Гёчль (Австрия) утверждал, что, исследуя историю человеческого мышления о природе, можно обнаружить две основные позиции. Первая – природа рассматривалась как объект, категориально отличный от человека, существующий независимо от него, но способный быть познанным им. Вторая – природу можно познать адекватно лишь в том случае, если рассматривать самого человека во всех его проявлениях как её интегрированную часть. Великие физическое теории XX в., а также теория эволюции и молекулярная генетика открывают новое видение природы и человека, а именно «отноше-

ние человек – природа». Это находит своё явное выражение в том, что познающий субъект (человек) не может быть более отделён от объекта (природы). Они оказываются настолько связанными между собой, что структуры субъекта с необходимостью вливаются в понятие объективности. В отношении различных философских теорий о природе в XX в. наблюдается аналогичная тенденция. Это попытка познать субъект в цельности, тотальности с природой. К подобным философским попыткам, которые зачастую весьма отличаются друг от друга, Гёчль отнёс теорию уровней Николая Гартмана, философию процесса Уайтхеда, философско-теологическую космологию Тейяра де Шардена, материалистическую философию, эволюционную теорию познания. Анализ стиля мышления в естествознании и философии XX в. обнаруживает естественнонаучно обоснованное увеличение сцепления структуры «человек – природа» и неразделимость отношений «субъект – объект».

Г.Хёрц (ГДР) в докладе «Есть ли новый тип науки на этапе научно-технической революции?» отметил, что, исходя из разработок новых аспектов современной науки, проведённых И.Т.Фроловым, Й.-М.Леге, И.Пригожиным, М.Эйгеном, Штаренбергской группой и др., следует рассмотреть структуру современного типа науки в сравнении с типом науки периода промышленной революции.

И.Т.Фролов в своей книге «Man – Science – Humanism: A New Synthesis» (М., 1986) писал о новом типе науки, о новом синтезе науки и гуманизма, о необходимости преодоления разрыва между целями познания и гуманистическими идеалами. И.Пригожин и И.Стенгерс назвали свою очередную книгу «Новый синтез. Метаморфозы науки». В ней авторы рассматривали концептуальную трансформацию, приведшую к новому облику науки, «включающей самого открывающего и описывающего этот мир человека»⁴. Природу следует понимать теперь не как технически используемый внешний мир, но как целостность, тотальность, в которой продолжается становление человека. С помощью биотехнологии он превращается в конструктора природы. Как видим, отсюда один шаг до самой обсуждаемой сегодня проблемы – «конструирования человека». Тип науки следует понимать исторически. По мере открытия новых возможностей человека меняются представления о его отношении к действительности, о критериях научной рациональности, о функциях науки. Современный тип науки имеет тен-

денцию преодолеть разрыв между естественными и гуманитарными дисциплинами, истиной и ценностями в познании. Основной задачей науки становится решение комплексных и глобальных проблем посредством работы в междисциплинарных областях.

Вместе с тем акцент на активности человека как субъекта познания и деятельности не означает, что в природе мы познаём лишь самих себя, привнося в неё порядок и смысл, как предположил П.Яних (ФРГ). Природа остаётся первичной, в противном случае вообще невозможно было бы говорить о познании. Дискуссия продемонстрировала, что сходство в констатации активного включения проблематики человека в современные концепции природы не исключает различий в интерпретации этих новых фактов. Признание возрастающей роли субъекта вовсе не обязательно сопровождается усилением субъективизма в методологии. Речь идёт, напротив, о необходимости неклассического понимания объективности познания.

В докладе И.Т.Фролова и Г.Л.Белкиной «Культурные аспекты научно-технического развития» и в их выступлениях в дискуссии было подчёркнуто, что, говоря о культурных аспектах научно-технического развития, мы тем самым не противопоставляем культуру науке и технике и не исходим из концепции «двух культур» (Ч.П.Сноу), хотя надо признать, что дивергентные процессы здесь до сих пор сильнее конвергентных. Наука и техника в принципе органически соединяются в единой культуре человечества в широком смысле этого слова, совпадающем с понятием цивилизации. Однако в узком своём значении культура может представлять как система и знания о духовной стороне человеческой деятельности, и гуманистических ценностей, отличных от научного знания, а потому по-своему характеризующих его в определённых аспектах. Культурные аспекты всякого развития, включая научно-техническое, означают его оценку, соотнесение с высокими гуманистическими ценностями. Но это означает также, что «точкой отсчёта» всякого развития является человек. Докладчики подчёркивали важность развивающейся в современном мировом научном сообществе тенденции гуманизации науки, её подчинения целям человека и общества, соединения исследовательских и ценностных подходов, развития социально-этических основ науки, её органического включения в общую систему гуманистической культуры. Стано-

вится всё более ясным, что социальная, этическая и гуманистическая ответственность учёных не является альтернативой свободы научного поиска. «Человеческое измерение» науки необходимо как в самих исследованиях, так и в их применениях, причём культурные, гуманистические аспекты научно-технического развития должны приобретать всё более решающую роль и не подавляться соображениями о материальной выгоде от технологических применений науки и о якобы принципиальной нерегулируемости познания. Докладчики предложили понятие «высокого соприкосновения» для осмысления современного этапа НТР и его перспектив, связанных с развитием микроэлектроники, информатики и биотехнологии. Суть его в том, что новому, более высокому уровню технологии производства должна соответствовать новая, более высокая ступень развития общества и самого человека в их взаимодействии с природой. «Высокое соприкосновение» научно-технического прогресса вообще и новых технологий в особенности с развитием общества, человека и природы и означает акцентирование культурных аспектов научно-технического развития. В более широком смысле это означает требование коадаптации разума и гуманности как фундаментальное условие существования и развития человека и человечества сегодня и в будущем. Необходимо «высокое соприкосновение» человеческого разума с самим собой, так как истинный разум гуманен по природе своей. Если не произойдёт такого «высокого соприкосновения» сегодня и в будущем, у человечества не только не будет ни настоящего, ни будущего, но исчезнет и прошлое.

Гуманистическая направленность докладов советских философов вызвала оживленную дискуссию участников симпозиума. Отметим, что всё это происходило до начала перестройки, которой, естественно, никто тогда предвидеть не мог. Тем не менее в советской философии вполне развилось гуманистическое направление во главе с И.Т.Фроловым. Идеи этого направления лягут в основу политики перестройки. Но своё влияние на развитие философии науки они оказывали уже тогда. Явственно было видно, что формируется новая сфера исследований, в которой осуществляется философское осмысление и гуманистическая оценка новейших результатов научно-технического развития, так или иначе затрагивающих человека. Независимо от названия этой сферы – «ком-

плексное междисциплинарное исследование человека», «гуманитарная экспертиза и биоэтика» – суть в том, что её появление – это реализация объективной тенденции развития философии науки, выросшей в том числе из международных дискуссий специалистов высочайшего класса.

Однако некоторые представители западной философии науки отрицали наличие закономерностей в развитии общества и в развитии наук о культуре как наук о действиях человека. Так, в докладе Г.Люббе (Швейцария) утверждалось, что в науках о природе объяснения даются через закон, но в науках о культуре (гуманитарных науках) пользуются историческим объяснением. Историю образует последовательность сингулярных, единственных в своём роде событий. Историю имеет только культура, по отношению к природе это понятие может использоваться при анализе случайностей. Г.Люббе не только полагал, что история не имеет законов, что случающиеся события вызваны субъективными причинами, он шёл гораздо дальше и утверждал, что эволюционные процессы заведомо непредсказуемы. Они вариативны, причём выбор и осуществление той или иной возможности в принципе не прогнозируемо.

В ходе VII симпозиума 1985 г. на тему «Место и роль субъекта в философских концепциях природы XX века» в центре внимания оказалась проблема управления прогрессом, успешное решение которой рассматривалось в качестве условия обеспечения дальнейшего существования человечества, будущего человеческой цивилизации. Что касается развития науки в связи с проблематикой гуманизма, наиболее обсуждаемым был вопрос о происхождении и возможностях обоснования норм и ценностей науки⁵. Очевидно, что данная тематика органически выросла из прошлых дискуссий в Дейчландсберге и явилась свидетельством определённого поворота философии науки к проблеме человека. Й.Гёчль в пленарном докладе продолжил развивать мысль об изменении понимания субъекта в философских концепциях XX в. **Сегодня присущее философской методологии Нового времени категорическое разграничение объекта и субъекта безнадежно устарело.** В исторической ретроспективе и перспективе объект и субъект предстают как единство естественной истории и истории культуры.

Доклад И.Т.Фролова и Г.Л.Белкиной был посвящён «человеческим аспектам науки». В нём авторы продолжали развивать свою ранее высказанную идею о «новом синтезе науки и гуманизма». Докладчики обратили внимание на опасности, скрытые в превращении науки в так называемое «научное производство». Реальным становится отвлечение узких научно-технических специалистов от культурных и гуманистических проблем. В своё время Ортега-и-Гассет называл этот «человеческий разрыв» одной из форм «восстания масс». Расцвет цивилизации порождает варварство самоуверенного, но «неграмотного» в нравственном отношении учёного, безразличного к ценностям культуры и гуманизма⁶. Отсюда со всей остротой встаёт вопрос о необходимости разработки проблем этики науки, в особенности в тех областях, где человек непосредственно выступает как объект исследования (генетическая инженерия, этология и др.). И.Т.Фролов поставил вопрос о выработке биоэтических кодексов экспериментирования на человеке и обеспечении социально-этического контроля за соблюдением установленных требований. Главным принципом биоэтических кодексов И.Т.Фролов называл признание права индивида на свободу и неповторимость и считал обязательным её закрепление нормами морали и закона. Вместе с тем он полагал, что при соблюдении этих норм научные исследования могут развиваться беспрепятственно.

В результате исследований, проведённых к началу 1980-х гг., И.Т.Фролов смог органически вписать свои идеи в области этики науки и биоэтики в рамки комплексного междисциплинарного подхода к проблеме человека. Проблема определения степени риска в исследованиях, затрагивающих воспроизводство человека, требует объединения усилий и естественников, и философов, и правоведов и должна быть в центре внимания политиков и широкой общественности⁷. В тот год, когда проводился вышеупомянутый Дейчландсбергский симпозиум, И.Т.Фролов углублённо занимался проблемами этики науки, готовил книгу по этой тематике⁸. Принципы, сформулированные им в докладе в Дейчландсберге, наглядно демонстрируют его взвешенный подход к проблеме. И.Т.Фролов требует от учёных испытывать чувство ответственности и гуманистической тревоги, но далёк при этом от наукофобии и эскапизма. В основе его позиции лежит идущее от Маркса глубо-

кое философское понимание того, что наука становится демонической силой в отчуждённом обществе, но не является угрозой сама по себе. Одновременно мы можем видеть в докладе И.Т.Фролова зарождение российской биоэтики. Надо заметить, что в 1985 г. и на Западе биоэтика была на начальной стадии своего развития, так что биоэтические размышления И.Т.Фролова находились на переднем крае научно-философской мысли. Американский историк биоэтики Р.Т. Де Джордж констатировал: «Возможно, самый большой вклад, внесённый И.Т.Фроловым в исследования в этой области, заключается в подчёркивании глобального характера, который имеют многие проблемы биоэтики». Сказав, что советские философы отставали от представителей других профессий и от аналогичных обсуждений на Западе в постановке и анализе проблем биоэтики, он сделал вывод: «Фролов является выдающимся исключением». Анализируя дискуссии в Дейчландсберге, мы можем констатировать, что биоэтика как междисциплинарная сфера исследований и практики возникла в ходе гуманистической трансформации философии науки.

На VIII симпозиуме 1986 г. «Научное познание и гуманность: структура и динамика процессов и решений, направленных в будущее» острую дискуссию вызвал вопрос о возможности предвидения будущего. Наряду с однозначно негативными ответами на этот вопрос, многие участники высказали мнение, что предвидение реальных перспектив будущего становится сегодня одним из необходимых условий управления социальным прогрессом в целях выживания и развития человечества. По мнению О.Маркварда (ФРГ), науки сами по себе обладают гуманизирующими потенциалами. «Две культуры» Сноу или «три культуры» Лепениза взаимно ограничивают себя. Плюрализм взаимоограничивающих себя научных культур является существенным моментом гуманизирующего потенциала науки, поскольку единство последней весьма проблематично. По прогнозу Маркварда, мир будет всё больше нуждаться в гуманитарных науках. По мнению Г.Хёрца наука как рациональное познание мира имеет практически неограниченные возможности, при этом задача гуманистической философии состоит в предохранении науки от негуманных путей развития. Нельзя относиться к науке просто как к производительной силе без учёта глобальных проблем. Развитие микроэлектроники, информатики и

биотехнологии требует нового мышления. В системе «человек – машина» возрастает ответственность человека за принятое решение. Н.Хагер (ГДР) обратила внимание на то, что неопределённость играет очень большую роль в процессах принятия решения. По мнению Г.Кёхлера (Австрия), степень определённости будущего зависит от полноты наших знаний. Т.Фельдеш (Венгрия) обратил внимание на то, что сам человек вносит во всякую ситуацию множественность возможных решений, а потому детерминированность их в обществе невозможна в отличие от природы. При этом субъективно человек может считать принятое им решение неизбежным. Человек выбирает сам, но выбор его детерминирован, ограничен законами природы. От СССР на симпозиуме выступила Г.Л.Белкина с докладом о роли науки в предвидении будущего.

На IX симпозиуме 1987 г. на тему «Гуманистическое содержание наук: изменение основополагающих ценностей (тенденции в философии и науковедении)» обсуждались вопросы ответственности учёных не только за практическое использование научных результатов, но и за сам исследовательский выбор⁹. Интересное развитие получила дискуссия о возможности включения в научный выбор ценностного начала. Э.Моршер (ФРГ) убедительно обосновал классическую новоевропейскую позицию по этому вопросу о ценностной нейтральности науки. Парадокс состоит, однако, в том, что позиция эта может быть логически безупречно обоснована, но этого оказывается недостаточным для её принятия. Ясно, что ценностные параметры развития науки не могут оставаться лишь внешними запретами. Однако логически обосновать синтез когнитивных и ценностных моментов познания пока что не удаётся. Сегодня тезис о ценностной нейтральности науки не проходит не по логическим, а по гуманистическим, т. е. практическим основаниям. В ходе дискуссии было высказано мнение, что усложнение техники и технологий не ведёт автоматически к повышению их надёжности. Острее становится проблема случайности и риска. Появились формы риска, способные привести к необратимым глобальным катастрофам. К тому времени уже вышла книга У.Бека «Общество риска», где ставились многие из этих проблем. Становилось ясно, что вопрос о технической надёжности – это, таким образом, вопрос о человеческой надёжности. Повышение конфликтности отношений между

людьми эту надёжность снижает. Действительно, в высокотехнологических обществах возможны атаки на «узкие места» системы, которые способны вывести её из строя (в случае, например, террористической атаки, как это имело место в США в 2001 г.). Г.Л.Белкина в своём докладе о нравственной ответственности учёного в современном мире обратила внимание, что этику науки нельзя сводить к профессиональному этосу учёного.

Юбилейный X симпозиум 1988 г. был посвящён теме «Научный прогресс и условия возрастания гуманности»¹⁰. Участники заключительного X симпозиума, оценивая результаты проводившихся начиная с 1979 года в течение 10 лет Дейчландсбергских симпозиумов по теме «Наука и гуманизм», констатировали их безусловную результативность в анализе тенденций развития философии науки.

Этот анализ показывает, что с развитием научно-технической революции, при всей ее противоречивости, вызвавшей небывалое развитие производительных сил, сегодня встают и мировоззренческие, и этические проблемы гуманизации научно-технического прогресса. Вопросы гуманизации НТП сегодня напрямую связаны с проблемами человеческого существования. Участники дискуссий согласились в том, что развитие НТР не влечёт за собой автоматически гуманизацию науки, да и общества в целом. Поэтому таковая предстаёт ныне как актуальнейшая задача для всех ответственных исследователей независимо от их мировоззренческих установок.

К числу новых тем, поднятых за десять лет Дейчландсбергских симпозиумов, следует отнести социокультурное понимание науки (симпозиумы 1983 и 1987 гг. – Й.Гёчль, И.Эрпенбек), идею нового синтеза науки и гуманизма (1985 г. – Г.Белкина, И.Фролов), постановку вопросов этики в связи с философией науки (1987 г. – А.Гусейнов, К.Войцеховский), требование разработки этики ответственности (1984 г. – Х.Позер, О.Маркварт). Приведённые примеры хорошо демонстрируют главный вектор дискуссий: от вопросов профессионального этоса учёного к этике науки, приоритет которой – гуманистическое развитие общества. Наиболее обсуждаемым был вопрос о способах внедрения этических критериев в сам процесс научного исследования. Инициатор симпозиумов И.Гёчль говорил в связи с этим о необходимости подвести под научно-техническую

цивилизацию антропологическо-этическое основание. Научное *познание* и гуманистические *решения* – вот центральный пункт стратегии овладения научно-техническим прогрессом, обеспечивающий сочетание его эффективности с гуманностью. Об этом шла речь в докладах на целом ряде Дейчландсбергских симпозиумов (1981, 1982, 1986 гг. – Г.Хёрц, Г.Мейер, М.Бур и др.).

Через все симпозиумы красной нитью, то ослабляясь, то усиливаясь, проходила дискуссия об образе будущего общества, о возможных методиках анализа футурологических проблем.

Серьезное обсуждение вызвал доклад К.Буррихтера, в котором высокоразвитые индустриальные страны 1980-х гг., как капиталистические, так и социалистические, определялись как «проблемные общества», находящиеся в «переходной ситуации» и сталкивающиеся с бóльшим числом проблем, чем они в состоянии решить. К.Буррихтер утверждал, что как социалистическому, так и рыночному обществу 2000-х гг. следует заново основательно переосмысливать свои проблемы. По мнению Ю.Миттельштрасса (Швейцария), перспективы будущего зависят от того, состоится ли новое Просвещение, от того, смогут ли консолидироваться силы разума и реализма, чтобы противостоять открытым или же завуалированным иррационалистическим тенденциям. В этом случае понятие разума в философии также сохранит своё значение.

Перспективной для обсуждения участники симпозиума 1988 г. признали тему «Единство научно-технического прогресса и многообразие социокультурных идентичностей». Это была своего рода повестка дня на 1990-е гг. – эпоху глобализации и мультикультурализма.

Работа Дейчландсбергских симпозиумов отличалась духом благожелательности, терпимости и диалога. При этом участники могли остро полемизировать, отстаивать свои научные позиции. Симпозиумы выполнили свою главную задачу: способствовали налаживанию диалога и взаимопонимания между философами Запада и Востока Европы. После событий 1989 г. в Восточной Европе сложилась качественно иная ситуация, в результате чего Дейчландсбергские симпозиумы стали достоянием истории.

Симпозиумы в Дейчландсберге – важная страница в истории формирования проблематики комплексного изучения человека. Обращение к дискуссиям в Дейчландсберге позволяет обнару-

жить, когда именно возникали новые, поворотные идеи, как они формулировались, какой понятийный аппарат при этом использовался. Скажем, биоэтические проблемы или вопросы глобалистики, возникнув как побочный продукт дискуссий по методологии, философии и этике науки, превратились в самостоятельные исследовательские области. Всё это очень интересно и поучительно. Историю, в том числе историю науки, нужно писать вовремя, пока имеются документы и живы участники событий. Тогда в ней можно будет выявить некоторые общие закономерности возникновения новых научных направлений, что окажется весьма полезным на будущее.

Примечания

- ¹ *Мотрошилова Н.В.* Об Иване Фролове – субъективные заметки // Академик Иван Тимофеевич Фролов: очерки, воспоминания, избр. ст. М., 2001. С. 313.
- ² *Агацци Э.* Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 72.
- ³ *Белкина Г.Л., Сачков Ю.В.* Наука и гуманизм // Вопр. философии. 1984. № 3. С. 137–140.
- ⁴ См.: *Природа.* 1985. № 11. С. 99.
- ⁵ *Белкина Г.Л.* Место и роль субъекта в философских концепциях XX в. // Вопр. философии. 1986. № 9. С. 147–149.
- ⁶ *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 139–140.
- ⁷ *Фролов И.Т.* О диалектике и этике биологического познания // Вопр. философии. 1978. № 7. С. 42.
- ⁸ *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986.
- ⁹ *Гусейнов А.А.* Наука и гуманизм // Филос. науки. 1988. № 8. С. 115–116.
- ¹⁰ *Röseberg U.* Wissenschaft und Humanismus. Vorläufige Bilanz dem X Internationalen Deutschlandsberger Symposium // Zeitschrift für Deutsche Philosophie. 1989. Heft 3. S. 272–276.

Аннотации

Юдин Б.Г. Новые итоги давнего исследования. Анализируется этическая сторона медицинских исследований, проводившихся в Гватемале в 1946–1948 гг. при поддержке правительственных ведомств США. В ходе этих экспериментов проводилось инфицирование испытуемых (в том числе заключенных, военнослужащих и т.п.) сифилисом, гонореей и шанкром.

Ключевые слова: этика медицинских исследований, информированное согласие, уязвимые категории испытуемых, преднамеренное инфицирование испытуемых

Тищенко П.Д. Экология человека и проблема «отходов» социальных технологий. Человек и человечество все в большей степени соизмеряют свое существование с глобальной машинерией техногенной цивилизации. Этим оправдано широкое использование термина «социальные технологии». Семантическое сближение политического действия с инженерной практикой, осуществляемое в понятии социальной технологии, позволяет поставить вопрос об отходах политической деятельности, не менее, если не более опасных, чем промышленные. У экологической проблемы существует специфический социально-политический план.

Ключевые слова: экология, политика, отходы политического действия, онтологическая конечность человека

Белялетдинов Р.Р. Ценностный конфликт в развитии нанотехнологий. Новые технологии порождают ценностные этические конфликты, снятие которых лежит в плоскости междисциплинарного диалога. Обычно этот процесс начинается с моделирования рисков, алармизма, а заканчивается нахождением пути или, точнее, компромисса, в рамках которого технология может развиваться, не угрожая жизни и здоровью людей. Как правило, этот компромисс оформляется в виде этических кодексов, норм и т. п., регулирующих ту или иную сферу исследовательской и производственной деятельности. Между тем интересно отметить, что нанотехнологии выделяются в ряду новых технологий, поскольку меняют уже сложившуюся траекторию экспертизы как допуска рисков в обмен на блага. Непредсказуемость свойств наночастиц, созданных при помощи нанотехнологий, является проблемой, которая подрывает саму идею этической экспертизы, так как не позволяет более или менее четко дать оценку возможных рисков. В связи с этим происходит столкновение ценностей технического развития и безопасности, предсказуемости и фактической неконтролируемости, ставшее одной из основных биоэтических проблем развития нанотехнологий. Рефлексия биоэтического и социального контекста нанотехнологий не

столько изменили этическую методологию оценки новых технологий, сколько вывели саму идею риска на новый уровень видения риска как неотъемлемого элемента развития.

Ключевые слова: нанотехнология, управление нанотехнологией, научная неопределенность

Моисеев В.И. Конкретная универсальность и биоэтика. В статье исследуется феномен так называемой «конкретной универсальности» – универсального знания, способного в результате определенной процедуры систематически прилагаться к частным ситуациям. Наиболее известным примером конкретной универсальности выступают естественнонаучные законы, которые формулируются в виде универсальных суждений, где фигурируют переменные, на места которых можно подставлять частные значения, получая конкретное знание. В статье обсуждается тема границ подобного вида универсальности и возможностей её использования в биоэтическом дискурсе.

Ключевые слова: конкретная универсальность, переменная, закон, общее и частное, нравственный закон.

Майленова Ф.Г. Риски и соблазны психолога-консультанта. В профессиональной деятельности психолога-консультанта нередки ситуации, когда сталкиваются различные интересы и ценности, и очень важно уметь разрешить их, не причиняя вреда ни клиенту, ни себе, ни кому бы то ни было еще. Для того чтобы помочь психологам разобраться в наиболее часто встречающихся нравственных коллизиях, с одной стороны, и защитить клиента от возможных злоупотреблений, с другой, разрабатываются различные этические кодексы. Главная цель разработки и принятия единых этических стандартов – способствовать решению проблемы профессиональной некомпетентности, установлению основополагающих прав и обязанностей, вытекающих из особенностей профессиональной деятельности психолога. Кодекс должен служить ему ориентиром при планировании и построении работы с клиентом, в том числе при разрешении проблемных и конфликтных ситуаций, возникающих в процессе его профессиональной деятельности. Однако даже максимально подробный и тщательно разработанный кодекс не способен дать ответы на все вопросы и тем более заменить личную компетентность – не только психологическую, но и нравственную.

Ключевые слова: этический кодекс психолога, нравственный конфликт, этические принципы практикующего психолога

Чеснов Я.В. Нуминозное тело и одежда. Нуминозное нас удивляет своей чуждой неантропоморфностью. Оно еще сингулярно. Оно вне реальности, а потому является метафизической силой. Эта сила при сосредоточении в теле становится личностной энергетикой. Растительные волокна, кожи и украшения через инверсии превращаются в одежду. Одежда наращивает нуминозность тела и соответственно энергетику личности.

Ключевые слова: нуминозность, тело, личность, нагота, одежда, эротика, культ, инверсии, энергетика, харизма

Попова О.В. Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего. В статье рассматриваются риски модификации телесности человека в контексте развития современных технологий. На примере российского антропотехнического проекта «Детство-2030» проанализированы этические проблемы конструирования человека.

Ключевые слова: ребенок, технологический риск, утопия, конструирование человека

Скоркин О.А. Биологос в системе образования. В статье представлен многоаспектный взгляд на современное состояние системы образования, сложности перехода от техногенной к антропогенной цивилизации, связанные с этим пересмотр привычных представлений о человеке, о мире, на смену ценностных ориентаций. Сложности гуманитаризации образования охватывают сферы как учащихся средней школы и вузов, так и педагогических коллективов. Особое внимание уделено созданию среды, и в первую очередь информационной, для обучающихся и обучаемых.

Ключевые слова: мировоззрение, личность, предназначение, антропология, культурология, состязательность (конкуренция), СМИ, социум, информационные технологии, современность

Юрьев Г.П. Мультипликатор субличностного доверия УллаДа и глубинная педагогика. В статье обосновывается концепт «мультипликатор субличностного доверия», который позволяет унифицировать и стандартизировать результаты психологических и психофизиологических исследований человека, сохраняя при этом строго индивидуализированный подход к эмоционально-волевой структуре его личности.

Теоретической базой нового концепта является фундаментально-прикладное мультидисциплинарное направление науки – «Трилемматический материализм биоэтических методов диагностики, профилактики и лечения» (Юрьев Г.П.) – в соединении с мультипликатором доверия Дж. Акерлофа и Кейнсианской моделью экономики в мультиагентной па-

радикале техноэтических систем «человек – техника – человек». Это позволяет объединить социальные, профессиональные, психологические, психосоматические и другие реальности в как бы «живом» электронном паспорте человека.

Ключевые слова: мультипликатор субличностного доверия, глубинная педагогика, Мёбиус, биоэтика, практическая биоэтика, эгоскопия, цветография, образование, облачная интернет-технология

Пронин М.А. Виртуал команды – теоретическая модель командообразования. В сообщении представлена теоретическая модель командообразования философско-антропологической степени общности, основанная на конструкте «виртуальный человек», созданном в рамках виртуалистики. Системная модель охватывает статический и динамический модусы бытия команды, ее онтологическую структуру (элементы, порождающую и порожденную реальности, роторную и дивергентную компоненты), инвариантную траекторию становления в пространстве физически реализуемых состояний с иерархией. Порожденный феномен актуального существования команды на уровне целостности определен через понятие «виртуал команды» с выделением обыденного (конусетального) состояния и регистров развала деятельности (ингратуала) и сверхэффективного ее функционирования (гратуала). Формализована нормальная и патологическая онтология в пирамиде командного виртуала, включая его телеономическую (целевую) и деятельностьную составляющие, а также массу и оболочку виртуала команды. Представлены феноменологические примеры (видовые проявления) – казусы, нормы и патологии при синомичном и аномичном способе формирования виртуса (в обыденном понимании – духа) команды.

Ключевые слова: виртуалистика, философия, антропологи, система, концепт, модель, «виртуальный человек», виртуал, команда, командообразование, норма, патология, феноменология, казус, виртус, гратуал, ингратуал

Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. Из истории формирования проблематики комплексного исследования человека (Дейчландсбергские симпозиумы). В статье рассказывается об одном из эпизодов научной жизни 1980-х гг. – международных симпозиумах, проводимых в Дейчландсберге Университетами Граца и Эрлангена под общим названием «Наука и гуманизм». На коллоквиумах обсуждались такие вопросы, как: структуры, регулятивы и закономерности развития науки, значение естественнонаучных концепций для изучения культуры, место и роль чело-

века в философских концепциях природы, гуманистическое содержание наук и изменение ценностей. От нашей страны в симпозиумах участвовали известные философы, в том числе академик И.Т.Фролов.

Ключевые слова: Фролов И.Т., Дейчландсберг, наука, гуманизм, ценности

Summary

Yudin B.G. New results of the olden research

Ethical aspects of medical research, supported by US authorities and carried out in Guatemala in 1946-1948 are analyzed. In course of these experiments research subjects from vulnerable populations (including detainees, militaries etc.) were exposed to syphilis, gonorrhea, and chancre.

Key words: ethics of medical research, informed consent, vulnerable research populations, intentional exposition of research subjects

Tishchenko P.D. Human Ecology and the problem of waste in social technologies

Humans and the humankind increasingly commensurate their existence with the machinery of global technological civilization. This is justified by the widespread use of the term “social technologies”. Semantic convergence of political action with sound engineering practice, carried out in the concept of social technology, allows to put the issue of waste of political activity as a theoretical and practical problem. Political waste, however, is more dangerous than industrial waste. In environmental problems exist specific socio-political aspect.

Key words: ecology, politics, the waste of political action, the finitenes of human ontology

Belyaletdinov R.R. Conflict of values in the development of nanotechnologies

Confrontation of values of scientific development and safety, predictability and uncertainty is the main bioethical problem of nanotechnological development. Reflection on bioethical and social contexts of nanotechnological science growth brings the idea of risks up to new level of thinking when the risk becomes an integral part of technology development. In the article the “Code of conduct for responsible nanosciences and nanotechnologies research” is concerned as one of the newest examples of regulation of nanotechnologies.

Key words: nanotechnologies, regulation of nanotechnologies, scientific uncertainty

Moiseev V.I. Concrete universality and Bioethics

The article examines the phenomenon of so-called “concrete universality” – the universal knowledge that could be attached to particular situations by a special systematical procedure. The most famous example of the concrete universality are the laws of natural science that are formulated in the terms of universal propositions, where variables are included, to the places of which we can substitute the particular values to obtain specific knowledge. The paper discusses the theme of boundaries of that kind of universality and its possibilities for using in bioethical discourse.

Key words: concrete universality, variable, the law, the general and particular, the moral law

Mailenova F.G. Risks and temptations of consulting psychologist

In the professional life of consulting psychologist there are situations when different interests and values clash each other and at that moment it is very important to resolve such situations without any harm to client, psychologist or anybody else. Different ethical codes are developed with intention to help psychologists to resolve most often met ethical issues, from one hand, and from another hand, to protect psychologist's clients from possible coercion. The main aim of developing and accepting of unified ethical standards is promoting for solving of the problem of professional incompetence, standing of fundamental rights and obligations following from special condition of psychologist's professional activities. Code must maintain borders for psychologist while planning and organizing work with clients including problematic and even conflict situations occurring in course of professional psychological activity. But certainly even thorough and detailed code is unable to answer all questions and moreover to replace professional, psychological or moral competence.

Key words: ethical code of psychologist, moral conflict, ethical principals of practicing psychologist

Chesnov Ya. V. Numinous Body And Dress

Numinous astonishes us by its alien non-anthropomorphism. Moreover it is singular. It is outside the reality, and thus it constitutes a metaphysical force. This force when concentrated in the body becomes a personal energy. Plant fibers, skins and jewelry turn into dress through inversion. Dress increases the body numinosity and consequently the energetics of self.

Key words: numinosity, body, personality, nudity, dress, erotica, cult, inversions, energetics, charisma

Popova O.V. Child as an object of socio-cultural design: in search of a man of the future

The article considers the risks of human body modification in the context of the technology development. The ethical issues of human design were analyzed on the example of Russian technological project "Childhood – 2030".

Key words: child, technological risk, utopia, human design

Skorkin O.A. Biologos in the educational system

This article takes a multi-faceted look on the modern condition of the educational system, the difficulties of the transition from the technogenic to the anthropogenic civilization, and the related rethinking of the typical idea

about man, the world, as well as the change of values. The difficulties of humanitarization of education encircles spheres of middle and higher educational institutions, as well as pedagogical collectives. Particular attention is paid to the creation of the environment; primarily, the informational environment – both for the teachers and the learners.

Key words: world outlook, personality, mission, anthropology, culturology, competition, media, society, information technology, contemporaneity

Yuryev G.P. The multiplier of subpersonal confidence and depth pedagogy

The article substantiates the concept “multiplier of subpersonal confidence”, allowing to unify and standardize results of psychological and psychophysiological human researches, keeping straight individual approach to personal emotional and will structure.

Theoretical base of the new concept is fundamental and practical multidisciplinary direction of science: “Trillematic materialism of bioethical methods of diagnostics, prophylaxis and treatment” (Yuryev G.P.) along with multiplier of confidence by George Akerlof and Keynesian model of economy in multiagent paradigm of technoethical systems “human being – technology – human being”. This approach allows to join social, professional, psychological, psychosomatic and other realities in a quasi alive electronic human passport.

Key words: multiplier of subpersonal confidence, depth pedagogy, Möbius, bioethics, applied bioethics, egoscopy, colorography, education, cloudy Internet technology

Pronin M.A. Virtual teams – theoretical model of team building: brief report

The report presents theoretical model of team building of philosophical and anthropological degree of generality, based on construct “virtual human being”, developed in the framework of virtualistics. System model embraces static and dynamic modi of team being, its ontological structure (elements, procreant and generated reality, rotor and divergent components), invariant trajectory of formation in the area of physically realized states with hierarchy. Procreant phenomenon of actual team existence on the level of integrity is defined per notion “virtual team” distinguishing everyday (conusetal) condition and registers of activity disintegration (ingratitude) and its super effective functionality (gratuality). Normal and pathological ontologies are formalized in the pyramid of team virtuality including its teleonomic (target) and action parts as well as mass and shell of team virtuality. Phenomenological examples are presented (appearances of species) – cases, norms and pathologies in the course of synonymous and illicit ways of team virtue formation (in general sense it means “team spirit”).

Key words: virtualistics, philosophy, antropology, system, concept, model, “virtual human being”, virtual, team, team building, norm, pathology, phenomenology, casus, virtus, graduality, ingratitude

Belkina G.L., Korsakov S.N. From the history of formation of the problematics of complex research of the human bei (Dojchlandsberg simposia)

In article it is told about one of episodes of a scientific life of 1980th – the international simposia spent in Dojchlandsberg by Universities of Graz and Erlangen under the general name «the Science and Humanism ». On simposia following questions were discussed: structures, regulations and laws of development of science, value of natural-science concepts for studying culture, a place and a role of person in philosophical concepts of the nature, the humanistic contents of sciences and change of values. From the side of USSR known philosophers, including academician I.T.Frolov participated in simposia.

Key words: Frolov I.T., Dojchlandsberg, science, humanism, values

Авторы выпуска

Белкина Галина Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Беляетдинов Роман Рифатович – младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Корсаков Сергей Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Майленова Фарида Габделхаковна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Моисеев Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, **раведующий кафедрой философии, биомедицинской этики и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета (МГМСУ), профессор кафедры истории и философии наук Института философии РАН**

Попова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, и.о. старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, ученый секретарь Института философии РАН, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Скоркин Олег Алексеевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник сектора биоэтики и гуманитарных экспертиз Института философии РАН

Тищенко Павел Дмитриевич – доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Чеснов Ян Вениаминович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

Юдин Борис Григорьевич – профессор, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН

Юрьев Георгий Петрович – доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, психотерапевт высшей категории

Authors

Belyaletdinov Roman R. – junior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Belkina Galina L. – candidate of philosophical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Chesnov Yan V. – candidate of philosophical sciences, leading research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Korsakov Sergey N. – candidate of philosophical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Maylenova Farida G. – doctor of philosophical sciences, leading research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Moiseyev Vyacheslav Y. – doctor of philosophical sciences, professor, Head of the Chair of philosophy, biomedical ethics and the humanities of the Moscow State Medical Stomatological University, professor of the chair of History and philosophy of a science, Institute of Philosophy RASc

Popova Olga V. – candidate of philosophical sciences, Senior Researcher of the Department of Bioethics and Humanitarian Review, the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Skorkin Oleg A. – candidat of technical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Pronin Mikhail A. – candidate of medical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Head of the department of virtualistic research, Executive Secretary, Institute of Philosophy RASc

Tishchenko Pavel D. – doctor of philosophical sciences, Head of the department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

Yudin Boris G. – doctor of philosophical sciences, professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Comprehensive Problems of Human Studies, Institute of Philosophy, RASc

Yuryev Georgiy P. – doctor of philosophical sciences, candidate of psychological sciences, leading research associate, Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc, psychotherapist of the highest category

Научное издание

Биоэтика и гуманитарная экспертиза Выпуск 6

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 31.07.12.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,00. Уч.-изд. л. 12,22. Тираж 500 экз. Заказ № 017.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>